

63.5(0)3

Р51

М. Римшнейдер

ОТ ОЛИМПЦИИ ДО НИНЕВИИ ВО ВРЕМЕНА ГОМЕРА

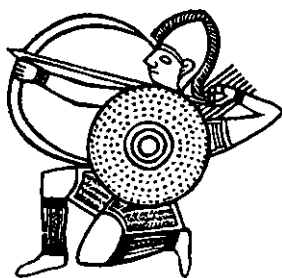

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. Римшнейдер

115327

ОТ ОЛИМПЦИИ ДО НИНЕВИИ ВО ВРЕМЕНА ГОМЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

9(М)03
Р51

Margarete Riemschneider
VON OLYMPIA BIS NINIVE IM ZEITALTER HOMERS
LEIPZIG 1963

Редакционная коллегия

К. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР, Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН,
Р. В. ВЯТКИН, Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, И. М. ДЬЯКОНОВ,
М. А. КОРОСТОВЦЕВ (председатель), С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Перевод с немецкого
Л. П. СУЗДАЛЬСКОЙ

Ответственный редактор
А. А. НЕЙХАРДТ

Римшнейдер М.

Р 51 От Олимпии до Ниневии во времена Гомера.
Пер. с нем. Послесл. А. А. Нейхардт. М., Главная
редакция восточной литературы издательства
«Наука», 1977.

165 с. с ил. и карт. («По следам исчезнувших культур
Востока»).

Книга дает развернутую картину жизни народов Ближнего Востока и Греции в VII в. до н. э.—в эпоху оформления гомеровских поэм.

Р $\frac{10603-065}{013(02)-77}$ —143-77

9(М)03

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ВВЕДЕНИЕ

Когда читаешь Гомера, то создается впечатление, что речь у него идет о критомикенском периоде. Гомеровский же эпос появился 500 лет спустя. Высоко-развитая, близкая к природе культура Крита и Микен погибла в результате быстро растущих внутренних противоречий в XII в. до н. э. во время переселения народов. Затем она была забыта. Если мы сейчас и располагаем сведениями о критомикенском периоде, то отнюдь не из литературных источников и фольклора, а исключительно благодаря раскопкам. Для пробуждающейся греческой культуры этих сокровищ не существовало. Они оказались погребенными под метровым слоем земли. Продолжали жить легенды и сказки, уцелели посвященные дары в хранилищах старинных храмов, на самом дне ящиков лежали наследственные семейные реликвии. Но можем ли мы на основании только этих доказательств считать микенский мир действительно «гомеровским»?

События, о которых рассказывает Гомер, безусловно разыгрываются в микенский период. Но ведь и время действия «Фауста» Гёте относится к средним векам. Но было бы странно конец средневековья называть «гётевским временем» только потому, что поэт заимствовал оттуда материал для своего «Фауста». Становилось все очевиднее, что Гомер не мог жить ни в IX в. до н. э., ни даже в VIII в. до н. э., то есть в эпоху «геометрического стиля». Вряд ли художник этого стиля взялся бы за изображение микенского мира, столь чуждого ему по своему складу. Гомер же дал нам точную и верную картину того времени. В годы отмирающего критского натурализма, пока «геометрический стиль» не достиг своего расцвета в вазовой живописи, никто не был способен проникнуть в сложный психологический мир переживаний и изобразить

разгневанного Ахилла так, как это сделано в 1-й песне «Илиады». Склонное к патетике и застывшее в своей строгости более позднее время не сочло бы описанное в 14-й песне пикантное приключение Зевса на горе Иде достойным произведением искусства. Вплоть до эпохи эллинизма не было такого насмешливого, вольнодумного, с таким широким диапазоном интересов поэта, как Гомер. Он принадлежит к тому времени, которое в археологии называют «ориентализацией», и его творчество нельзя отнести ни к более раннему, ни к более позднему периоду.

Термин «ориентализация» довольно односторонен и носит отпечаток представлений, почерпнутых в классических гимназиях. На самом деле речь идет не о стремлении к подражанию Востоку, а, скорее, о мироощущении, характерном для ойкумены (так греки называли весь известный им населенный мир) в эпоху приключений и открытий, во времена духовной свободы, центр которой находился отнюдь не на Востоке в собственном смысле этого слова, а на Средиземном море — у его восточных берегов. Если период с 750 по 600 г. до н. э. мы называем «гомеровским», то совсем не потому, что Гомер жил в то время (это вряд ли могло быть ранее 700 г.), а потому, что этот период составляет единое целое, хотя его нельзя ограничить с точностью до десятилетия.

ИСТОРИЯ

Ассирийцы. «Гомеровский период» обязан своим своеобразием (которое выражалось хотя бы в создании «Илиады» и «Одиссеи») тому, что со времени распада Хеттской империи в начале XII в. до н. э. в Передней Азии фактически не существовало великих держав, которые оказывали бы решающее влияние на жизнь других народов. Многочисленные мелкие государства могли развиваться без всякой внешней опеки. Правда, ассирийцы неоднократно пытались добиться мирового господства, но созданные ими империи после смерти их основателей почти всегда распадались. Ассирия стала таким же мелким государством, как и другие. Обширные, но недолго удерживаемые ею территории ни у кого не вызвали мысли о том, что военные завоевания могли заставить захваченные Ассирией государства примкнуть к духовной жизни Ашшура¹. Никогда не существовало настоящего ассирийского государства, опиравшегося на духовное богатство народа, которое перешагнуло бы пределы центральных областей Ашшура и Ниневии; никогда оно не породило таких объединений, как эллинистические монархии или Римская империя. Область господства Ашшура постоянно менялась. Если ассирийцы воевали на юго-востоке, в Эламе и Вавилонии, то восставали северо-западные вассалы. Самыми бесчеловечными средствами их приводили к повиновению, но тогда поднимались на восстания другие. Каждый царь начинал все сначала, и его быстрый успех был основан лишь на живущем в памяти народов ужасе, внушенном его предшественниками.

¹ Ашшур — город в древней Ассирии, крупнейший центр шумеро-аккадской культуры, значительное время являвшийся столицей Ассирийского царства. — *Прим. ред.*

Царь Саргон II

Ассирийские цари похожи друг на друга как две капли воды. Они не только присваивали себе имена удачливых предшественников, но даже анналы их сходны и по содержанию, и по стилю. Можно было бы предположить, что в этом повинны писцы. Но как же тогда выработалась такая манера описаний, по бессердечию и полному отсутствию в ней чувства моральной

ответственности, находящаяся в резком противоречии со всем тем, что нам рассказывает гомеровский эпос и что мы видим на изображениях финикийцев и хеттов? Не знаешь, где кончается убогая фантазия и трескучий профессиональный жаргон и начинается действительность. «Я отсекал головы воинов и сложил из них пирамиду перед городом, я сжигал в огне мальчиков и девочек... Оставшихся в живых [пленных] я сажал на колья вокруг города, а остальным выкалывал глаза».

Для каждого ассирийского царя характерны присущие им садистские наклонности. Одни предпочитали сдирать кожу, другим больше нравилось отрубать руки и предоставлять калек их собственной судьбе. Ассириологи не скрывают своего восхищения могучими владыками, и их восторг возрастает вместе с числом завоеванных последними стран. Настало время отказаться от этой манеры изложения истории и прежде всего восстановить права тех, кто смело, хотя зачастую и безуспешно, сопротивлялся этому дьявольскому способу создания государств.

Когда персы (после уничтожения ассирийского государства и короткого периода господства мидян и вавилонян) создали свою мировую державу, намного более терпимую и лучше организованную, то они брали в качестве делового и дипломатического языка не ассирийский (он даже на своей родине никогда не являлся языком культуры), а арамейский, заменив им бывший до этого общепризнанным вавилонский деловой язык. Несмотря на титанические, но неудачные попытки ассирийцев искоренить покоренные народы, переселяя их целыми городами и подвергая культурному влиянию победителей (метод, излюбленный начиная со II тысячелетия до н. э.), эти народы не стали говорить на ассирийском языке. Персидские цари предпочли арамейский в качестве канцелярского языка не только потому, что финикийско-арамейским письмом было проще писать, чем вавилонским, но и потому, что он получил уже распространение как обиходный и как язык письменности. Это обстоятельство можно объяснить лишь только моральным неприятием чуждой культуры ассирийцев. Куда бы те ни приходили, они везде оставались угнетателями. И тем не менее персов

нельзя упрекнуть в арамеизации. Правда, они говорили на арамейском языке, но культура их была иранской с налетом греческого влияния. И этот космополитизм, воспринимавшийся везде как избавление, позволил покоренным народам не замечать непрекращающегося вырождения персидского двора. Без персидского царства не было бы эллинизма и Римской империи.

Наше отрицательное отношение к персам возникло так же в результате знакомства с освободительными войнами греков, с битвой при Марафоне² и Саламине³. Персы же проложили дорогу будущей эллинизации, корни которой уходят в те столетия, которые породили Гомера. Ассирийцы, в свою очередь, почти бесследно исчезли из памяти народов. Завоевания Египта ассирийцами, продолжавшегося 16 лет, греки даже не заметили, хотя «отец истории» Геродот⁴ был хорошо осведомлен о событиях в этой стране. Он не делает также различия между ассирийцами, вавилонянами и даже арабами, в то время как в сказании о Троянской войне совершенно точно указывает на происхождение ламантины Мемнона из Суз⁵. Об Эламе у греков были более конкретные представления, чем об Ашшуре и ассирийцах. Греческие сказания наполнены прежде всего лицами и событиями, связанными с народами, сопротивлявшимися ассирийскому порабощению. Сами ассирийцы и их цари занимали второстепенное место и воплотились в страшном по своей жестокости образе Сарданапала⁶.

² Марафонская битва (490 г. до н. э.) — первое крупное сражение между греками и персами, в котором греки под командованием Мильтиада одержали победу над персидской армией, значительно превышавшей их численностью. — *Прим. ред.*

³ Саламинская битва (480 г. до н. э.) — морское сражение у о-ва Саламин в период греко-персидских войн, когда греческий флот разгромил превосходивший его силами флот персидского царя. — *Прим. ред.*

⁴ Геродот (V в. до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории» в девяти книгах, заслуживший наименование «отца истории» еще в античную эпоху. — *Прим. ред.*

⁵ Сузы — столица древневосточного государства Элам. — *Прим. ред.*

⁶ Сарданапал — согласно легенде, один из последних ассирийских царей, из-за своей развращенности и изнеженности погубивший государство. — *Прим. ред.*

В то же время мы можем теперь утверждать, что отделенные от ассирийцев тысячами эллинизма и Римская империя отнюдь не лучше Ассирии с ее грабительскими войнами. Неспособность ассирийцев к организации, формы их грабежа, взимание дани наместниками, которых поработенное население всегда очень скоро изгоняло, так как покоренные страны были расположены вдали от Ашшура,— все это спасло жившие вокруг Ассирии народы от гибели. Города и крепости лежали в развалинах, людей убивали и угоняли, но все, кто уцелели,— а таких всегда было большинство — возвращались назад и снова жили по-старому. Получив подобную закалку, население ненавидело язык и обычаи завоевателей, а самих ассирийцев воспринимало как врагов.

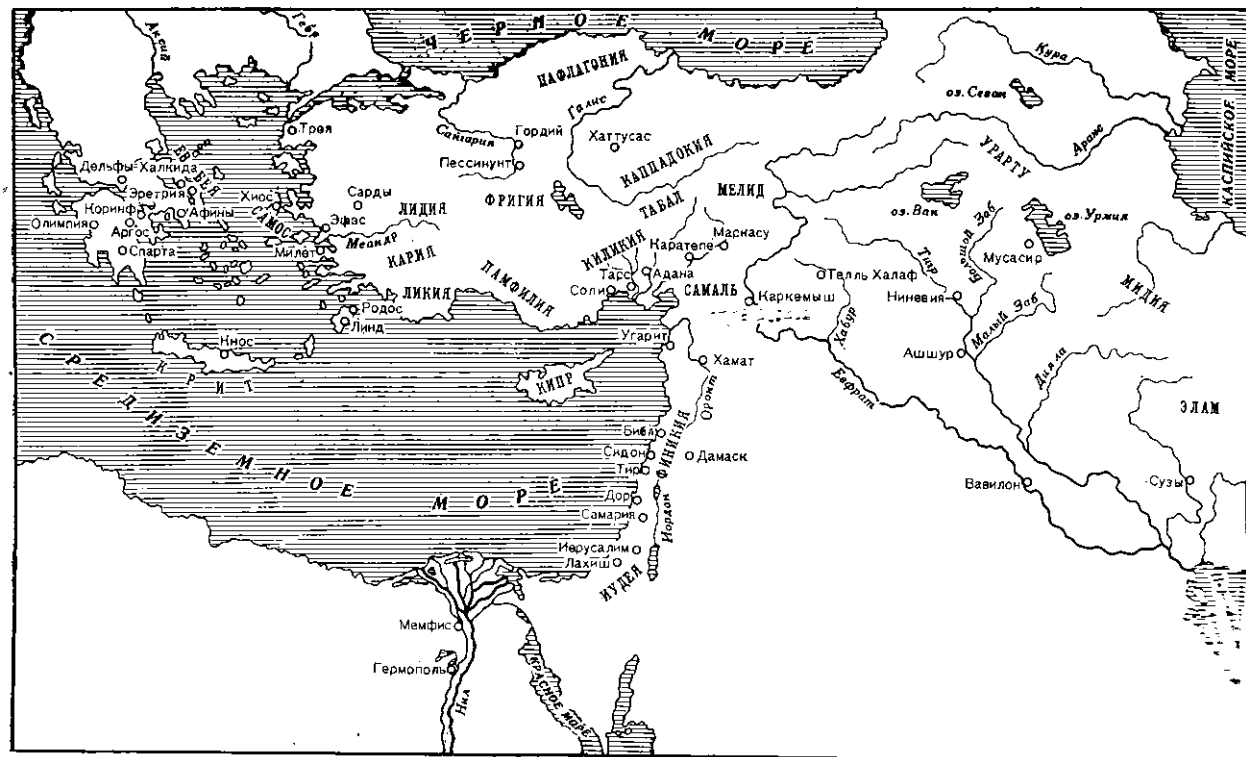
Так как ассирийские цари, стремясь прославиться, повелевали высекать на стенах дворцов рассказы о своих подвигах и свои изображения, то мы получили эти малопривлекательные анналы почти без пробелов. В них, правда, заметно стремление затушевать промахи, но неверные сведения встречаются очень редко. В этих надписях перед нами вырисовываются народы — отважные противники ассирийцев. Мы можем себе представить жизнь этих народов в их странах со всем, что их окружало, гораздо лучше, чем ассирийцев, хотя последние и претендовали на мировое господство. Благодаря не всегда значительному, но весьма поучительному культурному наследию ассирийцев все окружающие их народы предстают перед нами во всем многообразии их культуры. Разве не показательна хотя бы то обстоятельство, что, несмотря на существование превосходящего другие народы ассирийского искусства, оно представлено только резиденциями царей, и за пределами ассирийских городов мы уже не встречаем памятников этой культуры?

Самые различные народы сопротивлялись ассирийской экспансии на востоке Средиземноморья и при надвигающейся опасности объединялись в весьма прочные союзы (см. карту).

Хетты. В середине II тысячелетия до н. э. эта истовь индосиропопейских народов, значение которой показали исследования последних десятилетий, образовала рядом с Египтом и Вавилонией, управляемой

также индоевропейскими племенами касситов, огромную империю со столицей Хаттусас в излучине реки Галис. Распад этой империи в начале XII в. до н. э. привел к раздроблению когда-то обширных провинций и государств-вассалов на множество мелких городов-государств, которыми стали управлять местные царьки. Эти новые государственные образования получили свои имена от названий столиц или от более или менее легендарных их основателей. Поэтому исчезают провинции, известные нам из клинописных текстов, уступая место новым. Состав населения при этом почти не изменялся, и возникновение новых названий объясняется, возможно, тем, что независимость принесла с собой излишнюю хвастливость, которая и нашла отражение во вновь начертанных надписях.

На границах Урарту, которое как государство сложилось позднее, чем мелкие хеттские княжества, был расположен Мелид (современная Малатия). Его история знает целую вереницу царей. Здесь сохранилась богатая коллекция скульптур и хеттских надписей. Мелид не только страдал от соседства обоих крупных государств, Ашшура и Урарту, но и вынужден был вести борьбу с дикими племенами касков, воспринимая их как старых наследственных врагов хеттов. Место поселения касков трудно установить, так как они появлялись то далеко на севере, то на юге. Несмотря на то что они были варварами, каски дали имя одному из самых популярных товаров бронзового века — олову, столь необходимому для изготовления бронзы. Греческое слово *kassiteros* означает «металл касков» (олово). Кроме Урарту олово встречается только в Мелиде и, как предполагают, получило широкое распространение благодаря посредничеству более деловых соседей касков. Дорога, по которой доставлялось олово, при Синаххерибе (705—681 гг. до н. э.) стала особенно опасной, и металл касков оказался труднодоступным. Жители Переднего Востока вынуждены были доставлять олово из Англии, страны настолько далекой, что она представлялась им сказочной. Но за новой областью закрепилось старое название, отсюда появились «касситерские острова», которых, естественно, не могут найти по сегодняшний день. За оловом обычно отправлялись из порта города Тарса (вплоть до его

Восточное Средиземное море и Передняя Азия во времена Гомера (ок. 750—600 гг. до н. э.)

гибели в 696 г. до н. э., когда он попал в руки ассирийцев). И здесь мы наблюдали своеобразное явление: имена городов и народов оказываются устойчивее их судеб. Город под названием Тарс переместился на новое место в Испанию. И вот горделивые морские корабли Тарса завязывают торговые связи с дотоле неизвестным испанским городом (его стали называть Тартесс) ради доставки вожденного металла, которого они лишились из-за разбойничьих войн ассирийцев и без которого не могли изготавливать бронзу (нигде, кроме Восточной Анатолии).

Так же как и Мелид, обе области, расположенные на ее южной границе, — Куммух и Гургум — не в состоянии были возглавить притесняемые народы. Они сами находились под постоянной угрозой нападения со стороны ассирийцев и подвергались непрерывным набегам арамейцев.

Самый крупный северосирийский город — Кархемыш сохранил в наиболее чистом виде хеттские черты, хотя и был расположен на окраине области. В политическом отношении более значительную роль играл и успешнее оборонялся от нападений врагов Тилль-Барсипп, также расположенный на Евфрате. Кархемыш (Каркемыш), где во времена хеттского господства находилась резиденция царевичей из Хаттусаса, был изолирован от окружающего населения, говорившего на другом диалекте, и сохранял отпечаток этой изолированности. До своего падения в 717 г. до н. э. он постоянно принимал участие в восстаниях, но никогда не занимал руководящего положения, хотя и мог бы претендовать на это по своему значению.

Урарту. Ведущая роль в IX в. до н. э. принадлежала в древнем мире арамейскому городу Дамаску и хеттскому Хамату — двум большим сирийским государствам. В VIII в. до н. э. она перешла к Урарту.

Значение Урарту выявилось только в последние десятилетия и сильно изменило наши исторические представления: до этого основное внимание уделялось Ассирии. Урарту — ассирийское название Арарата. В Ветхом завете он фигурирует не только как гора, к которой пристает Ноев ковчег, но и как государство немаловажного значения. Через несколько лет после гибели Ассирии и падения Ниневии (612 г. до н. э.) Урарту

также прекратило свое существование под ударами объединившихся племен скифов и мидийцев. Геродот знает урартов, которых оттеснили в горы племена армян, пришедших с запада под именем алародиев. В настоящее время древняя земля Урарту раздроблена на три части. Самая маленькая северная окраина бывшего государства Урарту принадлежит Советскому Союзу, входя в состав Закавказья, центральная часть, вокруг озера Ван, — Турции и восточный треугольник — Ирану. Точка пересечения границ этой труднодоступной области находится на Арапате.

Как государство Урарту существовало с IX в. до н. э. Несколько талантливых и обладающих широким кругозором царей объединили небольшие, но многочисленные города-государства, находящиеся под постоянной угрозой нападения ассирийцев.

Урартские цари быстро оценили стратегические выгоды высокого плато, расположенного к северу и востоку от озера Ван, и старались продвинуть свои границы дальше на север. В конечном итоге Урарту заняло территорию между озерами Севан, Ван и Урмия. Южные области, которые было трудно удержать, уступили ассирийцам. Выгодное расположение, искусная дипломатия и умелое ведение войны — врага заманивали в глубь страны, позволяли ему грабить, но в

Статуя бога из Самала

конце концов вынуждали отступать — все это привело к тому, что Урарту, хотя и находилось в непосредственном соседстве с Ассирией, никогда не стало ни ассирийской провинцией, ни ее вассальным государством. Маленькая горная страна была единственным действительно опасным и ненавистным противником Ассирии вплоть до мидийско-персидского нашествия.

Лишь одна опасность существовала для Урарту — экспансия Ашшура с запада. Там страна не была защищена. Следовательно, в интересах урартских царей было приобрести друзей в лице соседних хеттов и поддерживать их сопротивление грабителям — ассирийцам. Пассивные и постепенно утратившие желание воевать Мелид и Куммух можно было лишь под некоторым нажимом присоединить к этому союзу, но жители Урарту никогда не стремились превратить своих соседей в вассалов и не делали из их стран своих провинций.

В Кархемыше они не без известного давления привлекли на свою сторону царскую семью. Дальнейшего принуждения не понадобилось. Южные государства сами были крайне заинтересованы в укреплении северных границ. Удивительно стабильным оставалось влияние маленького Урарту, несмотря на неоднократные поражения и вторжения врагов в его пределы. Лишь Синаххериб, самый одаренный из всех ассирийских царей, по-видимому, очень быстро понял, что Урарту, у которого не было никаких интересов в Сирии, лучше иметь в числе друзей, чем врагов. Справиться с этой малодоступной горной страной было трудно, а дружеское расположение Урарту давало возможность выйти к границам действительно крупных государств на Средиземном море.

Кажется почти невероятным, что Ашшурбанипал (668—626 гг. до н. э.) называл урартского царя своим «отцом», а ведь на дипломатическом языке это может обозначать лишь одно: Ашшурбанипал считал урартского царя выше себя рангом. Если это даже и было знаком вежливости, то все равно говорит о том, что ассирийцы меньше всего хотели враждовать с Урарту.

Табал. Ассирийцы в первую очередь стремились завоевать страны, располагавшие тем, чего не было в самом Ашшуре. Прежде всего это касалось дерева из

Амана и металла из Тавра. Аманское дерево шло на роскошные постройки ассирийских царей. А в горах Тавра, в Табале, находились рудники и кузницы. Ассирийцам металл в чистом виде был не нужен. Ведь для его обработки требовалось не только топливо, но и знания, накопленные тысячелетиями. Их-то и нельзя было отнять у врагов. Не случайно Тубалкаин («кузнец Табала») вошел в генеалогию «Книги Бытия» как один из искуснейших кузнецов Табала.

О том, что в этой стране действительно жили хорошие кузнецы, свидетельствует табальская утварь (ее ассирийцы захватили в Урарту), бронзовые сосуды с хеттскими надписями, подобные сосудам, найденным в Этрурии и Греции. Итак, такие люди, как Тубалкаин, действительно существовали, что и стало причиной по-настоящему удивительного явления: Саргон II (722—705 гг. до н. э.), «повелитель четырех частей света», выдал свою дочь замуж за табальца, случайно находившегося в Ашшуре, а его отца Хулли, человека отнюдь не княжеских кровей, посадил царем в одной из табальских земель, хотя за своей дочерью в качестве свадебного подарка дал лишь незначительную часть Киликии. Этот метод, часто практиковавшийся в мировой истории, не очень оправдал себя. Зять Саргона II Амбариди чувствовал себя на родине хеттом, а жена — хеттской царицей. Так что пришлось отозвать супружескую чету, а в Табал, правда на еще более короткий срок, посадить другого правителя. Борьба за эту недоступную и тем самым хорошо защищенную страну обычно оканчивалась неудачей. Сын Саргона, Синаххериб, поступил более умно. Он отказался от владения Табалом, изготавливавшим вожаденный металл, и захватил киликийский Тарс. Сначала Синаххериб сжег его, а затем в том году отстроил заново, поставив там свою статую, которую столетия спустя представили Александру Великому в качестве изображения Сарда-напада.

Киликия. Захват Киликии, то есть Тарса, произвел во всем мире впечатление гораздо большее, чем все прочие ассирийские завоевания на Западе. Власть Ассирии держалась здесь недолго, так как Киликия в дальнейшем так ей и не покорилась, что говорило о важном значении города и страны, подтверждаемое и

другими фактами. Ведь только Киликия после гибели Ашшура и Урарту оказалась в состоянии создать еще одну действительно великую империю, своими размерами ненамного уступавшую государству Хаттусас, центр которого она также присоединила к себе. Царь Киликии Свеннесис был призван третьей судьей в раздоре между мидийцами и лидийцами — народами, появившимися в начале VI в. около Вавилонии. Следует указать, что свеннесис не имя, а титул, равнозначный нашему «величеству».

Интересно сопоставить с греческими мифами ситуацию, которая сложилась после крушения Хеттской империи. За год до падения Трои прорицатель Мопс в сопровождении Амфилоха (также из рода прорицателей) вместе со спутниками ахейского предсказателя Калхаса, умершего в Колофоне, отправился через Памфилию в Киликию, где стал царем. Там он основал известные города Мопсухестию и Мопсукрене. Мопс поспорил с Амфилохом и вскоре умер.

Нас мог бы просто позабавить этот военный поход армии предсказателей, если бы раскопки в Каратепе, расположенном недалеко от Мопсухестии и Мопсукрене, выше долины Аданы, не дали неожиданного подтверждения: Азитаванда, маленький царек провинции Аварикка, входившей в Киликию, основывает город, названный в честь него Азитавандой, и прославляет себя в многочисленных надписях как потомка прорицателя Мопса.

В параллельных финикийских источниках Азитаванду называют Муксом. Человек с этим именем известен нам как союзник ахейцев по последним войнам хеттов с их западными вассалами, хотя здесь далеко не все ясно. Мы можем лишь предполагать, что Мукс (Мопс) был не просто предсказателем, но и предводителем значительного отряда. Ему удалось основать в Киликии небольшое царство в связи с событиями, которые хорошо нам известны, хотя это лишь мелкая деталь на фоне постоянного передвижения народов. Последние волны переселения достигли земель, где жили народы с богатой письменной традицией, например египтяне, рассказавшие о том ужасе, в который их привели пришельцы.

Гибель Хеттской империи в начале XII столетия

до н. э. (мы не можем датировать ее точно, но ее предположительно связывают с обоими переселениями народов. Одно из них достигло границ Египта при Мернептахе в 1225 г., а другое — при Рамсесе III в 1192 г. Незадолго до второго переселения или вскоре после него, по-видимому, и произошло (согласно греческим источникам) падение Трои.

Оба потока были весьма неоднородны по составу переселявшихся народов и вызваны различными причинами. Во времена Мернептах в Малой Азии разразился страшный голод, который и вызвал движение части тирренцев (то есть этрусков), вошедших в первую волну переселенцев под именем турушей. Передвижение было вызвано экономическими причинами. Переселенцы направились морем с запада Малой Азии (часть их могла попасть в Италию), чтобы примкнуть к восстанию ливийцев против Египта. Считалось, что таким образом они надеялись спастись от голода. «Они проводили время в битвах и пристали к берегу, чтобы набить брюхо,— рассказывает Мернептах.— Они пришли в Египет из-за голода». Из Азии в Египет прибыли ахейцы, ликийцы, этруски, сикулы и сардинцы. Впрочем, участие сикулов и сардинцев в этом походе довольно сомнительно.

Совсем иначе обстояло дело со второй волной переселенцев. Они прошли по суше и морю вдоль сирийского побережья, разбойничая и грабя на своем пути, и остановились военным лагерем в Амурру.

Рамсес III рассказывает, что, начиная с Хатти, перед ними не устояло ни одно государство, и перечисляет захваченные страны: Кодэ (без сомнения, Киликия), Кархемыш, Арзава (месторасположение неизвестно), Алашиа (Кипр). В этом передвижении участвовали совершенно иные народы, населявшие, как предполагают, восточную Малую Азию: филистимляне, которых называет в числе своих пленных еще Рамсес II (1298—1232 гг. до н. э.); дануны (согласно источникам, обитавшие в XIV в. до н. э. восточнее Угарита); закары (племена, как и дануны, родственные филистимлянам), а также разрозненные группы и разбойничьи банды шердов и шекерешей, упоминавшихся еще в составе первого потока. Шерды при Рамсесе II служили наемниками в египетских войсках. Во второй волне

уже не было ахейцев, ликийцев и этрусков, то есть жителей западной части Малой Азии. Таким образом, оба потока нельзя объединять хотя бы потому, что их разделяет целое поколение.

К этому времени относится падение Трои и появление Мопса в Киликии. Однако эти события, по-видимому, не связаны между собой. Вся история II тысячелетия до н. э.— это постоянное появление и исчезновение народов, и поэтому мы, возможно, преувеличиваем значение событий, сведения о которых до нас дошли случайно.

Однако захват части Киликии в эти годы полной анархии при таком небольшом количестве воинов был несомненной удачей.

Особенно удивляет то, что Азитабанда называет своими подданными не хеттов (как можно было бы судить по их языку), а данунов. Египтяне, описывая «народы моря», не делают различия между данунами и филистимлянами. В своих вполне заслуживающих доверия рассказах об этническом своеобразии этих народов они, как правило, не ошибаются. Но так как филистимляне упоминаются в качестве союзников хеттов еще среди пленных Рамсеса II, то можно предположить, что жили они где-то в стране хеттов. Не удивительно, что филистимляне, которые доставляли так много хлопот израильтянам и во II тысячелетии до н. э., подобно хеттам, претендовали на монопольное владение железом, оказываются в тесных родственных отношениях с данунами, говорящими на хеттском языке. Таким образом, второе переселение народов, которое затронуло Киликию, Арзаву и Кипр, было, по существу, восстанием против Хеттской империи, начавшимся в ее столице Хаттусасе и приведшим к «освобождению» или по крайней мере к перегруппировке бывших вассальных государств. Вполне вероятно, что все недовольные, в том числе и те, кто не находил себе места в этой густонаселенной стране, при перераспределении земель объединились и двинулись на юг. Филистимляне обосновались в Сирии; родственные им племена закаров — в приморском городе Доре, а дануны, жившие до этого южнее, отошли на опустевшие земли, ранее занятые мореплавателями-филистимлянами. Только этим можно объяснить соседство кораблей с повозка-

ми, запряженными быками, которые мы видим на египетских изображениях.

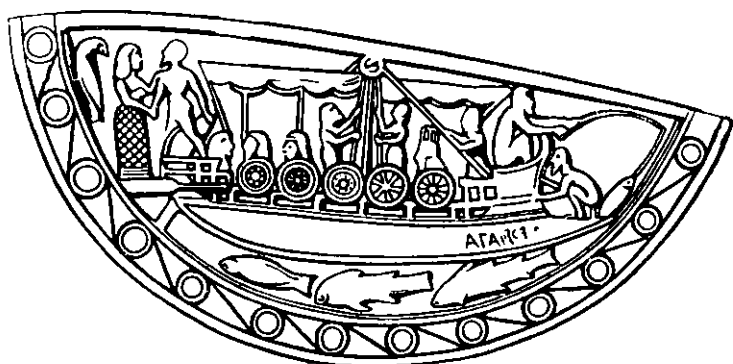
Три племени, каждое из которых египтяне называют особо, хотя они едва различаются между собой на их рисунках,— филистимляне, закары и дануны — были истинными преемниками семьи народов, которых мы называем хеттами (на основании языка и имени, упоминаемых в Ветхом завете, которые носили их самые ранние предшественники). Объединение трех племен под одним общим названием малоудачно, но теперь этого уже не исправишь. Израильтяне очень четко отличали «сыновей Хетта», живших в своей стране, от пришедших к ним филистимлян, закаров и данунов, расселившихся севернее. О том, что филистимляне были «инородными», они помнили еще в V в. до н. э. Высокие, стройные, с длинными, убранными наверх, развевающимися волосами, они еще долго сохраняли светлый цвет кожи, сильно отличаясь от смуглых, темноглазых хананеян. Много столетий они наводили страх своим железным оружием, превосходившим прочностью и остротой бронзовое, славились быстроходными кораблями и умением обрабатывать металлы. Великие цари Хаттусаса были обязаны им своим превосходством над остальным миром. Свои суда филистимляне строили на море. Египтяне и финикийцы также имели хорошие корабли, но их предназначали главным образом для торговли: сильно нагруженные, они выглядели громоздкими и неуклюжими. Филистимляне же, закары и дануны, придя на Средиземное море, в стремлении здесь удержаться, строили военные корабли, вызывавшие страх у египетских и финикийских купцов-мореплавателей. Египтяне рассказывают в связи с этим любопытную историю о жреце Уну-Амоне, который отправился в Сирию, чтобы выпросить дерево для строительства барки своему божеству. Отнюдь не безупречные методы, которыми он пользовался, привели его к конфликту с портовой стражей в Доре. Закары на своих быстроходных кораблях поджидали Уну-Амона у Библа, так как в самом городе он находился под защитой обычая гостеприимства. Как хорошо, что египтяне не теряли самокритичности, рассказывая о самих себе!

В XIV в. до н. э. дануны жили южнее, чем в период, о котором идет речь в непосредственном соседстве с фини-

кийцами. Это, по всей видимости, и привело к тому, что они сохранили связи с финикийцами и после своего переселения в Киликию и Аданскую долину. В то время как в южных хеттских государствах письменным языком был арамейский, в Каратепе (Анти-тавр), городе потомка Мопса Азитаванды, наряду с хеттским пользовались финикийским языком. Да и не только в Каратепе, но и в соседней маленькой стране Самале, царь которой признавал себя в одной из надписей вассалом данунов.

Греки точно знали, что обязаны своим алфавитом Финикии. Финикийское письмо, согласно мифу, принес в Грецию Данай, которого считают первым строителем корабля на пятьдесят гребцов. Это может относиться и к данунам, которые тоже умели строить корабли. Но не следует считать, что введенное Данаем письмо называлось «финикийским», скорее «кадмейским». Если думать, что за Данаем скрываются дануны, то имя Кадма могло быть собирательным для хаттов, то есть хеттов, которые в греческой огласовке произносились как «катти». Эти данные свидетельствуют о том, что хеттские дануны наряду с собственной письменностью пользовались и финикийской, греки же заимствовали свой алфавит не непосредственно из городов финикийского побережья, а из Киликии. Кадм был непосредственно связан с Киликией, тогда как прямых связей с Финикией мы не знаем. Греки считают, что именно в Киликии происходила борьба Зевса с Тифоном, которому помогал все тот же Кадм. В Киликии хеттский бог-покровитель погоды бился с огромной змеей (ее именуют то Иллуянка, то Улликуми). Несколько видоизменившись, Иллуянка выступает в Ветхом завете в образе Левиафана, в то время как греки эпизод с драконом (так же как образ самого Кадма и изобретение им алфавита) перенесли в Фивы. К тому же мы узнаем, что Кадм кроме алфавита заимствовал с Востока горнорудное дело и металлургию, а это вновь указывает на Киликию, так как только через нее мир мог познакомиться с табальскими изделиями.

Благодаря связям греков с Киликией в области металлургии и кораблестроения Киликия стала часто упоминаться в греческих мифах. Греческие колонии на ки-

Корабль с рыбаками. Пластика из слоновой кости (Спарта)

ликийском побережье появились позже. Киликийцы еще во времена эллинизма говорили на жаргоне, постоянно служившем предметом насмешек для греков.

Саргон II, со своей стороны, сообщает, что греческие пираты частенько наведывались в Киликию. Ни же мы убедимся, что в этом нет ничего невероятного. Пиратов и купцов-мореплавателей не всегда представлялось возможным отличить друг от друга. Единственным городом Киликии, который мог служить целям торговли, был Тарс, обладавший превосходной, пригодной для судостроения внутренней гаванью. И если резчик по камню из Каратепе изображает то корабль, то человека с удочкой, то плавающих людей, он, без сомнения, видел этот корабль не в горах, а на побережье, в лагуне Тарса, расположенной между морем и сушей, которую питали две богатые рыбой многоводные реки. Поэтому именно это или какое-либо другое сходное изображение вдохновило греческого художника из Спарты на создание подобного же рисунка на слоновой кости. Хотя, впрочем, не исключено, что образцом для обоих изображений послужила маленькая пластина из слоновой кости с тем же сюжетом, попавшая сюда издадека.

Есть и некоторые другие рисунки из Каратепе, подтверждающие существование в Киликии гавани. Например, неоднократно встречается изображение египетского бога Беса. Только финикийцы передавали в своем искусстве египетские мотивы, в том числе и изобра-

жение богини, к груди которой припал стоящий мальчик, часто встречающееся на египетских пластинках из слоновой кости. Характерно, что богиня расположилась возле пальмы. Для греков же финиковая пальма — символ Финикии. Не следует забывать и о том, что богиня Лето родила и вскормила грудью Аполлона на Делосе также под пальмой. Лето — одно из хеттских слов, означающих в то же время и понятие «женщина». Под этим, конечно, подразумевается не женщина вообще, а мать, прародительница всего сущего. Если признать, что имя богини, матери Аполлона, хеттского происхождения, а пальма — символ Финикии, то очень может быть, что и история о рождении Аполлона под пальмой — киликийский сюжет.

Все это свидетельствует о том, что значительная часть греческих мифов (даже тех, что восходят к Финикии) была собрана на киликийской земле, у данунов. Удивительно, что греки — если дануны и данайцы одно и то же — познакомились с жителями Киликии только в самой Киликии. Данайцы наряду с ахейцами упоминаются среди тех, кто осаждал Трою, причем между ними не делается различия. Еще во II тысячелетии до н. э. часть данунов, по-видимому, покидает осаждающих. В этом нет ничего странного, так как к этой группе относились и пеласги. А то, что пеласги идентичны финикийцам, ни у кого сомнений не вызывает. Поэтому можно считать, что среди народов, ранее населявших Грецию, были также и хетты, которые, если судить по фиванскому мифу, никогда не прерывали своих связей с восточной Малой Азией.

Итак, предводитель ахейцев, а позднее жрец Аполлона — Мопс, приходит в Киликию и основывает здесь хотя и скромную, но династию. Хетт Кадм идет противоположным путем из Киликии в Фивы. Через Египет в Аргос попадает Данай и там оседает. Все они приносят с собой искусство кораблестроения и обработки металла. Можно предположить также, что и господство на море пришло к критянам из той же области. Происхождение же критян сейчас установить трудно, так как мы почти ничего не знаем об их языке. Наименование всех морских кораблей — индоевропейского происхождения; об этом говорит общий корень «навтика». Не удивительно, что столь удобно расположенный

в Киликии Тарс в представлении многих народов становится и целью и исходной точкой всех морских путешествий.

Тарс. Этот город также тесно связан с греческими мифами. Так как связи между данунами и данайцами еще не были забыты, то название его считалось греческим. Наименования вообще никогда не возникают произвольно, поэтому с их помощью всегда можно объяснить некоторые детали мифов. Происхождение названия Тарс связывают, например, с конем Пегасом: город получил свое имя либо в честь вывихнутой ноги крылатого коня, либо в честь его всадника Беллерофонта. Оба предположения находят убедительные обоснования. Маленького хеттского бога растительного мира, символ которого — знак ступни, вообще часто связывали с ногами, называли в Киликии Сантасом. Сантаса же считали «богом ноги», но, кроме того, он был еще и богом растительного мира. Любопытно, что Беллерофонт, или его конь Пегас, согласно хеттскому представлению о богах, а также греческому мифу, вывихнул ногу и стал хромать именно в Тарсе. Пегас, крылатый конь, появляется на хеттских печатях в качестве бога погоды. Собственное имя «Пихассассис» («изобилующий»), вероятно, возникло как символ бога, возрождающегося весной. Имя Пихассассиса, без сомнения, трансформировалось в Пегаса. Но только на этом основании, однако, еще нельзя решить, где все-таки находилась родина крылатого коня. Особенно часто его изображение встречается на ассирийских печатях. Это, конечно, не случайно, как и то, что греки заимствовали своего Пегаса вместе с Беллерофонтом из Тарса, хотя вряд ли там он представлял собой коня поэтов. У Гомера Главк передает Диомеду сказание о Беллерофонте, причем место действия в рассказе все еще находится на южном побережье Анатолии, хотя и несколько западнее Тарса.

Тарс не пользовался популярностью из-за характерной для него необычной жары, хотя климат в то время был намного лучше, чем сейчас. В Тарсе имелась прекрасная лагуна или озеро, где вплотную одна к другой располагались верфи. В Киликии оказалось все необходимое для строительства судов. В богатых лесах Таврских гор можно было найти любую породу дерева,

из табальских кузниц поступали металлические части; лен для парусов изготовлялся в самой Киликии. И так как Киликия считалась в то время самым плодородным уголком Малой Азии, Тарс с полным основанием мог бы называться «сердцем мира». Но это имя не было ему присвоено; славились только его корабли. И с полным на то правом.

Описывая торговлю с Тарсом, Иезекииль⁷ (Кн. пророка Иезекииля, 27, 25) говорит, обращаясь к Тиру: «Фарсисские корабли были твоими караванами в твоей торговле». Значит ли это, что финикийцы не имели своих собственных кораблей? Или они строили их в защищенной лагуне киликийского побережья? Как уже упоминалось, предполагали, что корабли Тарса ходили в Тартесс, и этот испанский город считался единственно возможным перевалочным пунктом для перегрузки олова. Позднее, правда, и шумеры получили настоящую бронзу. Предполагают, что они привозили свое олово из Дрангианы (области на юго-западе Афганистана), и уж, конечно, не из Англии через Испанию. Олово, которым во II тысячелетии до н. э. торговали в Каппадокии, могли добывать только в Анатолии, что и послужило причиной основания ассирийских торговых колоний в далекой Малой Азии на столь значительном расстоянии от побережья. Понадобились очень веские причины, чтобы именно здесь создавать колонии. Они были теми же, которые табальского кузнеца превратили в Табалкаина. Невозможно представить себе, чтобы маленькие табальские мастерские доставляли олово из Англии. Если мы еще раз обратимся к Иезекиилю, и в частности к тому месту, где перечисляются все города, которые торговали с Тарсом, то получим некоторое представление не только об истории культуры, но и о географии того времени.

«Тарсис, торговец твой, по множеству всякого богатства, платил за товары свои серебром, железом, свинцом, оловом. Иаван, Фубал и Мешех торговали с тобою, выменивая товары твои на души человеческие

⁷ Иезекииль — один из так называемых «больших пророков» Ветхого завета, именем которого названа одна из книг, где он призывает к возрождению Иудейского царства, разрушенного вавилонянами. — *Прим. ред.*

и медную посуду. Из дома Фогарма [Тогарма] твои товарищи доставляли тебе лошадей и строевых коней и лошадей [мулов]» (Кн. пророка Иезекииля, 27, 12, 13, 14) ⁸ Далее идет рассказ о Сирии, затем называются Эден, Иудея и Израиль, а потом следует повествование о пути через Дамаск в Аравию. Нет основания думать, что рассказчик совершил огромный прыжок из Испании через Средиземное море, не побывав при этом даже в Родосе.

Горы Тавра называли Серебряными горами. Они богаты всеми металлами, которые использовались в Тарсе. Иаван — это Кипр, Тубал — Табал, Мешех — Муски, то есть Фригия: три непосредственно граничившие с Киликией страны; Тогарма — Тегарамме, важная крепость названной выше хеттской страны Мелида. Славилась кони из урартской провинции Гилзан, но и киликийские лошади пользовались всемирной известностью. Примающая с севера к Мелиду Пафлагония была известна своими мулами. Поэтому не исключено, что Тегарамме считался перевалочным пунктом для упряжных животных. Медные сосуды шли из Табала. И только фригийцев можно с уверенностью подозревать в торговле людьми. В Киликии также имелись рынки рабов, и очень может быть, что муски обменивали здесь свои «товары».

Следовательно, прав был Иезекииль, утверждая, что тирские купцы отправлялись на кораблях из Тарса. Аналогичные сведения мы можем почерпнуть и в аналах Синаххериба. Хеттские пленные строят для него на Евфрате и Тигре корабли, на которых он может атаковать Элам с моря. В качестве матросов Синаххериб использует финикийцев и киприотов. Почему же именно хетты строили корабли, а финикийцы только плавали на них? Если судить по рисункам, то эти ко-

⁸ Книги Ветхого завета даны здесь (как и ниже) в традиционном переводе, и только в некоторых случаях допускается изменение устарелой транскрипции имен собственных и географических названий. Город Тарс называется в Библии Тарсис, Фарсис (Таршиш), Тубал (Фубал). Некоторые ученые (см., например: С. А. П. Примечания к переводу библейской «Книги Ионы». — Поэзия и проза Древнего Востока, М., 1973, с. 713) считают, что Тарсис (Таршиш) — наименование находившегося в Испании царства Тартесс. Автор настоящей книги опровергает эту точку зрения. — *Прим. пер.*

рабли ничем не отличались от тех, которые общепризнанно считают финикийскими.

Если даже Иезекииль не допускает ошибок в географии, то еще в меньшей степени можно предположить, что на это способны составители ассирийских анналов, ибо они опирались на точные данные. Так, Асархаддон (680—669 гг. до н. э.) на столетие раньше Иезекииля оставил следующие строки: «Все цари морских земель от греческой страны Яднана [Кипр.—*Ред.*] до страны Таршиши склонились к моим ногам. Я получил от них дань». Тарс в ассирийских текстах называется еще и Тарзи. Но ассирийское написание очень изменчиво. Таршиши не может быть ничем иным, как Тарсисом Ветхого завета.

Тарс, расположенный на материке против Кипра, был западной границей, до которой доходило влияние Ассирии при Асархаддоне. Дальше не ступала нога ассирийцев. Хотя составители анналов и любили прихвастнуть, они все-таки никогда не стали бы утверждать, что все цари от Кипра до Испании платили дань Ассирии. И прежде всего потому, что по сложившейся традиции пункт, названный последним, тоже считался включенным в список.

Фригия. На материке в поле зрения ассирийцев находилась только Фригия, расположенная западнее Табала и Киликии. Хотя муски (так ассирийцы называли фригийцев), по-видимому, переправились через Босфор, взоры их всегда были обращены на Восток. Уже в XII в. до н. э. двадцать тысяч мусков, возглавляемые пятью царями, появились в Северной Сирии и хозяйничали там, по словам Тиглатпаласара I (1130—1074 гг. до н. э.), в течение пятидесяти лет. Тиглатпаласар разгромил их и взял в плен шесть тысяч человек. Что касается приведенных цифр, то тут на ассирийцев нельзя особенно полагаться, но вот в существовании пяти царей (то есть пяти племенных союзов) не приходится сомневаться. В последующее время муски бесследно исчезают отсюда, как и все прочие кочевые народы.

У фригийцев династию Гордия сменяет династия Миты (по-гречески Мидаса). Роль Миты не совсем нам понятна не только из-за скудости сведений о нем, но и из-за их недостоверности. Он приложил руку к паде-

нию хеттского Кархемыша, которое произошло весьма неожиданно и вопреки всем предположениям. Мита отвоёвывает у соседней Киликии и своего союзника — государства Аварикку несколько городов, которые у него потом отбирают ассирийцы и возвращают Киликии. Хотя Мита и состоял в союзе против Ашшура с тогдашним царем Урарту Русой, он выдает ассирийцам урартского посла, направлявшегося в Аварикку и случайно попавшего ему в руки. Сейчас нам очень трудно понять смысл этой постоянной двойной игры Миты.

Впрочем, нас не заинтересовал бы его характер, если бы Мита не стал персонажем греческого мифа. Грекам он, вероятно, тоже не пришелся по вкусу; их сообщения о нем носят весьма недоброжелательный характер. Согласно мифу, во время состязания Аполлона и Марсия в игре на лире и флейте Мидас был на стороне последнего, за что Аполлон наградил его ослиными ушами. Фригийская флейта казалась грекам столь же странной, как и фригийский культ Кибелы в Пессинунте. Кибела — это, видимо, хеттская богиня Купапа, а Марсий, возможно, Марасантий — хеттское название Галиса. Если принять это предположение, то фригийцы (что и не должно нас удивлять) полностью опираются в своих легендах на хеттов. Но, по существу, они имеют с ними мало общего: хеттам, например, были совершенно чужды оргии. Правитель мусков Мита, правда, собирался восстановить Хеттскую империю в ее старых границах. При этом он в качестве важного атрибута вернул хеттским царям их традиционную одежду. Шапка, которую греки называли «фригийской», была несколько измененным вариантом головного убора хеттских царей. Можно предположить, что возникновение легенды об «ослиных ушах» Мидаса, о которых никто не знал, кроме царского бралобрея, связано с формой заостренной шапки, которую носил фригийский царь как наследник хеттского престола. Для того чтобы надеть на голову столь странное сооружение, нужно было иметь вескую причину — во всяком случае, так считали греки, не носившие головных уборов.

Антипатия Гомера к «золотой» Афродите, столь популярной в древности богине, проявляется прежде все-

го в том, что он называет ее «фригийкой». «Ах, жестокая! Снова меня обольстить ты желаешь?» — отвечает Елена Афродите, уговаривающей царицу оставить поле битвы и вернуться к ожидающему ее Парису:

Может быть, дальше меня, в многолюдный какой-нибудь город
Фригии или прелестной Меонии хочешь увлечь ты?
Может, и там средь людей, предназначенных к смерти, нашелся
Милый тебе? Победен Александр боговидный Атридом;
Хочет со мною, мерзавкой, домой Менелай возвратиться.
Вот из-за этого ты и явилася с кознями в мыслях.
Шла бы к Парису сама! От путей отрекися бессмертных,
Больше ногой никогда не касайся вершин олимпийских,
Оберегай его вечно, терпи от него, и в награду
Будешь женою ему или даже наложницей только!
Я же к нему не пойду. И позорно совместное ложе
Мне для спанья оправлять. Надо мной все троянские жены
Будут смеяться. Довольно и так мне для сердца страданий!
(Илиада, III, 399 сл.)⁹

Не случайно Елена обращается с этими жестокими словами к фригийской Афродите: богиня из Пессинунта не пользовалась доброй славой даже у весьма терпимых греков. Все, что они не желали простить Пафосской (или Кипрской) Афродите, они просто приписывали Кибеле.

Сирия. Киликийские хетты и фригийцы, обитавшие в сердце Анатолии, оказали большое влияние на греческие мифы и в результате стали известны Гомеру. Это сразу же бросается в глаза. Но почему мы включили в настоящую работу еще и Сирию? Ниже мы увидим, насколько тесно связаны, главным образом через Тарс, между собой греческий эпос и некоторые книги Ветхого завета. Об этом говорит, в частности, библейский «Рассказ об Ионе». Широкие связи греков с Передним Востоком устанавливали финикийские купцы, продававшие не только предметы искусства, но и рабов; таким путем дошли до нас некоторые предания, но при этом нельзя исключать также и письменные источники.

Ассирийцы обозначали мелкие сирийские государства общим названием — «государства хатти» или «приморские страны». К «хатти» были причислены выносливые и храбрые арамейцы; «приморскими народами»

⁹ Перевод «Илиады» дан по кн.: «Илиада», М.—Л., 1949.

названы финикийцы и филистимляне. После распада царства Давида государства Израиль и Иудея теснили со всех сторон, но они долгое время оборонялись против ассирийского порабощения, причем не менее упорно, чем их соседи. Как это ни странно, но маленькая Иудея во времена Езекии и его ассирийского противника Синаххериба смогла даже на короткий срок возглавить союз народов, выступавших против Ассирии. О сопротивлении осажденного в 701 г. Иерусалима сохранилось множество рассказов.

Исторически достоверно, по-видимому, только то, что Синаххериб после падения Лахиша был не в состоянии уже предпринять вторую дорогостоящую длительную осаду. Он ограничил свою обычно страшную месть тем, что затребовал единовременную дань.

Еще более удивительными представляются нам успехи оборонительных союзов, о которых можно прочесть между строк в ассирийских анналах. Они занимали относительно небольшую территорию, несмотря на пестрый состав участников. Как ни враждовали эти народы друг с другом, какие бы ни были у них для этого основания, они оказывались единодушными в своей отчаянной борьбе против ассирийцев в течение многих десятилетий. Эти мелкие государства часто не

Бронзовая статуя придворного.
(Фигура со спинки кресла)

принимаются всерьез. Их даже называли «неблагодарными», когда они отказывались от вынужденных соглашений, как только страшный противник поворачивался к ним спиной. Сколько героизма, мужества и напряжения всех сил скрыто в этой оборонительной борьбе, какой глубокий трагизм в ней заложен! Хотя ассирийцы и не слишком нуждались в окончательной победе, они тем не менее настолько разорили эти маленькие отважные государства, что в последующее время те оказались неспособными к самостоятельному существованию.

Приморские города финикийцев на севере и филистимлян на юге всегда были готовы принять участие в этих союзах, пока они представлялись им перспективными, но сразу же покидали их и предпочитали сразу платить дань, как только дело принимало сомнительный оборот. Лишь некоторые из городов филистимлян сумели сохранить свое постоянство. Ненадежными союзниками были египтяне, на которых полагались лишь потому, что Египет в течение столетий не оказывал особого давления на Южную Сирию, будучи ее верховным властителем. Походы ассирийцев на Египет в то время, когда их основной заботой было отражение мидийской опасности на Востоке, можно объяснить только желанием не потерять Сирию с ее выходом к морю, с ее лесами и горами на севере.

* * *

В настоящей главе мы стремились вскрыть причины неуклонного стремления Ассирии, бедной деревом и металлом, к покорению средиземноморских стран, располагающих этими материалами, и борьбы этих стран против ассирийского порабощения. В дальнейшем мы еще встретимся с покоренными Ассирией народами и странами при рассмотрении вопросов культуры и искусства, религии и литературы. Эти народы не только постоянно упоминаются в Ветхом завете, но и участвуют в событиях, описанных в гесиодовском¹⁰ и гомеровском эпосе.

¹⁰ Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, которому приписываются две большие поэмы — «Теогония» и «Труды и дни». — *Прим. ред.*

ТОРГОВЛЯ И СУДОХОДСТВО

Тяга к странствиям. История раскрывает перед нами целую цепь кровавых и насильственных событий. Даже там, где властители, бывшие, как правило, единственными историками своего времени, не только прославляют себя выигранными битвами и собранной данью, но и рассказывают о построенных ими храмах и дворцах, содержание царских надписей не представляет особого интереса и по большей части является простым списком совершенных деяний. Только в тех случаях, когда для украшения и оживления событий автор приводит некоторые культурно-исторические сведения, современный историк в состоянии в какой-то мере воссоздать картину жизни, содержание которой выходит за пределы массовых убийств. Если же мы хотим получить более полные сведения, то придется учесть весь имеющийся материал в пределах данного отрезка времени, пренебрегая при этом местными особенностями. Есть периоды, когда такое пренебрежение отомстило бы за себя, и мы бы получили неправильное представление о времени. Однако в нашем случае можно до известной степени быть уверенным в том, что богатый житель гомеровского Хиоса спал на такой же украшенной слоновой костью кровати, как и ассирийский царь, и что ему пели и рассказывали такие же точно песни и легенды. Солдат, получающий от кухарки объедки со стола хозяев, тоже завоевывал сердце своей красавицы султаном на шлеме, а школяры и придворные франты носили в Урарту такие же ухоженные, ниспадающие на плечи локоны, как и в самом дальнем уголке Табала.

Мода и культура могут отправиться в победное шествие по всему миру только в такие периоды, когда процветают торговые связи: я имею в виду сухопутные и морские пути сообщения, по которым осуществлялась

торговля; иными словами, создается возможность людей общаться друг с другом. Обратим внимание на то, что большинство гомеровских имен, не заимствованных из мифологии, а придуманных самим автором, начинаются словом *eu*γу, то есть «далеко». Если же взять германские имена, то они никогда не содержат слово *weit*¹. Семиты обычно давали своим новорожденным имена, содержащие различные пожелания в их дальнейшей жизни. Эти имена уже утратили связь с современностью. Гомеровские же имена поразительно связаны с эпохой. Что может характеризовать ее точнее, чем поведение гомеровских героев вне тех событий, о которых повествует миф? Царь и предводитель спартанского войска Менелай вынужден был в течение семи лет, как настоящий пират, странствовать по свету, прежде чем ему удалось вернуться домой. А так ли уж безобидны были приключения Одиссея, и не кажется ли, что он совал свой нос в дела, которые его вовсе не касались, например, во время пребывания у Полифема? Разве плутовские рассказы Одиссея не похожи на приключенческие романы, которые он сочиняет для развлечения слушателей и наслаждается ими, как мы современными детективами?

В середине VIII в. до н. э. греки стали основывать колонии и создание дочерних городов-государств превратилось у них в настоящую страсть. Каким образом только один Милет мог обеспечить заселение 90 таких городов? Как мог он обойтись без эмигрировавших туда людей? Очевидно, этот массовый выезд был не просто большим стремлением обогатиться, но и жадой нового, зовущего людей к путешествиям и приключениям².

Даже алчные ассирийские цари испытывают стремление к познанию мира; мы видим, что они не просто грабят чужие страны, но и составляют карты завоеванных местностей. Именно поэтому в анналах, сведения которых основаны на этих картах, сообщается, что в каждой завоеванной стране войска поднимаются на все горы, пересекают все реки и захватывают все, даже самые маленькие деревеньки. Можно предпо-

¹ *Weit* — «далекий», «дальний» (нем.).

² См. Послесловие.

жить, что они даже собирают коллекции растений. В этих странах, и на самом деле велись исследования не войнами, а следовавшими за ними или вместе с ними учеными. Растет стремление владык к захвату окружающего мира, и хотя лишь немногим из них удается осуществить это с помощью оружия, но все они мечтают об этом.

На первом плане в это время мы всегда видим купца, мореплавателя, пирата. Каждый из них является маленьким Одиссеем, каждый готов сочинять небылицы о своих заморских странствиях. Каждый думает лишь о своей выгоде, хотя и не забывает о богах. Нет ничего типичнее в этом смысле ветхозаветного рассказа об Ионе, который вполне можно сравнить с хвастливыми похождениями Одиссея. Ученые не пришли к единому мнению о том, к какому столетию следует отнести это небольшое поэтическое произведение, однако нигде оно не оказывается так к месту, как в гомеровское время. Гомер не одобрил бы, пожалуй, только эпизода о том, как рыба проглотила Иону. Рассказ этот — нечто похожее мы встретим и в греческих мифах — изложен настолько кратко, что читатель, ожидающий чудес, будет разочарован. Этот же недостаток, впрочем, свойствен и всем сказкам «Одиссеи», которые также нельзя назвать сказками в подлинном смысле слова.

Обратимся, однако, к «Рассказу об Ионе»: «Привелось Ионе, Аммиттаеву сыну, услышать такое слово господне: „Собирайся, ступай в Ниневию, великий город, и возвести там, что их дурная слава дошла до меня“»³.

Иона вознамерился бежать с глаз господних в Тарсис (Таршиш) и спустился в Иоппу (Яффу). Там он нашел корабль, который отправлялся в Тарсис. Он оплатил проезд и взошел на корабль, чтобы плыть в Тарсис.

Вряд ли бедный проповедник имел столько денег, чтобы оплатить проезд до Тарсиса, да и при его изнеженности ничего не было бы ужаснее длительного морского путешествия. Его поездку можно сравнить с современным путешествием из Штральзунда на остров

³ Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 554.

Хиддензе⁴. Спокойно покупаешь билет и ложишься в каюте, чтобы проспать весь короткий, но скучный путь. Ионе же, намеревавшемуся избавиться от довольно неприятного поручения, вполне было достаточно поездки в Тарс.

Не будем придавать слишком большого значения тому обстоятельству, что грешная Ниневия не имела никакого отношения к богу израильтян. Иначе действие романа не могло бы развиваться. Ведь для посланника бога, угрожавшего от его имени израильскому городу, не было большого риска. Во всяком случае, не имело смысла сразу же садиться на корабль и бежать сломя голову. Ниневия во времена Синаххериба стала значительным городом и оставалась им до конца существования ассирийской империи; это отличало ее от других часто менявшихся резиденций ассирийских властителей. В это время Ниневия была известна всем. «Город торжествующий, живущий бесечно, говорящий в сердце своем: «Я — и нет иного, кроме меня» (Софония, 2,15)⁵. Ниневия сама по себе, подобно более позднему Багдаду, городу «Тысячи и одной ночи», представляла интерес для любого рассказчика. Синаххериб также волновал воображение народов больше, нежели другие ассирийские цари. Его упоминают и в «Повести об Ахикаре»⁶; он — герой рассказа об осаде Иерусалима; именно он скрывается за образом распутного Сарданапала с его презрением к миру. Гаремные интриги, которые привели к убийству одаренного, но легкомысленного властителя, также внесли свою лепту в популярность этого образа. Сообщники убийц скрылись в Кархемыше и вместе с преступниками бежали в Урарту, где оказались в безопасности. Это событие взволновало все умы. Известие о нем облетело мир со скоростью ветра. Мы можем с уверенностью

⁴ Штральзунд — город в ГДР, округ. Росток; Хиддензе — остров в Балтийском море (ГДР). Расстояние между ними составляет примерно 20 км. — *Прим. ред.*

⁵ Софония — один из так называемых «малых пророков» Ветхого завета. В книге, названной его именем, он предсказывает гибель Иудейского царства и призывает народ к покаянию. — *Прим. ред.*

⁶ «Повесть об Ахикаре» — литературное произведение VII в. до н. э., дошедшее до нас в отрывках на папирусе. Подробнее о нем см. главу *Литература*. — *Прим. ред.*

предполагать, что его разнесли по всему свету корабли Тарса.

«Тогда Господь напустил на море большой ветер, и поднялась на море большая буря, и была опасность, что корабль разобьется. И моряки испугались, и каждый стал звать своего бога и бросать в море всякую утварь, какая была на корабле, чтобы он сделался легче. А Иона, спустившись внутрь корабля, улегся и уснул себе крепким сном. И тогда начальник моряков подошел к нему и сказал:

— Что ты тут разоспался? Вставай, зови своего Бога, вдруг Бог выручит нас и мы не погибнем»⁷.

По-видимому, команда корабля была интернациональной, так что следовало среди многих богов найти того, который оказался разгневан. Речь шла, конечно, не о том, кто из богов сильнее, а о том, кто из пассажиров или матросов разгневал своего бога. Корабль, очевидно, не просто шел в Тарс, но и был из Тарса. Только для этого города характерно такое смешение народов.

«И все сказали друг другу:

— Давайте метнем жребий и узнаем, из-за кого нам эта беда.

И они метнули жребий, и жребий пал на Иону».

Здесь мы сталкиваемся с распространенной среди многих народов морской легендой. Различия между вариантами заключаются лишь в том, сразу ли бросают заподозренного в воду или сначала сочувственно расспрашивают, чем он прогневил своего бога.

«Тогда они сказали ему:

— Скажи нам, из-за кого нам эта беда, какое твое занятие, откуда ты держишь путь, из какой ты страны, из какого народа?

И он сказал им:

— Я еврей и боюсь Господа, Бога небес, который сотворил море и сушу.

Тогда они устрашились донельзя и сказали ему:

— Зачем ты это сделал? (Ведь они узнали, что он бежит от Господа, потому что Иона сказал им это.)».

Последнее замечание, как легко догадается самый неискушенный читатель, бессмысленная вставка. Иона,

⁷ Поэзия и проза Древнего Востока, с. 554.

конечно, ничего им не говорил, иначе зачем бы стали они его спрашивать о происхождении. Он сразу забрался в каюту, чтобы предаваться там своему излюбленному занятию — сну. Начавшейся бури он даже не заметил. Все дальнейшее Иона воспринимает с паразитическим фатализмом, который так подходит к его вялой и бездеятельной натуре.

«И они сказали ему:

— Что же нам делать с тобой, чтобы море отступило от нас? (Ведь море бушевало, не унимаясь.)

И он сказал им:

— Возьмите меня и выбросьте в море, и море от вас отступит. Ведь я же знаю, что застигла вас такая большая буря из-за меня.

Тогда они принялись грести изо всех сил, чтобы повернуть к берегу, но это им не удавалось, потому что море, бушуя, наступало на них. И тогда они стали звать Господа, говоря:

— Господи, не дай нам погибнуть из-за этого человека, но и не взваливай на нас крови невинного! Ведь ты — Господь и поступаешь так, как захочешь.

И они взяли Иону и выбросили его в море...»⁸

Хотя жестокий бог евреев требует, чтобы его отверженца бросили в море, они все же извиняются перед богом за то, что выбрасывают за борт человека, хотя и исполняя его приказ. Они даже пытаются направить корабль к берегу, прежде чем прибегнуть к этой крайней мере, — добрый морской обычай, сложившийся у народов-мореплавателей. Ведь честных моряков скорее всего в древности было больше. Эти простые парни выгодно отличаются от бездеятельного пророка, который — как мы это увидим позже — проявляет всегда только одну готовность: отступить при малейшей трудности или умереть, чтобы не преодолевать никаких препятствий. Комизм ситуации заключается именно в том, что он сам предлагает бросить его в море: ведь ему все безразлично. Но морякам такое радикальное решение оказалось совсем не по вкусу.

Даже Одиссей, который не относился к финикийским морякам с большим доверием, вынужден признать, что среди них есть честные люди. Рассказывая

⁸ Там же, с. 554—555.

о себе и своей наставнице Афине, он не без удовольствия изображает себя настоящим разбойником, и прословутых финикийцев — честными малыми. При всей точности описаний нельзя не учитывать поэтических особенностей гомеровских поэм и того деланного простодушия Одиссея, которое так поражало нас и в истории Ионы, простодушия, которое у такого автора, как Гомер, всегда не случайно и имеет ироническую окраску.

Афина, переодетая пастухом, сообщает Одиссею, что он действительно прибыл на Итаку, и долго мучает его своей бесконечной болтовней:

...В радость пришел Одиссей многостойкий.
Рад он был, что отчизна пред ним, как ему сообщила
Зевса эгидодержавная дочь, Паллада Афина.
Громко к ней со словами крылатыми он обратился,
Правды, однако же, ей не сказал, удержал в себе слово —
Хитрости много таилось всегда в груди Одиссея:
«Слышал я об Итаке уж в Крите просторном, далеко
За морем. Нынче ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Эти богатства забравши. Оставивши столько же детям,
Я убежал, умертвив быстроногого там Орсилоха,
Идоменею сына, на Крите широкопросторном
Всех трудящихся тяжко людей побеждавшего в беге...

Любопытно, что царский сын состязается в беге с простыми людьми! Но не будем прерывать рассказчика:

Он ведь хотел у меня всю добычу троянскую, столько
Злых мне тревог причинившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря,
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и отряд свой отдельный составил.
Медью его я убил, когда возвращался он с поля,
Возле дороги устроив с товарищем верным засаду.
Ночь непроглядная небо тогда покрывала, никто нас
Видеть не мог из людей, и тайно свершилось убийство.
Все же, как только его я убил заостренною медью,
К славным тогда финикийцам бежал на корабль я с просьбой
К ним обратился, добычу богатую в дар предложивши.
Я попросил, на корабль меня взявши, отвезть или в Пилос,
Или в Элиду, божественный край многославных эпейцев;
Сила ветра, однако, от этих краев их отбила —
Против желания их: они обмануть не хотели.
Сбившись с дороги, сюда мы приехали позднею ночью.
В бухту с трудом мы на веслах корабль свой ввели,
и хоть были
Голодны все, но никто об ужине даже не вспомнил.

Так, сойдя с корабля, близ него на песок и легли мы.
Сильно устал я, и сладостный сон на меня ниспустился.
А финикийцы богатства свои с корабля отгрузили
И на песок их сложили близ места того, где лежал я,
Сами ж в Сидонию, край хорошо населенный отплыли.
На берегу я остался один с растерзанным сердцем.
(Одиссея, XIII, 250 сл.)⁹

Что же заставляет Одиссея так фантазировать, и не только на этот раз, но и каждый раз, как он начинает какую-либо историю? Ему это просто доставляет удовольствие. Во всяком случае, так считает Афина, которая, приняв свой истинный облик, обходится с ним ласково и высмеивает за то, что он ее не узнал. Действительно, сказка, придуманная Одиссеем, была очаровательна.

Кто еще может столь умело сочинять морские небывицы, как не тот, кто вырос у моря и чувствует себя на палубе корабля как дома? Мы не собираемся придавать слишком большое значение этим легендам: ни «рассказу об Ионе», ни выдумкам Гомера. Но едва ли существует в истории другой такой период, когда люди фантазировали бы с таким наслаждением, как VII в. до н. э., который стал нам столь близким и понятным. И лишь филологи виноваты в том, что мы не носим нашего Гомера в кармане и не читаем как увлекательный роман, а взираем на него с почтением, как на памятник, не испытывая никакого желания вновь и вновь возвращаться к произведению этого поэта.

Судостроение. Во II тысячелетии до н. э. на Средиземном море преобладали два резко отличающихся друг от друга типа судов: египетские и морских народов. Египетские корабли явно происходили от речных судов, для которых была характерна малая грузоподъемность. Судя по их конструкции, можно было сделать вывод о недостатке в стране дерева. Длинных балок не было, и приходилось сшивать борта кораблей из коротких досок. Это делало их массивными, но отнюдь не устойчивыми, и, чтобы увеличить их прочность, борта укрепляли канатами.

Индоевропейские морские народы, которые на своей северной родине никогда не видели судов, быстро пере-

⁹ Перевод «Одиссеи» дается по кн.: «Одиссея», М., 1953.

няли восходящий еще к доисторической эпохе тип кикладских¹⁰ кораблей и усовершенствовали его. Меньше всего мы знаем о критских кораблях, которые нас чрезвычайно интересуют, ибо античные историки постоянно рассказывают о морском могуществе Крита. Достоверно мы знаем только то, что критские суда были похожи на корабли морских народов.

В I тысячелетии до н. э. различные народы стали заимствовать полезные сведения друг у друга. Отличия в технике теперь обуславливаются не столько национальными особенностями, сколько целесообразностью. Существовали тяжелые бесформенные, но добротные грузовые корабли, хозяевами которых были главным образом финикийцы, а также пиратские и военные суда.

Финикийцы и сами не прочь были иногда заняться морским разбоем, но в отличие от жителей своей колонии Карфагена они не были воинственны. Финикийцы заимствовали у египтян неудобные для военных действий, но легко управляемые паруса с двойными реями, а у морских народов — конструкцию кораблей, остов которых состоял из киля и шпангоутов. Такие суда обладали большей легкостью, и борта их были более упругими в отличие от египетских, сшитых из коротких толстых балок. Однако для них требовалось особой породы дерево. При постройке торговых кораблей финикийцы предпочитали закруглять линию киля (подобный тип киля мы видим на изображениях критских кораблей II тысячелетия до н. э.) и сооружать не особенно крутые штевни, завершающиеся спереди лошадиными головами, а на корме рыбьими хвостами. Шпорообразная оконечность киля не имела военного значения. Короткие широкие суда хорошо держались на воде и лучше сохраняли избранное направление.

На одном из рельефов из Каратепе изображено торговое судно, очень напоминающее финикийское. Его парус не растянут между реями, а подтянут вверх, так, что свисает с одной реи. Такое расположение парусов встречалось только у военных кораблей. У корабля из Каратепе, так же как на судах морских народов,

¹⁰ Киклады — группа островов в Эгейском море, расположенная вокруг «священного» острова Делос. — *Прим. ред.*

штевни заканчиваются не лошадиной головой и хвостом, а лебедиными или гусиными головами. Не исключено, что знаменитые корабли Тарса занимали промежуточное положение между обоими типами кораблей. Благодаря этому они далеко не всегда становились добычей морских разбойников. Украшения штевной связаны с национальной принадлежностью кораблей. Геродот сообщает, что лошадиная голова на штевне корабля, прибывшего в Африку, давала основание считать его финикийским; и в самом деле, на ассирийских рельефах мы видим лошадиные головы и хвосты у кораблей, изготовленных в Тарсе. Гомер описывает, как правило, военные корабли, сильно напоминавшие по конструкции суда филистимлян. В отличие от торговых судов у них совершенно прямой киль и жесткие прямые штевни, которые Гомер сравнивает с рогами быка. Для груза оставалось мало места, поэтому сокровища Одиссея и были спрятаны под скамейками гребцов. Все внимание уделялось скорости: ясно, что острый и высокий передний штевень оказывает воде меньше сопротивления, чем широкий и закругленный у торговых судов, для которых скорость не была основным качеством.

Чтобы пассажиры не мешали гребцам, на кораблях делали переднюю и заднюю полупалубы. Места на задней считались более почетными. Там находились капитан и гости. Корабль имел всего одну рею, которую поднимали с помощью каната, так как спущенный парус, закрепленный между двумя реями, мешал бы военным действиям. Киль гомеровских кораблей был снабжен шпорой. Это подтверждается тем, что судно всегда подтягивали к берегу вперед кормой. Следовательно, перед тем как причалить, кораблю приходилось поворачивать носом к морю: это было неудобно, но необходимо, ибо иначе шпора ушла бы глубоко в прибрежный песок.

Военные корабли были намного изящней, чем неуклюжие торговые суда, у которых ширина составляла почти треть длины. Они должны были наводить страх на противника своей скоростью. Так, по-видимому, выглядели корабли закаров, которым царь Библа выдал египтянина Ану-Амона, мало заплатившего за драгоценную древесину для барки. Мы уже упоминали эту забав-

ную историю, которая произошла приблизительно в 1000 г. до н. э. Египтянин испытал панический ужас перед людьми из Дора, имевшими основания расправиться с ним, ведь он возместил недостачу золота, украденного его собственными людьми, захватив сокровища с одного из их кораблей. Царь Дора не захотел компенсировать его пропажу, так как, естественно, не желал разбираться в том, кто из египтян покусился на добро своих соплеменников, даже если это происходило в его гавани. Ану-Амон сделал это сам. Нам, к сожалению, неизвестно, как Ану-Амону удалось спастись от преследования закаров.

Хотя для обозначения кораблей повсюду в античном мире употреблялись индоевропейские названия, это вовсе не означало, что корабли появились с севера и только в конце II тысячелетия до н. э. На севере вплоть до появления норманнов судна строили без кия и шпангоутов. Филистимляне, закары и дануны были родственны хеттам из Хаттусиля и, подобно им, много столетий населяли восточную Малую Азию. Трудно сказать, что побудило их к мореплаванию. Они вынуждены были заниматься земледелием, и, может быть, море напоминало им своим однообразием и просторами покинутую когда-то степь, где преуспевает лишь тот, кто хорошо держится на коне. Это было давно, но какое-то смутное воспоминание томило кочевые народы, сразу же полюбившие море. Финикийцы были неплохими, но в известной степени вынужденными мореплавателями, так как волею судеб оказались оттесненными к морю. Примечательно, что персидский царь Дарий поручил командование своим морским флотом не сирийцу, а киликийцу по имени Свеннесис.

Торговое судоходство развивалось вдоль побережья от селения к селению. В это время колонии, создаваемые греками, наследниками морских народов, не были еще торговыми поселениями, подобно дочерним городам финикийцев. Греки не хотели заниматься торговлей, а стремились основывать новые государства. На борту их кораблей не было торговцев, а находились лишь гребцы и корабельные. Все их суда были военными, подобно тем, которые описаны у Гомера.

С х е р и я. Мы уже говорили о том, что в эпоху Гомера связи греков с Передним Востоком осуществлялись

через Киликию. Но если это так, то можно предположить, что Гомер должен был где-то отразить роль Тарса или хотя бы дать описание типичного приморского города, пускай обросшее многочисленными морскими легендами. И тот действительно описывает такой город — Схерию на острове феаков. Трудно найти более живое изображение средиземноморского порта, чем рассказ об этом острове и его жителях в VI—VIII песнях «Одиссеи».

Страна феаков — это потусторонний мир где-то на краю вселенной, недоступный для живых, а населявшие ее «призраки» — мертвые моряки. Никем не управляемые плавают по морю их таинственные корабли. Схерия — сказочная страна, корабли которой превращаются в каменные изваяния. Вокруг острова Посейдон воздвиг огромную каменную стену. Если в эпоху поисков и открытий поэт такого критического склада, как Гомер, обращается к сказке, то его рассказ все равно становится реалистическим: «призраки» приобретают плоть и кровь, превращаясь в людей определенных профессий — кораблестроителей, гребцов, мореплавателей. Феаки живут в морском порту. В рассказе Гомера нет и речи о неуправляемых кораблях или о стране, закрытой для остального мира.

Прообразом порта вполне мог быть Тарс. Об этом говорит картина, нарисованная Гомером как бы на втором плане. Детали ее — большая река и кузница циклопов — не вяжутся в нашем представлении со сказочностью острова (ведь мифические острова всегда маленькие) и скорее подходят к приморскому городу, чем к райской стране, возле которой обитает белопенная богиня Левкотея.

В Тарс можно было попасть по реке Кидн, протекающей через город и образующей в устье лагуну, весьма удобную для гавани и судостроения. В Схерии корабли, вытянутые на берег и укрытые под навесами, располагались по обе стороны лагуны. Судя по рассказу Гомера, можно предполагать, что у входа в лагуну была дамба, которая сужала проход. Впрочем, здесь Гомер ошибался: берега, о которых говорилось в дошедших до него сообщениях, могли быть берегами как самой лагуны, так и Кидна, образующими проход для кораблей. Дамбы же никакой не было. В противном случае

Схерия оказалась бы на островке, отделенном от страны феаков, что никак не вяжется с дальнейшим положением. Навсикая стирает белье в той же реке, куда приплывает Одиссей, так как он не мог выбраться на скалистый берег с моря.

Удивительное сходство с Киликией раскрывается в рассказе Гомера о переселении феаков в долину с гор, где они проживали ранее в соседстве с враждебными им циклопами. Произошло оно под предводительством предка феаков Навсифоя (что означает «быстрый корабль»). Уже само имя прародителя содержало указание на будущее предназначение феаков. Циклопы же были кузнецами. Нам точно ничего не известно о вражде между табальцами Тавра и киликийскими мореплавателями долины, но ситуация, видимо, была именно такой, и противоречия среди местного населения действительно существовали вплоть до прихода к Киликию данунов или же Мопса с его ахейцами. На деле события развивались, конечно, не так гладко, как в рассказе о добровольном переселении прародителя Навсифоя.

Как и жители Тарса, распространившие по всему миру изделия табальцев, феаки и после того, как покинули горы, сохранили свою любовь к красивым бронзовым сосудам. Громоздкие котлы не было принято дарить гостям, поэтому Одиссей получает от феаков после второго заседания Совета более традиционные дары — одежду, которую складывает в сундук. Однако хозяева знают цену бронзовым сосудам, преподносимым в дар гостю, и царь Алкиной обращается к «скиптроносным царям» с предложением возместить поборами с населения незапланированные расходы, связанные с дарами.

Нас удивляет неожиданное появление у Гомера Левкотей. Оказывается, что не Афина, защитница Одиссея, печется о нем, когда герой носится на плоту по волнам, а впервые упоминаемая здесь Ино-Левкотей, дочь Кадма. Но Кадм, принесший в Грецию не только алфавит, но и умение плавить металлы, происходил, как мы уже видели, с восточного побережья Средиземного моря. То, что его дочь заступает за Одиссея, по-своему логично: ведь Кадм тоже защищал людей от дракона.

Лишь немногие имена феаков не присваивались кораблям, а так как имена у Гомера всегда несут определенную смысловую нагрузку, то трудно представить себе

Схерию, столицу противоречивого острова феаков, там, где имена эти не могли бы возникнуть.

Уже имя Навсикаи, «примечательная кораблями», служит характеристикой для всего населения острова. Отец ее подруги — «знаток кораблей», а многие из ее братьев также носят имена, связанные с мореплаванием. Все они принимают участие в соревновании, которое закончилось сразу после того, как Одиссей отличился в метании диска. Свою неудачу феаки объясняют тем, что они проворные бегуны и искусные корабельщики, а не дискоболы. Остальными своими «достоинствами»: пристрастием к еде и питью, к танцам и омовениям, нарядам и отдыху — всем тем, что больше пристало изнеженным бездельникам, чем матросам, — они обязаны неисправимому насмешнику Гомеру. Судя по именам, феаки не только мореходы, но и кораблестроители. Так, наряду с именами, образованными от названий частей корабля или профессий, связанных с мореплаванием («рулевой», «гребец» и т. д.), мы встречаем такие, например, как «владеющий многими кораблями» или «опускающий отвес» (Навболит). Но не только эти забавные прозвища говорят нам об основных профессиях жителей города. Еще более наглядное представление получаем мы, ознакомившись с прелестным описанием площади, расположенной у самой гавани, которое Одиссей услышал из уст царской дочери:

Вкруг Посейдонова храма прекрасного там у них площадь.
Вкопаны в землю на ней для сиденья огромные камни.
Запасены там для черных судов всевозможные снасти —
И паруса, и канаты, и гладко скобленные весла.
Ибо феакам нужны не колчаны, не крепкие луки,
Надобны им корабли равнобокие, весла и мачты;
Радуюсь им, испытают они гладь моря седого.

(Одиссея, VI, 266 сл.)

Мы узнаем в мельчайших подробностях, как снаряжается корабль:

«Спустим же черный корабль, отправляемый плавать впервые,
В море священное. Юношей двух и еще пятьдесят к ним
Выберем в целом народе. Кто всех наиболее надежен.
Все они пусть свои весла привяжут к уключинам, сами ж
Выйдут и, в дом наш пришедши, заботу приложат, чтоб быстро
Справить обед, а уж я в изобилии всего приготовлю»...

...Двое

Выбранных юношей, с ними других пятьдесят, как велел он,
К берегу быстро пошли всегда беспокойного моря.
К морю и к ждавшему их кораблю подошли они скоро.
Сдвинули прежде всего корабль на глубокую воду,
Мачту потом со снастями на черный корабль уложили,
К кожаным кольцам уключин приладили крепкие весла,
Как полагается все, а потом паруса распустили
В месте глубоком корабль укрепили. Все это окончив,
К дому большому пошли Алкиноя, разумного духом.
(Одиссея, VIII, 34 сл.)

Описание настолько точное, что мы можем вычислить длину корабля. Двое избранных юношей — это рулевой и капитан, а 50 гребцов предполагает наличие на корабле 25 скамеек, то есть длина его равна приблизительно 30—35 метрам. Не нужно забывать, что Данай, за которым, как мы предполагаем, скрывается данун, то есть житель Киликии, считался в греческом мире строителем первого пятидесятивесельного корабля.

Итак, гомеровская Схерия — город, где мореплавание находилось в центре внимания; вместе с тем там знали цену бронзовым изделиям — котлам и треножникам, и уж если преподносили их гостю, то как самые драгоценные дары. То же самое характерно и для Тарса.

Феаки, будучи хорошими мореплавателями, с некоторым презрением относились к купцам. Их корабли не были торговыми, и на них лишь при случае перевозили пассажиров. Гомер рассказывает, что как-то Радаманта, судью подземного мира, отправили на судне на Евбею, но при этом он предполагает у слушателя большую осведомленность, чем та, которой располагают современные читатели. Например, нам неизвестно, что нужно было Радаманту на Евбее и как он попал в Схерию. Означало ли это, что феакам не чуждо было широко распространенное тогда пиратское ремесло? Мы знаем только, что Евбея была тогда значительным культурным центром Греции и что там тоже было развито кораблестроение. Мы, конечно, не можем утверждать, что жители Тарса также занимались пиратством, но на побережье Киликии известно немало тайных разбойничьих гнезд. Многие жили здесь морским грабежом, и пиратов нелегко было захватить с суши. Пиратство не считалось зазорным: Гомер рассказывает о нем как о самом обычном занятии.

«Прежде еще, чем ахейцев сыны появились под Троей,
Девять уж раз на судах быстроходных с мужами ходил я
В страны мужей чужеземных. И там добывал я немало:
Много и сам выбирал из добычи, по жребию также
Многое мне доставалось. И дом у меня умножался.
Страх и почтение стал вызывать я повсюду на Крите».

(Одиссея, XIV, 229 сл.)

Сокровища Менелая, собранные им во время семилетнего странствования, также добыты морским грабеджом. Возможно, он хотел этим возместить потерю (в результате кораблекрушения) своего имущества, награбленного в Трое (Одиссея, III, 32 и IV, 90).

Фукидид¹¹ с явным неодобрением приводит в качестве общеизвестного факта следующее сообщение: «В древности эллины и те из варваров, которые жили на материке близ моря, а также на островах, обратились к пиратству с того времени, как стали чаще сноситься друг с другом по морю. Во главе их становились лица наиболее могущественные, которые и поддерживали пиратство ради собственной корысти и для доставления пропитания бедным. Нападая на неукрепленные города, состоящие из отдельных селений, они грабили их и таким путем добывали себе средства к жизни. Тогда занятие это не считалось еще постыдным» (Фукидид, I, 5).

Саргон утверждал, что он, словно рыб, выуживал из воды греческих морских разбойников, которые часто занимались своим бесчестным промыслом вдоль побережья. И здесь вряд ли можно что-нибудь возразить. Раздражение, с которым Саргон об этом рассказывает, объясняется, по-видимому, тем, что пираты находились в союзе с бунтующими против ассирийцев народами восточной Малой Азии. Иначе какое ему было в конце концов дело до того, что Тарс — где он, вероятно, и «выуживал людей из воды» — время от времени посещали нежданные гости.

¹¹ Фукидид (V в. до н. э.) — крупнейший древнегреческий историк, автор «Истории Пелопонесской войны». — *Прим. ред.*

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Укрепления. Гомеру, по-видимому, нелегко было правдиво изложить историю десятилетней осады Трои, о которой он знал только из мифов. На помощь Трое вновь и вновь приходили союзники, имевшие беспрепятственный доступ в город,—Мемнон из Суз, Пентесилея¹ и ее амазонки и др. Гомер много рассказывает о том, как с ними воевали ахейцы, но нигде у него нет и речи о самой осаде. Троя пала из-за брешы в стене, пробитой не врагами при помощи таранов, а сделанной самим населением, чтобы протаскать большого деревянного коня, который не проходил в ворота. Поверив, что противники отказались от осады, троянцы отступили в глубь крепости. Только так можно объяснить взятие города, который никогда не подвергался настоящей осаде.

Можно было рассказывать о многократных попытках атаковать Трою, о призывах к троянским женщинам, старикам и детям защищать ее стены, но только не о штурме и падении крепости. Пророкам Ветхого завета было в этом отношении значительно легче. Кажется странным, что благочестивые мужи описывают осады и падения больших и могущественных городов не без некоторого смакования. «Он [Навуходоносор] устроит против тебя [имеется в виду Тир.—*Ред.*] осадные башни, и насыплет против тебя вал, и поставит против тебя щиты; и к стенам твоим придвинет стенобитные машины, и башни твои разрушит секирами своими» (Иезекииль, 26, 8, 9). На ассирийских рельефах мы встречаем точные иллюстрации к таким описаниям.

Плохо знает Гомера тот, кто считает, что ради со-

¹ Пентесилея — легендарная царица воинственных амазонок, выступавшая на стороне троянцев во время осады Трои. — *Прим. ред.*

блюдения верности мифу он не использует представившуюся ему возможность по-своему интерпретировать факт. Так как ахейцы не могут атаковать Троию, то троянцы вынуждены атаковать лагерь ахейцев.

Ассирийцы в каждом походе разбивали лагерь. Он имел круглую или прямоугольную форму, окружался стенами с башнями. Кроме палаток в нем возводились и постройки, и удобные конюшни, живо напоминавшие жилища кочевников своими штандартами, укрепленными над воротами. В лагере размещались войско, обоз, солдаты и маркитантки, скот и все необходимое имущество для удобства военачальников. Оруженосцы сооружали жилища для своих господ, забивали скот и жарили пищу, как Патрокл для Ахилла, завтракали, как Нестор со своими друзьями, и развлекались, как ахейцы в вечер после битвы. Если мы вспомним ларь, из которого Ахилл вынимает свой кубок, или описание его надежного, обнесенного забором жилища, то убедимся, что у греков, как и у ассирийцев, лагерь выглядел одинаково. Для Гомера представлялось весьма соблазнительным не только описать подобный лагерь, но и рассказать, как он был атакован всеми средствами современной поэту военной техники.

По своим укреплениям лагерь ахейцев точно соответствовал тому, что мы привыкли видеть на изображениях ассирийцев. Он имел прочные стены, сложенные из балок и камней, и зубчатые башни, защищающие пять ворот. Ров и насыпь делали лагерь неприступным для повозок из-за крутых склонов и сооруженного наверху забора. Правда, изгородь и ров не были обязательной принадлежностью тех времен, но, для того чтобы атака врагов выглядела внушительней, Гомер описал в своем рассказе настоящую маленькую крепость. Он не уточняет, был ли ров наполнен водой.

Деревянные башни укреплялись контрфорсами. Здесь Гомер снова не может удержаться от того, чтобы продемонстрировать свои познания в области современной ему военной техники. Троянцы пытались расшатать стену; но для этого нужны были соответствующие инструменты (Илиада, XII, 259 сл.). У Гомера не рассказано об этом и не названы инструменты; не упоминает он и о лестницах, по которым воины поднимались на стены. В доспехах нелегко было взбираться вверх по гладкой

стене, не говоря уже о граде камней, обрушивавшихся сверху. Окончательного результата троянцы добились только метким ударом камня, в результате которого балки ворот треснули и полетели запоры.

Ассирийцы же часто изображали подобные сцены. Защищенные панцирями и большими плетеными щитами передние ряды наступающих пробивали ломами подкоп у основания стены. Чтобы их не засыпало, они не трогали поперечную балку или подводили специальную опору, которую потом поджигали, отчего стена рушилась.

Едва ли Гомер считал, что у ахейцев не было таранов, ломов и штурмовых лестниц. Вероятно, просто не было случая упомянуть о них. Но описание укрепленного лагеря для своей поэмы он не имел возможности заимствовать из древней легенды. Какой-нибудь античный Шлиман² мог спросить, почему на Троянской равнине нигде не осталось никаких следов этого мощного сооружения. Но на этот довод Гомеру было что возразить. Ведь Посейдон³ считал строительство стен лагеря покушением на свои права: как посмели обойтись без него? Зевс разрешил ему разрушить стену после того, как войско отступило. Так он и поступил. Для этого Посейдон отвел русла восьми рек, чтобы они смыли злощастное творение рук человеческих. Можно подумать, что находишься в лагере Синаххериба, который прорывал каналы, чтобы вода разрушила стены ненавистного Вавилона. Знал ли Гомер об этом грандиозном в техническом отношении злодеянии? Произвело ли оно на него впечатление? Просто удивительно, что такой бог, как Посейдон, оказался не только фанатическим строителем, воздвигающим стены, но и проектировщиком подземных сооружений. Гомера упрекают за каждого погибшего и потом в следующей песне вновь воскресшего воина (ошибка, которая в конце концов может случиться с любым писателем), а на такой поразительный ход, гораздо более удивительный и уже никак не объяснимый простой небрежностью, не обращают внимания. Все,

² Шлиман, Генрих (1822—1890) — известный немецкий археолог-любитель, нашедший гомеровскую Трою и производивший раскопки в Микенах и Орхомене, результатом которых явилось открытие так называемой эгейской культуры. — *Прим. ред.*

³ Посейдон — древнегреческий бог морей, покровитель мореплавания и моряков. — *Прим. ред.*

что казалось противоречивым и подозрительным современникам, еще недавно объясняли вставками позднего редактора. Этим, конечно можно объяснить все что угодно. Однако образ возводящего и разрушающего стены Посейдона никогда не считался более поздней вставкой, и, что еще удивительней, никого никогда не смущало курьезное представление Гомера о битве колесниц: чего только не придумывали, чтобы получше объяснить странности всем хорошо известной битвы колесничих у Гомера.

Виды оружия и рода войск. В течение IX—VIII вв. до н. э. на смену колесницам приходят всадники. Боевая колесница как род оружия уже сыграла свою роль, подобно рыцарям, превратившимся в средние века в особое сословие; обладание колесницей стало признаком сословной принадлежности. Когда в Новое время появились автомобили, легкая двуколка также долгое время считалась более изысканным видом экипажа.

В IX в. до н. э. битвы колесниц не происходили даже на ровной местности, хотя во II тысячелетии до н. э., судя по египетским изображениям, они были обычным явлением. Урартский царь Сардур после поражения в 753 г. до н. э. бежал с поля боя верхом, бросив свою колесницу наряду с другими предметами роскоши. В известной мере символично, что он бросил экипаж, ставший бесполезным в военном отношении. Исчезновение колесниц мы можем проследить и по цифрам, приводимым в различных источниках. В IX в. до н. э. Гададезер из Дамаска отправляется в поход, имея 1200 колесниц, 1200 всадников и 20 000 пехотинцев; Ирхулени из Гамата — 700 колесниц, 700 всадников и 10 000 пехотинцев. Количество пехотинцев, в пятнадцать раз большее по сравнению с числом всадников и колесниц, показывает, что последние не имеют уже прежнего значения и что всадников тоже берут на войну не очень охотно.

Саргон II после захвата Кархемыша включает в свое войско из числа пленных 50 колесничих, 200 всадников и 3000 солдат. Вероятно, это был гарнизон города. Количество пехотинцев в пятнадцать раз больше числа всадников, а колесницы составляют лишь четверть общего числа всадников и используются только военачальниками. Аналогичные данные мы находим в надписи

Хеттская колесница

VII в. до н. э. из храма Артемиды⁴ в Эретрии. В ней говорится, что во время праздника принимало участие 3000 пеших, 600 верховых и 60 колесничих. Во время войны между Халкидой и Эретрией в первой половине VII в. до н. э. фессалиец Клеомах пришел на помощь халкидянам с кавалерией. В Урарту соотношение колесничих, всадников и солдат составляло 1 : 4 : 40.

⁴ Артемида — древнегреческая богиня-покровительница зверей, растительности, охоты.— *Прим. ред.*

Уже в середине II тысячелетия до н. э. основное преимущество в битве колесницам придавала скорость. Вес колесницы не должен был превышать нескольких фунтов. Старались избегать металлических частей, выбирая самые легкие породы дерева. Вес возничего, воина и их доспехов тоже стремились по возможности уменьшить. По бокам тростникового кузова колесницы подвешивались колчаны; в углу укреплялись одно или два коротких копья. Сзади было отверстие для входа, закрывавшееся щитом с шипами.

Вскоре отказались от панциря и поножей для возничего — хотя и полезных, но сильноотяжелявших колесницу. Воин должен был на большой скорости выпустить весь запас стрел и скрыться. Другого оружия, кроме лука и дротиков, не было. Все это убеждает нас в том, что Гомер имел весьма смутное представление о битве колесниц. У него тяжеловооруженные воины отправляются на поле боя на колесницах, соскакивают с них и сражаются пешими. Это еще можно было допустить, если бы речь шла об отдельных военачальниках.

Но Гомер, очевидно, представлял себе, что на колесницах сражалась основная масса воинов. Более того, он утверждал, что Афина длинным копьем из-за спины лошади ранит Ареса в кисть руки. Несомненно, гомеровский эпос возник в то время, когда уже не было сражений на колесницах. Конечно, будучи городским жителем, Гомер сам никогда не участвовал в сражениях, но если бы была возможность, он расспросил бы участников битв (а как же иначе?) и любой воин мог подробно рассказать ему обо всем. Ведь Гомер прекрасно разбирался в обстановке своего времени.

Из более раннего эпоса Гомер не мог получить детального представления о битве колесниц. Немногочисленная знать, еще пользовавшаяся ими, приберегала колесницы для парадов, охоты и спорта. Лишь кельты, к великому удивлению римлян, еще долго не отказывались от этого уже ставшего антикварным вида оружия, что объяснялось их сословным строем. Однако Гомеру хотелось дать описание битвы колесниц, и всадники оказались ему не нужны. Мы и не встретим их при перечислении воинов. В то же время он был хорошо знаком с верховой ездой: так, Диомед и Одиссей скачут у него

домой верхом на белых конях Реса⁵, а после гибели своего плота Одиссей седлает обломок килика, как коня.

Отсутствие всадников у Гомера, по-видимому, можно объяснить увлечением новой модной военной тактикой того времени — фалангой, сведения о которой Гомер почерпнул в элегиях поэта Тиртея⁶. У Гомера о фаланге сказано немного, так как он предпочитал архаизировать обстановку. Но именно поэтому колесничие, которые, собственно, должны были стрелять из лука, у него оказываются тяжеловооруженными пехотинцами, что — как мы уже убедились — было совершенно невозможным. Лучники тоже показаны у Гомера неправильно. В эпоху могущества ассирийцев стрелки из лука составляли ядро войска, и даже при персах они еще играли большую роль. Гомер попадает здесь в трудное положение. Он стремится сделать свое повествование интересным, хочет продемонстрировать знание археологии и в то же время не может не упомянуть и новейшие достижения в военной технике. С одной стороны, он видит широко распространенные по всему Востоку отряды лучников, а с другой — спартанских тяжеловооруженных пехотинцев-гоплитов. Его мало смущает, что смешение этих двух миров приводит к курьезам. Описания войн даны Гомером со знанием дела, как, например, рассказ о способе ведения войны локрами⁷, точно соответствующий нашим знаниям об ассирийцах II тысячелетия до н. э. Но его объяснения лишены смысла, и порой создается впечатление, что он взялся не за свое дело и сам понимает это.

Локры воевали с помощью луков и пращей — родственных видов оружия. Саргон поселил в Кумухе 20 000 стрелков из лука, 1000 пращников и 1500 всадников. Как лучники, так и пращеметатели пользовались оружием дальнего боя, при этом у них были заняты обе руки. До VIII в. до н. э. щит носили на ремне «теламоне», укрепленном на плечах, так как руки были за-

⁵ Рес — фракийский царь, участвовавший в Троянской войне в качестве союзника троянцев. — *Прим. ред.*

⁶ Тиртей (VII—VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт, известный своими воинственными стихотворениями — эмбатериями, воспевающими древнюю воинскую доблесть спартанцев. — *Прим. ред.*

⁷ Локры — население Локриды, области в древней Элладе, богатой пастбищами, плодородными землями и скотом. — *Прим. ред.*

няты. Во время боя щит передвигали вперед и держали за рукоять, сделанную в центре внутренней стороны, с тем чтобы он служил панцирем. Это было неудобно, так как сковывало движения воина. Поэтому лучники и пращники, стрелявшие стоя или с колена, щитами не пользовались. У лучников даже шлема не было на голове: он мешал целиться. Гомер знал это хорошо (Илиада, XV, 439 сл.). Стрелка прикрывал большим щитом оруженосец или соратник, вооруженный копьем или мечом. Рассказом о том, как утомленный Аякс отдавал товарищам свой плетеный щит (Илиада, XIII, 709 сл.), Гомер сознательно снижает значение щита в битве. Описанный им щит имеет большое сходство с продолговатым микенским, который, конечно, был известен поэту по различным изображениям, например рисунку на микенском мече. Совершенно неправоммерно утверждение, что в гомеровских описаниях сохранились следы древнего эпоса: слишком уж современны они для того времени. Гомеру не нужен был эпос, он знал микенское оружие и снаряжение так же хорошо, как и современное ему вооружение. На найденном в Микенах мече лучник стоит, преклонив колено, его загораживает воин со щитом, бросающий копье. Этому изображению точно соответствует следующий рассказ Гомера:

Тевкр появился девятым. Упругий свой лук напрягал он,
Став под прикрытием щита Теламонова сына Аякса.
Щит свой немного Аякс отстранял, и тогда осмотревшись,
Быстро герой из толпы выбирал иль того иль другого
И поражал его. Раненый, пав, расставался с душою.
Тевкр же бросался назад и, как к матери сын, прижимался
К брату Аяксу. И этот щитом прикрывал его светлым.

(Илиада, VIII, 266 сл.)

То, что Тевкр бегом возвращается под защиту Аякса, может на первый взгляд показаться странным: Аякс не стоит на месте, как это полагалось тому, кто держал щит. Это объясняется тем, что Гомер не хотел низвести своего Аякса до положения оруженосца; пока Тевкр поражает врага, Аякс тоже не бездействует. Здесь поэт не совсем объективен, ведь Аякс и Тевкр — братья, причем именно Тевкр, как незаконнорожденный, рангом ниже. У их отца странное имя — «Теламон», то есть «щитовой ремень». К этому надо добавить, что другой Аякс,

сын Оилея, был предводителем локров, стрелявших из луков. Сам же Аякс, как и его тезка, сын Теламона, действует щитом и копьем. Отсюда можно сделать вывод, что первоначально был только один Аякс, предводитель локрских лучников. Этим лучникам нужен был щит, а следовательно, и его носитель — сын «щитового ремня» Теламона, который уже не мог быть передовым бойцом. Его роль сводилась к ношению щита, и только в случае острой необходимости он пускал в ход копье. Диву даешься, что вытворяет Гомер. Он, например, утверждает (Илиада, XIII, 712), что у локров не хватило мужества следовать за их предводителем Аяксом. Гомер объясняет это так: у них не было ни щитов, ни шлемов, только луки. Но ведь сражается ли воин в панцире, держит ли он перед собой щит сам, или перед ним его держит оруженосец — в конце концов не так уж важно. Однако Гомер с этим не согласен. Такое же пренебрежительное отношение к лучникам и к пращникам мы находим во фрагменте из произведения поэта Архилоха, которого считают современником Гомера:

То не пращи засвистят, и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.
В бое подобном они опытни боле всего,—
Мужи-владыки Евбеи, копейщики славные...⁸

Согласно одной из легенд, Гомер и Гесиод участвовали в состязаниях в Халкиде на Евбее. Если даже это анекдот, он все-таки свидетельствует о том, что пренебрежительное отношение к лучникам и пращникам Гомер вполне мог воспринять на Евбее. Различия в описании вооружения обоих Аяксов и их свиты не имеет реальной основы и заставляет нас настороженно относиться к рассказам Гомера: далеко не каждый из них мы должны принимать на веру. Гомер использует любой подвернувшийся ему материал и легко направляет его и осмысливает по своему усмотрению. И это для нас самое интересное. Гомер сомневался в возможности применения огромных щитов, которые он мог видеть на микенских рисунках и многие из которых сохранились в храмах в виде посвященных даров. Он хорошо по-

⁸ Эллинские поэты. М., 1963, с. 205.

нимал, что более поздние ассирийские щиты были удобнее и практичнее. Но почему не использовать необычную форму этих, с его точки зрения, абсурдных и страшных щитов, если они могут украсить повествование? Микенец Перифет, сын Копрея, зацепился ногой за обод такого щита (говорили, что они били по ногам при ходьбе). Споткнувшись, он падает на спину, его шлем со звоном ударяется о землю; Перифет оказывается беззащитным, и Гектор пикой пронзает его грудь. Представить это довольно сложно: Перифет, конечно, мог вывихнуть себе лодыжку и упасть навзничь. Но разве это сюжет для древнего эпоса? Разве мог герой погибнуть в результате такой смешной случайности?

Гомера, однако, больше интересуют сложные ситуации, а не стереотипный героизм. То, что Перифет у Гомера столь неожиданно оказывается микенцем, свидетельствует о том, что подобные неудачи поэт приписывает древней эпохе и ее странному вооружению. Он как бы подчеркивает дистанцию между древней эпохой и его временем и вместе с тем вводит в заблуждение многих исследователей его творчества.

Конечно, ответственность за различные несуразности Гомер не всегда может переложить на странные обычаи древнего времени. В большинстве из них повинен он сам.

Например, совершенно необъяснимо, как могут герои сражаться с раннего утра до захода солнца, имея всего одно-два метательных копья. Мечом они, как и ассирийцы, в битве не пользуются. Получается, что, метнув в первые минуты свои два копья, они вынуждены будут уйти с поля боя. Метательное оружие имеет смысл только тогда, когда его достаточно, как, например, камней для пращи или стрел для лука. Оно применимо также, когда битва продолжается недолго. Но герои Гомера соскакивают с колесниц и сражаются целый день. Гомер и сам замечает эту неувязку и при случае заменяет короткие дротики длинными копьями, которыми бьются, не выпуская их из рук. Он называет этот бой рукопашным. Подобных воинов, хорошо защищенных панцирем и круглым щитом, Гомер мог видеть в современной ему ассирийской армии. Это типичный солдат охраны, вооруженный скорее для защиты, чем для наступления. При очень большом щите панцирь ста-

повится ненужным. Если же щит невелик и легкий, то воин защищает панцирь, а голову его — шлем с султаном. Меч, который носят на ремне через плечо, гомеровские герои пускают в ход, как мы уже указывали, лишь в случаях крайней необходимости; ассирийцы же пользуются мечом для того, чтобы прикончить упавшего врага или, еще чаще, для того, чтобы отсечь у него голову или руку.

На Переднем Востоке был широко распространен чешуйчатый панцирь (кольчуга), состоявший из роговых или металлических пластин с отверстиями, через которые продевались соединявшие их шнуры. Остатки чешуйчатых панцирей, датируемых II тысячелетием до н. э., сохранились в большом количестве. Благодаря подвижным пластинам воин сохранял известную гибкость и маневренность. Этот панцирь, первоначально очень длинный, с рукавами и воротом, уже в VIII в. до н. э. доходил только до талии. Воины, стоявшие в передних рядах, носили старомодные, доходящие до щиколоток кольчуги, а под шлемом — что-то вроде капюшона, закрывавшего подбородок и в виде воротника спускавшегося на плечи. Короткий эластичный панцирь надевался как рубашка. Поэтому Гомер называет его то «бронзовым хитоном», то просто «хитоном», а один раз более точно — «плетеным хитоном». Вполне возможно, что пластины сверкали на солнце, а может быть, и позвякивали, соприкасаясь друг с другом.

Описывая чешуйчатые панцири и круглые щиты, Гомер воспроизводит реальные детали вооружения VII в. до н. э., но, изображая роскошный панцирь Агамемнона, снова дает волю фантазии. Каждый ряд пластинок в этом панцире, по его словам, был выполнен из другого металла, поэтому весь он делился на разноцветные полосы. Нечто подобное могло быть на самом деле, но только при изготовлении первых кольчуг. Не исключено, что полководец для представительства мог надеть на себя и музейный экспонат, но и на нем ни в коем случае не мог быть изображен дракон.

Щит полководца также должен был поражать своим величием, и тут уж Гомер с самого начала не пожалел красок, а в дальнейшем вносил в свое описание все, что только мог узнать. Нам известно большое количество разнообразно оформленных щитов VIII в.

Бронзовый щит с Крита

до н. э. из Урарту и с острова Крит, так что, приложив некоторые усилия и рассмотрев по частям эту удивительную часть вооружения, мы можем получить о ней довольно полное представление. Саргон в своей надписи рассказывает об урартских щитах из Мусасира. Подобные щиты мы видим и на различных рисунках. По краям щитов шли изображения колец, а посередине выгравирована львиная голова. Писцы ассирийского царя презрительно называют этого льва собакой, а у Гомера он превратился в Медузу Горгону⁹. На некоторых щитах

⁹ Медуза Горгона — в греческой мифологии имя одной из трех сестер — чудовищ с медным туловищем и золотыми крыльями, взгляд которой обращал в камень все живое. Из них одна Горгона была смертной. — *Прим. ред.*

центр, которому Гомер уделяет так много внимания, либо был гладким, либо его украшал простой орнамент, а по краям размещались различные изображения. На урартских щитах мы видим бегущих львов и быков, разделяемых рядами орнамента, в результате чего образовалось двенадцать полос. Украшения критских щитов значительно грубее: наряду с военными сценами здесь встречаются изображения различных фантастических существ. Гомер, испытывавший к ним неприязнь, называет только двух — Деймоса («Страх») и Фобоса («Ужас»). На финикийских щитах помимо этих двух фигур мы также видим изображения битв и чудовищ.

Панцирь Агамемнона — это подарок царя Кипра, финикийца Кинира. Кинир приехал на Кипр из Финикии: это подтверждает имя его отца — Сандака, которое тот получил в честь киликийского бога Сантаса. Таким образом, мы имеем довольно правдоподобное объяснение удивительного происхождения панциря. Гомер считал его очень древним, полученным в качестве дара за гостеприимство и привезенным из Восточного Средиземноморья.

Особенно сложен вопрос о поножах. На вазах позднемикенского периода изображены воины в круглых кожаных панцирях и поножах из кожи или металла. Найдены отдельные экземпляры поножей, относящихся к этому времени. Потом поножи перестали носить, но в гомеровское время они появляются вновь. У ассирийцев поножей не было; они носили короткий чешуйчатый панцирь, прочные чулки чуть выше колен на подвязках и высокие сапоги на шнуровке. Колесничим поножи не были нужны, так как их ноги защищал кузов колесницы, но всадникам они были необходимы. Металлические поножи могли ранить лошадь, поэтому чулки ассирийцев оказались таким же удачным выходом из положения, как и штаны кочевых народов. Только гоплиты могли пользоваться металлическими поножами. В вопросе о поножах Гомер так же ультрасовременен, как и в отношении спартанской фаланги. Однако не исключено, что он принимал (и не без оснований) за поножи кожаные гамашы, изображенные на имевшихся в его распоряжении обломках микенских vaz.

Султаны на шлемах сперва появились у хеттов в Малой Азии. Их изготавливали из конской гривы и хво-

стов отнюдь не для устрашения врагов, а для «отвращения злых сил». Как это ни странно, мы чаще всего встречаем султаны на головах у лошадей, которые имели собственные гривы и хвосты. У ассирийцев султаны тоже надевали на лошадей. Ассирийцы долго сопротивлялись украшению шлема волосами животных, считая это опасным, но в течение VII в. до н. э. султаны распространяются и у них. Греческого типа султаны мы находим в Каратепе (то есть в Киликии). Очень вероятно, что греки впервые увидели их именно здесь. Пышный султан придавал по-женски тщеславным воинам представительный и импозантный вид.

Организация войска. В VIII—VII вв. до н. э. не существовало призыва в армию, войска были только наемными. Цари имели право набирать в свое войско военнопленных, способных носить оружие. Так поступали и ассирийцы и урарты. Маленькие царьки редко вели войны на собственный страх и риск, поэтому те войска, с которыми они приходили на помощь великим государям, по существу, становились лишь телохранителями своих правителей. Это были не слишком боеспособные отряды, скорее декоративные, чем полезные для дела. Мы располагаем довольно забавным описанием отрядов, данным в «Книге пророка Исайи». Описывая ассирийское войско, автор придает ему те черты, которых, по его мнению (а может быть, личному опыту), как раз и недоставало таким отрядам:

«Вот оно [имеется в виду ассирийское войско.— *Ред.*] легко и скоро придет, не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресел его, и не разорвется ремень у обуви его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его — как вихрь» (Кн. пророка Исайи, 5, 26—28). По сравнению с этим описанием ассирийцев местный гарнизон Иерусалима выглядел неорганизованной толпой.

Тем не менее местные царьки очень гордились своими отрядами. Мелкий князек Азитава¹⁰ из Карате-

¹⁰ И. Н. Винников датирует время правления Азитава¹⁰ (Азитавадды) не VII в. до н. э., а концом IX в. до н. э. (см.: И. Н. Винников. Новые финикийские надписи из Киликии.— «Вестник древней истории», 1950, № 3).— *Прим. пер.*

не похвастается тем, что он переселял жителей из одного конца своей «могучей» империи в другой. Его слова выглядят произвольной критикой появившейся тогда тенденции переселять людей. Затем он рассказывает о созданных им арсеналах: «Я наполнил арсеналы Пахри, увеличив число лошадей, щитов, умножив все запасы».

В его стране, раскинувшейся всего на несколько километров, эти «мощные» арсеналы выглядят очень импозантно. Комический эффект от хвастливых рассказов Азитаванды можно сравнить разве с впечатлением, которое производит описание Исайей (отнюдь не стремившимся к этому) иерусалимского гарнизона. Азитаванда оставил нам также изображения своих солдат и их вооружения. Ему мы обязаны и сведениями о развешивавшихся на их шлемах султанах. Сообщает он также и о своей коннице. Неизвестно, однако, с каким врагом она должна была сражаться. Можно только предположить, что крепость, где сохранились изображения, ассирийцы разрушили еще до того, как строительство ее довели до конца.

Более основательно было поставлено дело в Урарту. Невдалеке от столицы в неприступной крепости собирали войска. Там, по всей вероятности, располагались большие арсеналы, подобные раскопанным недавно в Калху — более ранней резиденции ассирийских царей. Это была крепость в крепости. В ней находились плацы для упражнения войска, склады с продовольствием и оружием, здесь же хранилась захваченная добыча. Воины размещались в палатках и бараках. Немногочисленные жилища постоянных обитателей гарнизона были на редкость комфортабельны. Чиновники управления заранее заботились о своих жилищах.

От урартов до нас дошли сведения, которые позволяют хорошо представить себе подобные арсеналы. Сардури, заключая свои анналы, дает подробнейший отчет о составе его войска в начале царствования. В нем было 920 колесниц, 3604 всадника и 37 011 пехотинцев. К войску причислялись 121 чиновник управления, а также 10 408 лошадей, 132 мула, 12 321 бык, 9036 прочего рогатого скота, всего, стало быть, 21 357 голов крупного скота и 35 467 мелкого, далее — 2114 предметов вооружения (вероятно, копий), 1342 лука и 47 970 штук стрел.

Из продовольствия названо 1 022 133 капи зерна, 111 акарки вина, 86 акарки и 7 гиру масла. Точного значения этих мер мы пока не знаем. В мастерских сохранились запасы меди (7079 мин¹¹), здесь трудилось 366 рабочих и кузнецов.

Сами цифры не имеют для нас большого значения, прежде всего потому, что при переписывании допускались ошибки. Представляет интерес управленческий аппарат, без которого не могло обойтись войско наемников.

Приводимые Сардури числа были сводными данными, полученными на основе суммирования сообщений о составе отдельных гарнизонов. Поэтому так много (121) чиновников управления (скорее всего это были надсмотрщики), кузнецов и скота. Что касается быков, то в перечень вкралась какая-то путаница, которую трудно понять. Поразительно мало оружия: не исключено, что в арсенале хранился лишь резерв. Все, что солдаты имели при себе, считалось их личной собственностью и поэтому не учитывалось.

Сопоставляя эти сведения с тем, что рассказывает нам Гомер, мы вправе ожидать, что он отойдет от мифа, в котором упоминается только постоянное войско. Действительно, мы видим известное различие между войсками ахейцев и троянцев. Так, в составе войск троянцев были эпикуры, то есть наемники. Гомер называет эпикурами добровольно приходящие на помощь троянцам отряды, например спутников эламита Мемнона или царицы амазонок Пентесилены, или свиту царя ликийцев Сарпедона. Причем, по его версии, эпикуров возглавляли не цари, а «мужи — повелители народа» (Илиада, II, 805).

Поразительнее всего неоднократное упоминание Гомером многоязычия, характерного даже для отдельных отрядов. Противопоставление молча идущих в бой ахейцев — что, как ни странно, не мешало им испускать время от времени воинственные клики — и орущей толпы троянских эпикуров позволяет утверждать, что наемники представляли собой пеструю, разноплеменную, на-

¹¹ Мина — древняя единица измерения драгоценных металлов, монет, имевшая в разных странах различную величину — *Прим. ред.*

скоро собранную толпу. С чего бы иначе Гомеру пришло в голову, что царь ликийцев Сарпедон говорит по-гречески не так чисто, как остальные троянцы? Следовательно, Гомер под эпикурами понимал скорее всего войска наемников — одна из тех скрытых деталей, которую очень часто оставляют без внимания.

ГОРОДА И ДВОРЦЫ

Город и население. Античный город по сравнению с современным представлял собой органичное целое. Город обеспечивал своим жителям различную степень безопасности.

Основную массу населения составляли горожане-земледельцы. У каждого было жилище — весьма непрочное, с нашей точки зрения, сооружение из глины и дерева; небольшое поле, на котором горожанин выращивал просо, овощи и кормовые травы для домашних животных; сад с фиговыми деревьями, а также стелющимся виноградником. Синаххериб в своем обещании жителям Иерусалима переселить их в места, похожие на те, где они живут, сообщает: «Примиритесь со мной и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, доколе я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников» (Кн. пророка Исайи, 36, 16).

На всех ассирийских изображениях над стенами и башнями осажденных городов мы видим деревья. Города меньшего размера также были окружены стенами, которые служили защитой от разбойников, но не от врага. Там, где стены, сложенные из необожженного кирпича, буквально сближаются друг с другом, образуя узкие переулки, находились деловые кварталы с лавками и мастерскими. Там же, где весь участок был занят строениями, возвышались, видимо, дворцы знати, владельцы которых, обеспеченные доходами со своих поместий, могли обходиться без огородов и больших фруктовых садов при доме.

Мастерские ремесленников, работавших с драгоценными металлами, находились на базаре в небольших помещениях, расположенных рядами под одной крышей

и разделенных узкими проходами. Ширина их была такой, что здесь мог пройти только осел, нагруженный товарами для близлежащих складов. При этих ремесленных рядах, как их лучше всего назвать, не строили кухонь. Их рассматривали как чисто деловые помещения, которые покидали на ночь. Весь квартал, окруженный надежной стеной, хорошо охранялся. Как ни странно, ремесленные ряды часто принимают за кварталы рабов; маловероятно, однако, что рабам позволялось то, что не было доступно свободным гражданам, — возведение каменных стен, прочность которых никак не вязалась с неудобными и невзрачными помещениями. Не может быть также и речи о том, что это были какие-то общежития для одиноких, с общим питанием, так как античные источники не упоминают холостых рабов — ведь дети рабов становились желанным дополнительным доходом для их хозяев. В этих клетушках обитали кузнецы, резчики по меди и слоновой кости, художники, расписывавшие драгоценные глиняные сосуды.

О жизни в городе мы можем судить по перечням, которые встречаются в «Книге Неемии». Эти сведения относятся, правда, уже к тем временам, когда евреи возвратились из Вавилона, но следует учесть, что условия жизни в городе не изменялись в течение тысячелетий. Иерусалим в то время был городом средних размеров: «Все общество вместе состояло из сорока двух тысяч трехсот шестидесяти человек, кроме рабов и рабынь их, которых было семь тысяч триста тридцать семь; и при них певцов и певиц двести сорок пять. Коней у них было семьсот тридцать шесть, лошаков у них двести сорок пять, верблюдов четыреста тридцать пять, ослов шесть тысяч семьсот двадцать» (Кн. Неемии, 7, 66 сл.).

По большому количеству ослов мы можем судить о численности ремесленников. Лошади, по всей видимости, принадлежали знати, владевшей колесницами. В настоящее время мы, наверное, заменили бы каждую пару лошадей машиной. Лошаки и верблюды были собственностью купцов; крупного рогатого скота в городе не держали, так как земельные участки были настолько малы, что для их обработки не требовалось тягловой силы. Овец и коз не учитывали из-за быстрой смены поголовья. Число свободных и рабов соотносилось между собой как 6:1. Это свидетельствует о богатстве

знати, так как большинство горожан рабов не имело. Связанные с отправлением культа лица почти всегда фигурируют в Ветхом завете под широким названием «певцы и певицы». Они же являлись одновременно музыкантами и танцорами.

Некоторые сведения о населении города мы получаем из урартских списков переселяемых лиц. Правда, сюда вносили и жителей деревенских общин. Очень часто здесь отсутствовали имена мужчин, так как они служили в армии или находились в плену. По возвращении пленных либо сразу же включали в состав урартских войск, либо несколько позже отпускали на волю. Один из таких списков составлен во время северного похода Сардури, в нем содержатся следующие цифры: 10 000 детей, 4600 мужчин (вероятно, незаменимых дома или непригодных к военной службе), 23 000 женщин, 3500 лошадей, 4353 головы домашнего скота и 214 000 мелкого. Все дошедшие до нас сведения с поразительной точностью совпадают в соотношениях чисел. На севере Урарту было мало крупных городов, а условия жизни в мелких напоминали деревенские. Поэтому в упомянутом списке не названы ослы и дорогие вьючные животные — мулы. Но они сразу же появляются в перечне награбленного добра в Мусасире, который подвергся внезапному нападению Саргона. Окрестное население, не успевшее вступить в войну, утратило связи с городом. В маленьком религиозном центре Саргон захватил: 6110 человек, 12 лошаков, 380 ослов, 525 голов крупного рогатого скота и 1285 мелкого. Лошадей, по всей вероятности, забыли учесть. Все эти данные воспроизводят картину жизни маленького аграрного городка со слабо развитыми торговлей и ремеслами. Город был расположен на холме, и у его подножия, очевидно, находились поля, обрабатываемые быками.

Если город обладал укрепленной возвышенностью, крепостью, то в случае войны она служила убежищем для населения. Если же такого убежища не существовало, то население вынуждено было со всем своим скарбом и скотом укрываться в отдаленных крепостях. Жители городов, расположенных в горных областях, с детских лет настолько привыкали к таким перемещениям, что даже самые неожиданные налеты не заставляли их врасплох. На равнинах приходилось укреплять часть са-

мого города. В мирное время в крепостях обитали лишь князья: большинство помещений пустовало в готовности принять в случае нужды население. Городские власти были обязаны иметь запасы в расчете на сбежавшихся из окрестных деревень жителей. При раскопках эти запасы, заготовленные на много лет, часто принимали за склады, в которых хранилась дань. Из ассирийских надписей нам известно, что любой укрепленный город имел большие запасы вина, зерна и оружия. Небрежность в этих случаях могла привести к гибели города и угону жителей в плен, если не к уничтожению всего населения.

Город в то время был равнозначен Родине и рассматривался не просто как комплекс построек и земельных участков, а как объединение жителей с определенным соотношением рабов и свободных, разделявшихся по сословиям и профессиям. Раньше думали, что при захвате города угоняли только представителей высших сословий, однако это соображение не подтвердилось источниками. Скорее всего угоняли всех, оставляя лишь некоторое количество крестьян в деревне для обработки земли. А потом складывалась новая община или даже несколько общин.

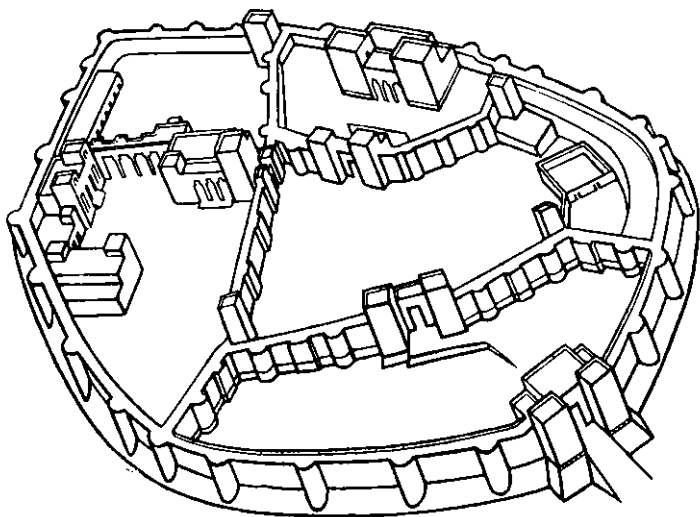
Переселение не казалось тогда такой жестокостью, как в наше время. Непрочное жилище, земельный участок, сад, скромное имущество, состоявшее из скота и скудных украшений, никогда не исчезающая из сознания мысль о возможности нового переселения — все это не создавало чувства привязанности к родному очагу. Его заменяло чувство принадлежности к общине. Не ассирийцы придумали переселения; еще хетты осуществляли их в широком масштабе, но своей цели они так и не достигли. Завоеватели стремились выкорчевать побежденных из родной среды, сделать их одноязычными, заставив говорить либо по-хеттски, либо по-ассирийски. Однако еще при хеттах все члены переселенных общин при малейшем неудовольствии убегали из новых мест. Ассирийцам стало ясно, что переселениями на большие расстояния ничего не добиться: переселенцы, сохраняя тесную связь друг с другом, довольно быстро перенимали (обычно не ассирийские) обычаи и язык той страны, куда попадали. При этом они сохраняли и свои собственные обычаи. Не исчезало и прежнее враждебное от-

ношение к угнетателям. Эта устойчивость представлений весьма удивительна, если учесть тесные связи населения отдельных стран между собой. Нельзя было вместе с людьми перенести городские стены, дворцы и храмы. Попадая за новые стены, жители находили новые храмы и прежде всего обретали нового бога. Без особых затруднений и угрызений совести воспринимали они иной культ, иные торговые и деловые связи. Исключение составили израильтяне: только они спустя поколение стремились на родину, туда, где был храм их бога. И каково же было удивление сынов Израиля, когда, возвратясь, они нашли там новую общину, готовую вместе с ними восстановить разрушенный храм и возобновить богослужение, как будто Иерусалим был городом этих переселенцев, а Ягве их богом: «Будем и мы строить с вами, потому что мы, как и вы, прибегаем к богу вашему и ему приносим жертвы от дней Асардана [Асархаддона], царя Сирийского, который перевел нас сюда» (1-я книга Ездры ¹, 4,2).

Осложнения возникали лишь в том случае, когда переселенцы не знали, как поклоняться богу той страны, где их поселили: «И перевел царь ассирийский людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарваима, и поселил их в городах самарийских вместо сынов Израилевых. И они овладели Самарией, и стали жить в городах ее. И так как в начале жительства своего там они не чтили Господа, то Господь посылал на них львов, которые умерщвляли их. И донесли царю ассирийскому и сказали: народы, которых ты переселил и поселил в городах самарийских, не знают закона бога той земли, и за то он посылает на них львов, и вот они умерщвляют их, потому что они не знают закона бога той земли. И повелел царь ассирийский, и сказал: отправьте туда одного из священников, которых вы выселили оттуда; пусть пойдет и живет там, и он научит их закону бога той земли. И пришел один из священников, которых выселили из Самарии, и жил в Вефиле, и учил их, как чтить Господа» (4-я Кн. царств, 17, 24 сл.).

Ягве перестал быть богом кочующих по пустыне пле-

¹ Ездра — один из библейских «пророков», которому приписываются три книги Ветхого завета, носящие его имя. — *Прим. ред.*

Дворцовый комплекс крепости в Самале

мен, а стал богом города и страны. Ему служил единственный израильтянин и поклонялось чужеземное население. Так как Иерусалим при вавилонянах и персах политически примыкал к Самарии, тогдашние жители могли с полным правом сказать возвратившимся евреям: «Мы поклоняемся вашему богу, как и вы!»

Дворцовый комплекс. Так как в случае военного нападения крепость должна была принять все население, дворец местного правителя тоже был очень вместителен. Дворы при дворцах также могли принять большое число людей и в случае необходимости послужить им убежищем. Дворцы на Востоке разрастались в разные стороны, и в новых комплексах мы снова встречаем здания с внутренними двориками, обеспечивающими освещение. В описываемое время появилась новая архитектурная мода, которую ассирийцы называли хеттской, нашедшая выражение в дворцовом комплексе Бит-Хилани. Стиль Бит-Хилани, по мнению ассирийцев, предполагал наличие главного зала с перпендикулярно к нему расположенным вестибюлем, крышу которого поддерживали колонны; у их основания слева и справа попарно помещались изваяния львов или быков. Как

Бит-Хилани соединялся с обширным комплексом остальных построек, до сих пор не совсем ясно.

В Северной Сирии и других областях, населенных хеттами, правители которых почти не пользовались большими дворами, весь комплекс сводился только к самому дворцу. Он был несколько сдвинут вбок по отношению к зданию у входа, составлявшему необходимую и наиболее важную часть постройки. Со всех сторон дворцовый комплекс, в большинстве случаев имевший неправильную форму, был обнесен стеной. По существу, он представлял собой видоизмененный *мегарон* — распространенный у северных народов «мужской зал». Вход усиливали боковые башни; от них лестницы вели в верхние покои. Там же располагались комната привратника и двери, ведущие во внутренние помещения, так как задняя стена зала в большинстве случаев была сплошная. Из пристройки у ворот в главное помещение проходили только по боковым коридорам, минуя второстепенные помещения. Общественная и личная жизнь проходила в зале, подобно тому как у греков ее средоточием был мегарон. В верхнем этаже находились спальни. Здесь проводили время дети и женщины, когда они не чувствовали себя спокойно внизу. У Гомера расположение помещений такое же. Пенелопа в женских покоях слышит, как чихает Телемах. Для разговора с женихами она спускается по лестнице вниз. Наверху находились также хорошо запиравшиеся кладовые для хранения драгоценной утвари.

Чтобы нескромный взгляд не потревожил жизнь семьи, на стене, обращенной к улице, окон не было. В верхних этажах, как это видно по ассирийским изображениям, были окна, через которые проходил свет, а в жаркие ночи и свежий воздух. В уже неоднократно упоминавшемся рассказе о морском путешествии Ану-Амона царь Библа Закар-Баал разговаривает со священнослужителем, сидя в верхнем зале у такого окна, прислонившись к нему спиной. А сзади «у его затылка бились волны Великого Сирийского моря». Но чаще у окон проводили время дамы. Из такого окна Мелхола увидела Давида, танцующего возле Ковчега Завета, отсюда выглядывала раскрашенная и разряженная Иезавель, и под таким же окном лежало ее сброшенное вниз распластанное тело. Сохранилось много изластин из слоно-

ой кости с изображениями женских головок, выглядывающих из окна. Инкрустации с такими головками мы находим и на ложе Ашшурбанипала, и на троне царицы, а также на обломках мебели, дошедших до нас в большом количестве.

Как и в микенский период, подрастающие царские сыновья строят собственные мегароны, создавая в крепости свой Бит-Хилани с отдельным дворцом и надвратной башней, верхний этаж которой, вероятно, предназначался для слуг. Летние вечера и жаркие ночи проводили в парадном зале: здесь стелили постель гостям, хранили предметы культа, оружие и семейные реликвии. В урартских храмах, так же как и греческих, в этих залах держали трофейное оружие и оружие воинов, вернувшихся с победой с поля брани. Поэтому их стали называть «оружейными палатами». Но это не были арсеналы в общепринятом понимании, так как оружием, принесенным в дар богу, больше уже нельзя пользоваться. Здесь же проводились праздники. Парадный зал не только творца, но и частного дома вплоть до эпохи Ренессанса оставался местом, где происходили обряды посвящений. Поджии, расположенные по углам дворца, куда из соображений безопасности не было доступа изнутри, тоже служили для официальных церемоний; здесь же совершались обряды венчания. Никакой другой части дворцового комплекса не уделяли столько забот и внимания, как этому залу,—верный признак того, что он отнюдь не был только обычной проходной комнатой. Истинный Бит-Хилани не имел дверей в задней стене, а завершался спереди открытой площадкой, на которой вся жизнь проходила, как на сцене.

Некоторые хеттские обряды можно понять только с учетом полусвященного характера парадного зала. Здесь же происходят события, описанные в ряде греческих мифов. Адрасту, властителю Сикиона, было предсказано, что он выдаст дочерей замуж за льва и кабана. Однажды ночью Адраст застаёт у себя в зале Полиника из Фив, облаченного в львиную шкуру, и Тидея, этолийца, в шкуре кабана. Эта встреча закончилась двойной свадьбой. Создается представление, что обе свадьбы (или торжественное обручение) были сыграны в ту же самую ночь именно в парадном зале. Особое значение имели упомянутые животные. В Бит-Хилани не сохранилось

изображений кабанов, но зато часто у основания колонн наряду со львами стояло изваяние другого священного животного — быка. Но не мог же будущий зять явиться со шкурой быка на плечах! Чтобы не произвести странного впечатления, пришлось заменить бычьей шкурой на кабанью.

Дворец Алкиноя. Мы не уделяли бы так много внимания залу, этой интересной части дворцового комплекса, если бы он не встречался у Гомера как раз там, где мы уже обнаружили немало черт, характерных для хеттской Киликии,— при описании дворца царя феаков Алкиноя.

На первый взгляд дворец этот кажется сказочным и странным, но если вдуматься, то можно найти ключ к пониманию того, о чем говорил Гомер.

Одиссей осматривает дворец сперва снаружи и испытывает вполне понятное удивление. От самого порога, то есть от надвратной башни до самых дальних углов тянутся стены. Двери дома закрыты, уже одно это представляет разительный контраст с мегароном, двери которого всегда были распахнуты, и поэтому их почти не было заметно:

Стены из меди блестящей тянулись и справа и слева
Внутрь от порога. А сверху карниз пробегал темносиний.
Двери из золота вход в крепкозданный дворец запирали,
Из серебра косяки на медном пороге стояли,
Притолка из серебра, а дверное кольцо золотое.
Возле дверей по бокам собаки стояли. Искусно
Из серебра и из золота их Гефест изготовил,
Чтобы дворец стерегли Алкиноя, высокого духом.
Были бессмертны они и безстаростны в вечные веки.

(Одиссея, VII, 86 сл.)

Теперь понятно, почему по обеим сторонам дверей помещены «собаки», ведь именно это мы объясняли выше. Не будем упрекать Гомера за то, что он принял хеттских львов за собак. Саргон тоже считал собаками львов, изображенных на древнеурартских щитах, да и позднее эту ошибку неоднократно повторяли, так как грозно ощеренные пасти диких зверей не всегда были выполнены реалистически безупречно.

Гомер говорит далее о внутреннем убранстве дворца, где по стенам стояли кресла с наброшенными на них чехлами. Статуи золотых юношей с факелами в руках

База колонны из Кархемыша

соответствовали подобным же прекрасным древнеурартским статуям, поддерживающим головой капители колонн, которые тоже служили светильниками. Из-за похожих головных уборов подчас трудно отличить юношей от девушек. На котлах, украшенных бронзовыми фигурами, мы безошибочно отличаем мужчин по бороде.

И все-таки описание Гомера выглядит странно. В его времена бесчисленные изделия из бронзы сплошным потоком шли из Восточной Анатолии в Грецию и Этрурию. Создается впечатление, что Гомер не видел, а только слышал о таких светильниках и тот, кто рассказывал ему о них, был большим фантазером. Насколько нам известно, юноши никогда не держали светильники в руках; на голове у них стояла чаша или подставка, а в ней находились шипы для насадки свечей или факелов.

Гораздо правдоподобней выглядит гомеровское описание сада. Обилие плодов в нем, несомненно, отражало райское изобилие Киликии того времени. Хотя мы говорили о том, что кварталы ремесленников представляли собой тесные блоки домов, разделенные узкими улочками, но все же при каждом доме был хотя бы крохотный садик и уж, конечно, имелся сад при дворце владыки города.

Отнюдь не случайно мы встречаемся с дворцом, парадным залом, колоннами с «собаками» по бокам именно у феаков, у их царя. Выше уже отмечены такие черты быта феаков, которые позволяют считать Тарс прообразом их морского города. Ведь во дворце Менелая нет зала с колоннами и «собаками», защищающими вход. Нет их и во дворце Приама. В то же время жилище Алкиноя нигде не названо мегароном, речь всегда идет о «домах» — термин, под которым можно понимать любой значительный комплекс зданий. Возможно, что свои сведения Гомер получил в гавани Хиоса на борту одного из кораблей Тарса.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ, ОБСТАНОВКА

Большая часть того, что мы в наших жилищах так неудачно именуем мебелью, восходит к средневековью. Слово «мебель» происходит от латинского *mobile* — «подвижная». Сейчас никому и в голову не придет после обеда выносить из столовой столы и буфеты. В древние же времена довольствовались лишь небольшим количеством маленьких, легких и очень красивых предметов.

Стены комнат белили или красили, иногда украшали узкими фризами из бронзы, реже из слоновой кости. Вдоль стен длинными рядами ставили кресла со скамеечками для ног для знатных гостей; скамьи же и табуретки предназначались для лиц менее знатных. За трапезой каждый гость получал отдельный изящный столик. В гомеровское время ели только сидя, возлежать стали далеко не сразу. Однако кресла, возвышающиеся над столом в зависимости от значимости гостя, затрудняли для аристократов ритуал приема пищи. Так, например, когда Ашшурбанипал вкушал в винограднике на своем ложе пищу, царица сидела рядом на высоком кресле.

У Гомера кресло царицы стоит прислоненным спинкой к одной из четырех колонн, поддерживающих крышу вокруг дымохода над большим круглым очагом, на котором не только готовили пищу, но и грели воду для купания (в странах с более холодным климатом). На юге в каждом дворце были кухня, ванны и туалеты. Зимой там обогревались переносной жаровней на колесиках. Не послужила ли подобная жаровня образцом при описании Гомером рабочей корзинки Елены? Эта корзинка также была сделана из металла и перемещалась на колесиках. Жаровни отсутствовали там, где имелись очаги, представлявшие собой большую круглую площадку диаметром от одного до четырех метров. Слова Гомера о просителях, сидящих среди золы очага,

соответствовали действительности: они могли не бояться сгореть, так как до огня было еще довольно далеко. Певцы у Гомера, которых приглашали на каждый большой праздник, также садились к одной из колонн, оставляя место для того, чтобы слуги могли свободно проходить. Под столом, у ног хозяев, лежали собаки. Им бросали остатки пищи. И все же героев Гомера нельзя упрекнуть в нечистоплотности:

Живо за дело! Одни — обрызгайте пол поскорее
И подметите его, а потом на кресла накиньте
Пурпурно-красные ткани. Другие — столы оботрите
Губками, дочиста все пировые кратеры помойте,
Вымойте также и кубки двуручные...

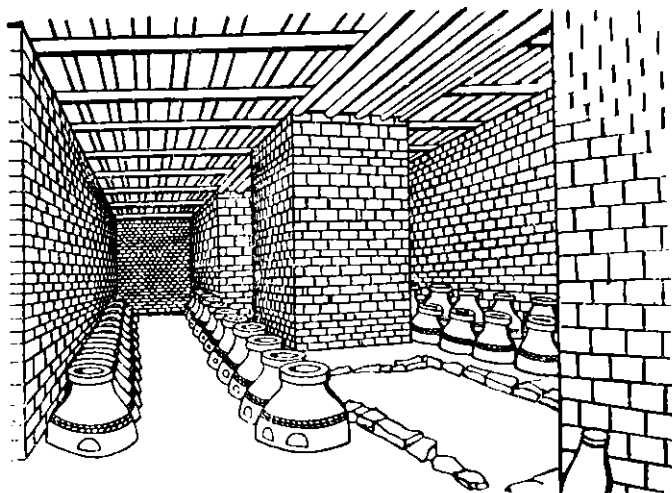
(Одиссея, XX, 149 сл.)

Кратеры, черпаки и кубки стояли на столах и на полу. После еды их убирали. О шкафах, сундуках, буфетах и полках следует забыть, когда говоришь об античности. Правда, для хранения сокровищ пользовались деревянными сундуками, окованными бронзой. В один из них уложили одежду, которую Одиссей получил от феаков. Такие сундуки, а также запасная металлическая утварь стояли в кладовых на особых помостах из балок, к которым вела лестница. Пенелопа в поисках боевого лука Одиссея открывает кладовую:

Тут на высокий помост взойшла Пенелопа. Стояло
Много на нем сундуков, благовонной одеждою полных.
Став на носки, сняла она лук, на гвозде деревянном
Вместе висевший с блестящим футляром, в котором лежал он.
Там же и села она, положила футляр на колени,
Вынула лук Одиссея и горько над ним разрыдалась.

(Одиссея, XXI, 51 сл.)

На этом массивном помосте хранились боявшиеся сырости предметы. Глиняные таблички и посуда складывались на выступы, имевшиеся на всех стенах кладовой. Продукты и жидкости содержались в огромных, величиной в человеческий рост, сосудах, зарытых в землю. Между ними шла кирпичная кладка. Содержимое сосудов доставали черпаками с длинными ручками. Солдаты ассирийского арсенала оказались практичнее. Они также окружали сосуды с водой кирпичной кладкой, но у самого пола пробивали в стенке отверстие и затыкали

Реконструкция урартского хозяйственного помещения
с сосудами для хранения запасов

его пробкой. Чтобы набрать воды, приходилось наклоняться, зато доставать воду стало проще. Такие емкости ставились в тени ворот длинными рядами и, по всей вероятности, предназначались для солдат, несших службу в жаркое и пыльное время года.

С нашей точки зрения, вся эта процедура представляется довольно неудобной, но большие сосуды экономили место — ведь в то время не существовало полок, на которых можно было бы их разместить. Изготовление необходимых для этого досок оказалось бы слишком дорогим удовольствием.

На строительство кораблей требовались доски в руку толщиной. Чтобы распилить дерево, закрепляли ствол между двумя столбами и медленно протягивали пилу сверху вниз. Только небольшие доски легко можно было вырезать и отшлифовать. Они заменяли также бумагу, если требовалось записать что-либо важное (обычно же писали на черепках глиняной посуды).

Ложы делались настолько легкими, что их нетрудно было вносить в зал для гостей. Днем их держали в специальных помещениях. Так, сына Охозии Иоаса вместе с кормилицей в течение шести лет прятали от пре-

следования регентши Гофолли в спальняй комнате при храме (2-я Кн. Паралипоменон, 22,11; 4-я Кн. царств, 11, 2). Лишь в супружеских покоях кровати, по-видимому, стояли на постоянном месте. Странным кажется рассказ Одиссея, в котором герой сообщает, что опорой для его кровати служил пень только что срубленного дерева. Этому трудно поверить потому, что спальни обычно находились во втором этаже. В поэме нет другого места, которое бы так противоречило имеющимся у нас сведениям об античной мебели, как этот рассказ Одиссея.

Время, описываемое нами, бедно памятниками круглой скульптуры. Произведения этого жанра дошли до нас только благодаря прикладному искусству: мы встречаем фигурки на бронзовых котлах; на украшениях кроватей и кресел, выполненных из слоновой кости; на драгоценных безделушках и туалетных принадлежностях женщин и на роскошном оружии царей. Найденные статуэтки из драгоценных металлов, без сомнения, также завершали ручки кресел или светильников.

До нас дошли глиняные амулеты и игрушки. Они как бы воплощали представления людей об опасностях, угрожающих их домашнему очагу, которые, кстати, сохранились и до настоящего времени. Как и теперь, изящные безделушки придавали комнатам жилой вид и индивидуальный характер. Мы не знаем, стирали ли в то время с них пыль или нет. Однако пустыми комнаты, во всяком случае, не выглядели. Их оживляли игрушки, волчки, колясочки, игральные доски и, конечно, домашние животные. Несомненно, здесь держали собак и птиц. Постоянными обитателями дома считались ежи, совы, гнездившиеся в перекрытиях, и любопытные ящерицы.

ТЕХНИКА

В наш атомный век мы снисходительно относимся к техническим шедеврам прошлых тысячелетий и не всегда склонны верить в их целесообразность. Техника — это процесс создания. По существу, нас должно интересовать не то, что сделано, а как это было сделано.

Мы достаточно хорошо знаем литературу XIV—XIII вв. до н. э. и можем с уверенностью утверждать, что в то время техникой интересовались мало, но если у Гомера хромой кузнец разъезжает по своей мастерской в «автомобиле», то это не столько полет фантазии художника, сколько необычайный интерес Гомера к технике. «Но ведь этого не может быть, — скажет современный читатель. — А как же горючее?» И тем не менее «боги могут все». Если бы Гомер имел представление об атомной энергии, то Гефест ездил бы на машине с атомным двигателем. Однако вопрос о том, что приводило в движение машину Гефеста, Гомер оставляет открытым. «Автомобиль» в переводе означает «самодвижущийся»:

...Навстречу ему золотые служанки
Вмиг подбежали подобные девам живым, у которых
Разум в груди заключен и голос и сила — которых
Самым различным трудам обучили бессмертные боги.

(Илиада, XVIII, 413 сл.)

Разве не могли помогать хромому кузнецу две живые женщины? Почему же обязательно должны были быть роботы? У нас нет никаких претензий к тому, что роботы приняли облик женщин. Украшали же стволы первых пушек медальонами и завитушками или, во всяком случае, орнаментом, который не имел ничего общего с назначением этого страшного оружия. Современной «функциональности» от древних, конечно, требовать было нельзя. Гомер в рассказах о мастерской Гефеста вво-

дит не только двух женщин-роботов, но и треножки, которые называет «автоматами». Роботы приезжали на колесиках и, исполнив работу, вновь возвращались на место — вставали по углам дома Гефеста. И это не какое-нибудь сказочное волшебство, связанное с распространёнными представлениями о скатерти-самобранке, а нечто принципиально иное. Может быть, именно в отрицательном отношении Гомера ко всякого рода чудесам коренится его стремление к познанию. Чудеса противоречат его взглядам просвещённого человека, они ему просто скучны.

Гомер обязательно сообщает о том, как каждая вещь была изготовлена. Это не значит, например, что он станет рассказывать, как Одиссей строил себе корабль (так поступил бы более ранний автор). Гомер понимает, что построить корабль в одиночку невозможно, даже с помощью богини. Поэтому Одиссей сооружает не корабль, а плот. В руках у него топор и секира. Эти инструменты очень точно описаны Гомером, хотя трудно понять, для чего они понадобились нимфе; впрочем, рационализм совершенно чужд Гомеру. Богиня показывает Одиссею, где растут деревья, необходимые для строительства плота. Двадцать деревьев он свалил, выскоблил и «уровнял, по шнуру обтесавши». Затем приходит Калипсо¹, которая, как мы видим, неплохо разбиралась в судостроении. Она принесла Одиссею бурав, гвозди и скобы. С их помощью он соединяет стволы деревьев. Одиссей строит свой плот, как «опытный корабельщик обычно готовит дно корабля грузового» (Одиссея, V, 249 сл.). Ясно, что снасти для парусов Одиссей никак не смог бы изготовить в мастерской заброшенного острова.

После того над плотом помост он устроил,
Уставив часто подпорки и длинные доски на них
постеливши.

(Одиссея, V, 252 сл.)

Одиссей снабдил плот мачтой и рулем, стянул пазы ивовыми прутьями и, чтобы он не перевернулся, положил для балласта лесину. Для паруса богиня даёт ему

¹ Калипсо — в греческой мифологии нимфа, державшая семь лет в плену Одиссея и его спутников, превращённых в свиней. — *Прим. ред.*

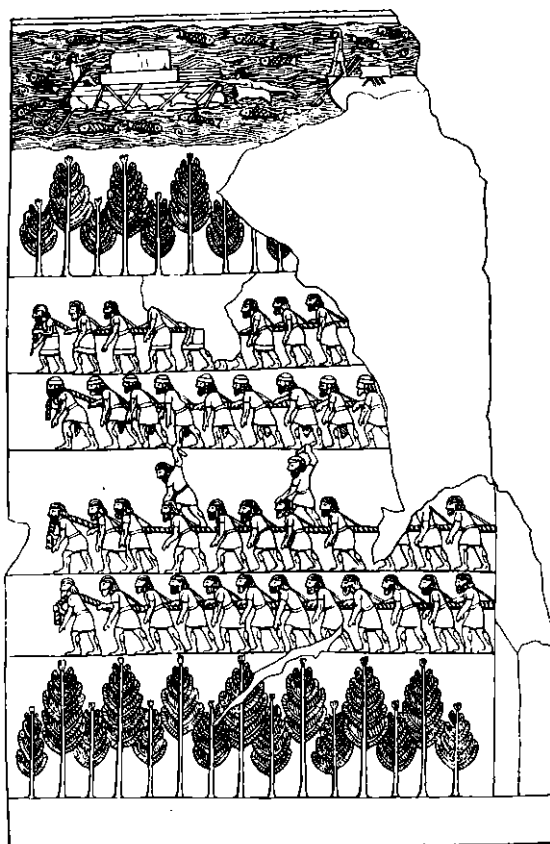
холст из своих запасов, веревки и канаты. И вот готовый корабль с помощью рычагов спускается на воду. На строительство плота Одиссею и богине понадобилось четыре дня. А весь пятый день они готовили запасы в дорогу (Одиссея, V, 234 сл.). Эту последнюю деталь не упустил бы ни один сочинитель романов.

Из описания мы узнаем не только как выглядел, но и как строился лагерь Ахилла. То же относится и к жилью Евмея. Между «Илиадой» и «Одиссеей» нет ни малейших различий, когда речь идет о технических вопросах. Такие подробные описания теперь считают признаком примитивного рассказа. Но у Гомера этот недостаток следует отнести не за счет слабой литературной техники автора. Дело здесь в страстном увлечении Гомера техникой в прямом смысле слова.

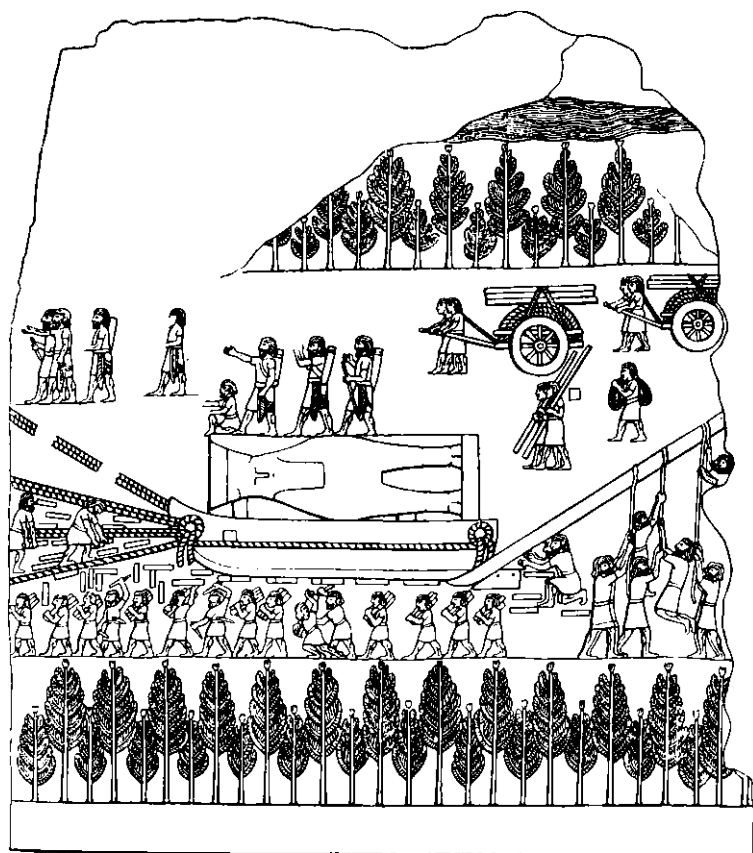
Это вовсе не означает, что технические возможности в гомеровское время выросли. Уже во II тысячелетии до н. э. человек освоил технику, поражающую нас и по сегодняшний день, хотя тогда мало кого интересовал сам процесс изготовления вещей. Властителей занимали главным образом результаты. Могли, например, соединить озеро с морем с помощью туннеля, пробитого через скалы. Причем надписи об этом молчат. А когда Езекия в Иерусалиме построил водопровод, то он не утверждал, как это делали в своих анналах другие цари, что сам сотворил подобное чудо. В оставшейся после него надписи можно прочесть следующее: «Вот что было при проломе, когда проходчики еще поднимали кирки друг против друга и когда еще оставалось пройти три локтя, стал слышен голос одного кричащего другому, так как трещина образовалась в скале справа. А в день завершения пролома проходчики ударили друг против друга, кирка против кирки, и потекла вода из источника в пруд на расстоянии 1200 локтей. И 100 локтей была высота скалы над головою проходчиков».

Египетские фараоны руками своих подданных построили гигантские пирамиды. Мы не можем сейчас точно сказать, как это было можно сделать при технических средствах того времени. Синаххериб, современник Езекии, фанатичный приверженец техники, показывает нам на своих рельефах не законченные дворцы, а процесс их строительства. Раздробив изображение на множество картин, художник рисует, как везут по суше и

Транспорти-
ровка
привратной
башни в виде
сфинкса
во дворец
Синаххериба

по воде от каменоломен до самой Ниневии огромные фигуры, предназначенные к установке у ворот дворца. От его внимания не ускользнули даже мельчайшие технические детали. Историк должен быть благодарен за это тому самому Синаххерибу, в котором никто, даже его сыновья, не могли усмотреть ничего достойного похвалы. Синаххериб не использовал в своем войске пленных для постоянных войн, как это делали его предшественники. Он нашел им иное применение. Хетты строили ему корабли, финикийцы и кипрские греки служили на них матросами. С эламитами, которые когда-то сумели удрать от него на своих кораблях, он хотел бороться их

собственным оружием и решил для этого перетащить часть кораблей по суше из Евфрата в Тигр. Вся эта затея окончилась неудачей, но благодаря сохранившимся изображениям мы можем получить точное представление о кораблестроении того времени.

Синаххериб построил канал, который проходил через многочисленные долины. По нему столица получила свежую воду из горных источников, находившихся от нее в пятидесяти километрах. Рассказ о строительстве канала не производит на нас, знающих римские акведуки, большого впечатления. Не нужно, однако, забывать, что римляне использовали опыт строительства подобных сооружений на Востоке, где тоже умели рыть каналы, та-

Синаххериб на своем троне
(Лахиш)

ким образом, чтобы разница в уровнях позволяла воде течь в нужном направлении.

Синаххериб знал, откуда брать понимающих в технике специалистов. Этим, по-видимому, объясняется дружба самого мстительного и беспощадного из всех ассирийских властителей с его исконными врагами — урартами: ведь среди них как раз и были нужные царю люди. Жители горных стран Малой Азии, вплоть до самых восточных ее областей, всегда славилась умением пробивать скалы и работать с камнем. Поэтому находит свое объяснение легенда о том, что Семирамида с ее висячими садами была урартской царицей, а все каналы и скальные сооружения в Урарту построены в ее царствование. Впрочем, скорее всего царица Шамурмат (Семирамида) просто хорошо понимала, что выгоднее

жить с северными соседями в мире, так как было чему у них поучиться.

Возможно, Синаххериб был не более мстительным и беспощадным, чем его предшественники. Величайшие его злодеяния обусловлены только его технической одержимостью. Так, он разрушил Вавилон, который щадили все его предшественники, скорее обогащавшие город, чем разорявшие. Складывается впечатление, что Синаххериб превратил Вавилон в развалины только для того, чтобы, подобно разрушившему Трою Посейдону, испытать могущество техники, попытаться смыть руины водой специально построенных каналов. Однако тут поднялась буря негодования. Жрецы и их сторонники из знати не смогли понять практического значения этих грандиозных испытаний технических возможностей каналов. Здесь уместно вспомнить способ, при помощи ко-

торого Посейдон разрушил лагерь ахейцев. Он тоже прорыл каналы, используя для этого, благодаря своим божественным возможностям, восемь рек. Разве это могло быть просто выдумкой? Наш Посейдон, без сомнения, современник Синаххериба. При этом нам не важно, являлся Синаххериб прообразом гомеровского строителя или наоборот. Последнее тоже не исключается.

В то время было модно заводить зверинцы и разводить экзотические растения. В дворцовом парке Синаххериба не только разгуливали по газонам серны и косули, там рос и хлопок. Для чего? Для развития экономики страны? Отнюдь нет. Разведение хлопка ограничивалось только парком царя. Синаххериб просто хотел понять, как из растений изготавливают ткани для одежды.

Предшественники Синаххериба не решались подыматься на высокие вершины. Возможно, потому, что это было трудно и рискованно, тем более что человек с годами полнеет и становится тяжелым на подъем. Но, может быть, можно найти более легкий способ? Например, сесть в носилки, чтобы тебя донесли почти до самой вершины, а там, «подобно козочке», пробежать последние несколько метров, опуститься на камень и отхлебнуть из походной фляжки. Сверху приятно полюбоваться видом расстилающихся внизу долин. Царь считает, что такой подъем должен войти в анналы. Пускай это не техническое и даже не спортивное достижение, но оно выражает то же стремление царя — повелевать не только людьми, но и природой. (Это все равно что теперь сесть в космический корабль и полететь на Луну. Во всяком случае, побудительные причины были бы теми же самыми.) Удивительно только, что Синаххериб не оставил своего изображения на вершине, подобно тому как современные альпинисты водружают там вымпелы. Он не упустил бы такого случая. По-видимому, у каменотесов, которых не поднимали, как царя, на носилках, уже не хватило для этой работы сил.

НАРОД И СЕМЬЯ

Ассирийцы кичились не только своими завоеваниями, но и культурными достижениями. В первую очередь это относится к дворцам. Их строили военнопленные на средства от грабежа чужих стран. Мы уже говорили о страстном интересе Синаххериба к технике: в том, как он развивает литейное дело, как разводит хлопок, как налаживает подачу воды в Ниневию. Но литейное дело не выходило за границы мастерских царя, хлопок рос только в его саду, а вода подавалась в первую очередь в огромный дворец. Ассирийские анналы не свидетельствуют о какой-либо заботе царя о народе. Слово «народ» в надписях всегда стоит на последнем месте. Шумерские царьки по крайней мере упоминали о том, что они никого не угнетали и защищали вдов и сирот. Ассирийские же правители похвалялись тем, что внушали ужас и страх поработенным народам: «И жители их сделались маломощны, трепещут и остаются в стыде. Они стали, *как трава в поле и нежная зелень, как порост на кровлях и опаленный хлеб, прежде нежели выколосился*» (4-я Кн. царств, 19, 26). Манера изложения здесь заимствована у ассирийцев, но она несколько смягчена по сравнению с ассирийскими анналами. Этот стиль можно было бы считать характерным для рассматриваемой эпохи, если бы ему не противоречили хеттские надписи. Цари хеттов не проявляли интереса к военным действиям (даже если речь шла об уничтожении разбойничьих гнезд в горах), а стремились к миру, покою и благосостоянию населения в своих землях. К кому же были обращены их надписи? К своему народу. Чужеземные властители не могли их прочесть, да они и не интересовали бы их. А народ легко мог провернуть сообщаемое царем.

В обоих финикиязычных государствах Восточной Анатолии мы встречаем надписи, правильно отражаю-

щие общее настроение, но не лишённые некоторого бахвальства. Вполне возможно, что торговые демократические города финикийцев приукрашивали положение своих жителей, хетты же, склонные к семейственности и домовитости, способствовали превращению установившегося у них образа жизни в патриархальный. Так, Киламува, царь Яуди-Самала, носящий чисто хеттское имя, несмотря на то что его надпись написана по-финикийски, сообщает: «Царствовал Габбар над Юдией и ничего не свершил. Был царем отец мой Хайя и ничего не свершил... Я же, Киламува, свершил то, чего не свершили бывшие до меня».

Нам знаком этот стиль по ассирийским анналам. Ассирийские цари всегда совершают то, что не сделал никто из их предшественников: порабащают народы, имена которых прежние поколения даже и не знали, вторгаются в области, куда не вступала нога их предков. Однако нам хотелось бы знать, чего же, собственно, не сделали эти бесталанные предшественники Киламувы. «Я, Киламува, сын Хайи, воссел на трон отца моего. При царях прежних обыватели были, как собаки. Я же для одних был отцом, для других был матерью, для третьих был братом. Того, кто в глаза не видел овцы [в своем хлеву.— *Ред.*], я сделал обладателем стада овец; того, кто в глаза не видел вола, я сделал обладателем стада рогатого скота, обладателем серебра и золота. Тот, кто не видел в глаза с самой юности своей полотна, в дни мои оказался одетым в виссон. Я поддерживал обывателей, и они обнаружили приверженность [ко мне] подобно приверженности сироты к матери»¹.

Эта надпись не единственная в своем роде. В соседнем Каратепе подобную же оставил Азитаваанда: «Даже в местах, которые были раньше опасными, люди боялись ходить дорогами... теперь там гуляют даже женщины, держащие веретено...². И было во все дни мои благоденствие и довольство и покой у данунинов и во всей долине Адана».

В притчах, собранных писцами Езекии, также ча-

¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока, М., 1963, с. 287.

² В переводе И. Н. Винникова, который мы цитируем, на этом месте стоит многоточие. Чтение М. Римшнейдер построено на догадке и далеко не бесспорно.— *Прим. пер.*

сто упоминается добрый царь: «Как рыкающий лев и голодный медведь, так нечестивый властелин над бедным народом» (Кн. притчей Соломоновых 28, 16). «Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой» (Кн. притчей Соломоновых, 20, 28). Эти притчи, хотя их и приписывают Соломону, нельзя датировать ранее VII в. до н. э.

Женщины с веретенами напоминают описанные Гомером царские дворцы, где царицы сидели и пряли в кругу своих служанок. Стул представляли к одной из колонн, поддерживающих крышу над очагом, и расстилали ковры. Рядом с женщиной на земле стояла корзинка с клубками шерсти. Царица стремилась к тому, чтобы не отличаться от простых обывательниц. Нас уже не удивляет, что Одиссей сравнивает добродетельную и хозяйственную Пенелопу — еще до того как она его узнала — с добродетельным царем, хотя именно ее правление не принесло блага его домашнему очагу:

Женщина, кто порицать тебя на земле беспредельной
Мог бы осмелиться? Слава твоя достигает до неба.
Ты — словно царь безупречный, который, блюдя благочестье,
Многими правит мужами могучими. Строго повсюду
Правда царит у него. Ячмень и пшеницу приносят
Черные пашни; плоды отягчают древесные ветви;
Множится скот на полях, и рыбу моря доставляют.
Все — от правленья его. И народы под ним процветают.

(Одиссея, XIX, 107 сл.)

Если сравнения Гомера не всегда правдивы в деталях, то общая картина обычно соответствует действительности. На примере хозяйственной Пенелопы, воплощающей идеал царицы, Гомер стремится изобразить хорошего царя, который как добрый отец семейства управляет своим народом.

Наилучшие изображения цариц, держащих рабочие корзинки в руках или сидящих за ткацкими станками, словно обычные хозяйки, и заботливых царей мы находим не на греческих вазах «геометрического стиля» (здесь чаще всего изображались героические сцены), а на хеттских рельефах. Эти памятники изобилуют сценами из домашней жизни. Хеттские рельефы происходят из Маркази, современного Мараши, столицы Гургума, рас-

положенного севернее Самала. На надгробной стеле умершего царя изображен отец семейства (иначе его не назовешь), напротив него царица. Оба сидят за трапезой, которую не без основания можно назвать поминальной. Подобного рода изображения не всегда были связаны с погребальной тематикой: чаще всего нарисованы дети, их игры и занятия; встречаются памятники даже без изображений самого царя и без каких-либо намеков на погребальную трапезу, например портрет маленького Тархумпия. Он стоит на коленях матери, держит птичку на веревочке; к тому же Тархумпий умеет писать, о чем свидетельствует табличка для письма, кисточка и бутылочка с тушью, не без гордости помещенная рядом с мальчиком. Судя по изображенным буквам, он учится писать хеттские иероглифы, а это не так просто для такого малыша. На правой руке у Тархумпия — магический браслет для отвращения злых духов.

Маленький Тархумпий

Такие же изображения, но более позднего времени, дошли до нас из Кархемыша. На одном из рельефов мы видим царя Арараса, который только что передал своему старшему сыну жезл — знак присвоения ему высокого военного и жреческого звания. С обычной хеттской обходительностью он берет его за руку, чтобы сопроводить в новый дворец. Кроме старшего сына у царя

Арарас со своим старшим сыном

есть еще девять детей; все они названы по именам. Дети перечислены по старшинству, и для каждого указан род занятий. Видно, что царь придает очень большое значение семейной жизни и домашнему очагу. Рельеф содержит не только изображение запускающих волчок и играющих в кости детей, но и текст, повествующий от имени царя: «Когда они достигли возраста игры в кости, я дал им кости в руки, а когда они достигли возраста игры в волчок, я дал им его в руки».

На греческих надгробных стелах классического времени художник тоже стремился передать сцены из жизни усопших. Но как мало можно из них узнать о семейной жизни того времени — несравнимо меньше того, что дают хеттские рельефы. Это не зависело от характера греков, а было связано с духом времени. Посмотрим еще раз на один из последних рельефов Арараса. Мы видим царицу с младенцем в руках и козу на веревке, по-видимому, дававшую ребенку молоко. На другом рельефе малыш чуть постарше учится ходить, и чтобы скрасить ему это занятие, наверху посадили птичку. А найдем ли мы у греков сцены, где быт был бы изображен с такой любовью? Ну, конечно, найдем! Прежде всего у Гомера, а затем в эпоху эллинизма, хотя поздние описания значительно более претенциозны.

Гомер рассказывает нам о поденщице, которая отвешивает на весах шерсть, «чтобы детям промыслить хоть скудную плату» (Илиада, XII, 435).

Или о Патрокле, плачущем

Подобно девочке малой, что бегом за матерью следует с плачем,
На руки просится к ней и за платье хватается крепко,
Смотрит в глаза, заливаясь слезами, чтоб на руки взяди.

(Илиада, XVI, 7 сл.)

Или о мальчишке, построившем на морском берегу песчаную крепость и снова ее разрушившем:

...Песок рассыпает близ моря ребенок,
Если себе что-нибудь из песка для забавы построив,
Снова, играя, свой труд раскидает рукой и ногою.

(Илиада, XV, 363 сл.)

Мы встречаем у него и детей, дразнящих ос:

Мальчики их [ос] привыкли тревожить.
Дразня близ дороги в их гнездах.
Глупые эти ребята на многих беду навлекают.

(Илиада, XVI, 260 сл.)

А вот голодный осиротевший ребенок бежит за взрослыми, хватая их за одежду и выпрашивая пищу, в то время как другие дети с руганью отталкивают его. Мальчик же, имеющий родителей, сидит на коленях у отца и поедает большими кусками лакомство:

Если же сон его брал и детские игры кончал он, —
Он на кровати тогда засыпал в объятьях у няни,
В мягкой постели, приятной едою насытивши сердце.

(Илиада, XXII, 502 сл.)

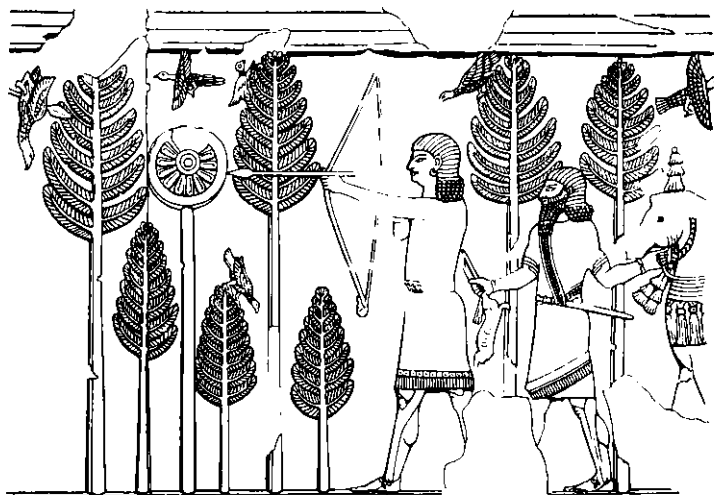
Трудно представить себе, как подобные картины можно было называть «геометрическим стилем». Если и можно их сопоставить с чем-либо, то только с хеттскими рельефами и надписями, постоянно рассказывающими о детях, животных и простом народе, предающемся всякого рода развлечениям. Весь пестрый мир был изображен на каменных рельефах хеттских зданий, находившихся на общественных площадях. Эти сцены поражают нас не столько своим художественным совершенством, сколько богатством информации и поучительностью содержания.

СПОРТ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Погребальные игры на похоронах Патрокла. Если еще недавно было принято говорить, что в Олимпии сделан первый шаг на пути всестороннего развития человека, то сегодня мы едва ли рискуем это утверждать. Скорее можно сказать, что учреждение общегреческих игр и охват этими играми одних только греков привели к одностороннему развитию. То, что только в эллине видели идеал человеческой личности, способствовало скорее становлению национального чувства, чем развитию спортивного духа.

Спорт любили уже в Египте, хотя египтяне сводили это понятие главным образом к различного типа состязаниям. Состязались в верховой езде и в стрельбе из лука, причем победа присуждалась не столько за меткость, сколько за пробойную силу выстрела. Поэтому египтяне пользовались такими мишенями, которые позволяли судить о силе, с которой пущена стрела.

Тутмос III пробивал, например, четыре медные пластины, каждая из которых была шириной в ладонь, причем стояли они на расстоянии двадцати локтей друг от друга. Хотя это сообщение, может быть, и преувеличено, но оно не кажется нам удивительным. Искусство стрельбы из лука упоминается и в легенде о Будде. Бодисахва стреляет не только дальше, чем все остальные; его стрела пробивает кроме нескольких барабанов, которые были установлены для него и для его конкурентов, еще и фигуру бронзового кабана. Барабаны в этом рассказе служат мишенями. Урартские цари приказывали вырубать надписи, чтобы увековечить особо удачные выстрелы. Стрельба по мишеням и по птицам упоминается не только у Гомера, но и в ассирийских надписях. Ашшурбанипал рассказывает, что в детстве наряду с чтением и письмом его обучали плаванью, верховой езде и стрельбе из лука. Персидские

Стрельба по мишеням

цари тоже больше всего гордились тем, какими хорошими лучниками они были.

Как видно из XXIII песни «Илиады», из восьми видов спорта, в которых состязаются греки на похоронах Патрокла, седьмым было соревнование лучников. Уже это, предпоследнее место в программе соревнований указывает на некоторое пренебрежение к стрельбе из лука. Впоследствии этот вид спорта и вовсе перестает быть популярным. Отрицательное отношение к верховой езде было связано у греков с растущим предубеждением против варварских народов. Но так было не всегда.

Знаменитый выстрел Одиссея заимствован из древнего мифа. Двенадцать топоров были врыты один за другим в глиняный пол: стрела Одиссея пролетает через их верхние отверстия. Гомер рассказывает об этом выстреле с таким же увлечением, как и о верховой езде, воспринимая и то и другое как удивительное искусство, своего рода фокус. Форма топоров представляла собой дальнейшее развитие круглых и плоских микенских двойных топоров: иначе невозможно объяснить наличие у них верхних отверстий. Они походили, стало быть, на круглые, укрепленные на столбах мишени, которыми пользовались ассирийцы, с той только разницей,

что мишени не имели отверстий, во всяком случае до того, как их удавалось пробить. Нужно, наконец, внести ясность в загадочный вопрос с этими двенадцатью топорами с отверстиями. Их количество может иметь какое-либо значение, только если, подобно Будде, пробивать отверстия сразу в нескольких барабанах или мишенях; тогда число их станет показателем силы выстрела. Если же стрела пролетает через готовые отверстия, то совершенно безразлично, сколько топоров будет стоять на ее пути. Ведь это не определяет меткости или силы стрелка, а скорее зависит от искусства служителя, сумевшего установить их точно в одну линию. У Гомера первоначально, по-видимому, речь шла о двенадцати мишенях; тогда необходима была и богатырская сила для натягивания тетивы, чтобы стрела могла пробить металл. Для этого требуется гибкий лук большой пробойной силы. Стрелять надо было стоя или опустившись на колено. Но у какого же топора бывает такая длинная рукоятка, если учесть вдобавок, что часть ее закопана в землю? Одиссею пришлось бы распластаться по земле или же держать лук горизонтально, что совершенно исключено. Как это ни странно, но на противоречия в рассказе о выстреле Одиссея обращали так же мало внимания, как и на странности гомеровских описаний битв на колесницах. Хотя автору и казалось, что он дал пример изумительного искусства стрелка, но любой житель Урарту, услышав, как проходили состязания, только покачал бы с сомнением головой.

В Урарту были хорошо известны конские ристалища. Так же как и греки, жители Урарту соревновались не в верховой езде, а в беге колесниц. По свидетельству источников, в Олимпии такого рода состязания были введены позднее, однако это маловероятно. Начало Олимпийских игр восходит к мифу о Пелопсе: состязание колесниц, в которых он участвовал, точно соответствует подобным ристалищам, проводившимся уже во II тысячелетии до н. э. хеттами. Согласно легенде, Пелопс пришел из Малой Азии, колесничий же Эномая — Мирсил носит чисто хеттское имя (Мирсил-Мурсиль). Во время погребальных игр на тризне Патрокла герои сами правили колесницами, поэтому для победы требовались прежде всего их ловкость и умение. Несколько позднее слава достается владельцу лошадей, даже если

Голова лошади с дышла урартской повозки

он сам и не участвует в состязании. Победа не связана теперь со спортивным достижением, а только с богатством владельца лошадей, участие которого в соревновании сведено на нет. Позже вместо двух коней стали запрягать четырех. Это придало состязаниям внешний блеск, но привело к дальнейшей утрате спортивного духа. Две лошади требуют от возничего большего умения. Иногда участники состязаний прибегали к нечестным приемам — взять, например, хитрость Антилоха, ловко использовавшего мягкосердечие Менелая. Обгоняя соперника в теснине, Антилох рассчитал, что Менелай не будет рисковать упряжкой. Он был уверен, что люди и лошади Менелая дорожат, чем слава, и тот скорее уступит, чем подвергнет их опасности. Хотя Антилох добился победы, но зато проиграл в моральном отношении и вынужден был извиниться перед соперником. Этот рассказ, не входивший в древний миф, был добавлен Гомером. Поэт не обсуждает вопроса, порядочно ли поступил Антилох; его цель — противопоставить юношескую горячность твердому мужскому характеру и высокой порядочности Менелая.

Из видов спорта, входящих в пятиборье, — прыжки,

бег, метание копья, диска и борьба — только соревнования в метании диска считаются специфически греческими. Остальные виды спорта были распространены у всех народов. То, что Гомер неодобрительно смотрит на соревнования лучников, мы, пожалуй, еще можем понять, но остается загадкой, что он имеет против метания диска, который представляется свойственным исключительно грекам. При перечислении восьми видов спорта на погребальных играх Патрокла метание диска стоит только на шестом месте. Как мы увидим из дальнейшего, это должно подчеркнуть его второстепенную роль. В то время как победители в других соревнованиях получали какую-нибудь ценную и красивую награду, одержавший победу в метании получает только сам диск. И, что самое странное, не для упражнений, а как запас железа на пять лет для производства земледельческих орудий, чтобы ни пастухам, ни пахарям метателя не приходилось ходить за железом в город. В этом рассказе не только сильное преувеличение возможной величины диска, но и явное пренебрежение к данному виду спорта. Метание диска — единственное упражнение, в котором измученный Одиссей мог еще рассчитывать на победу на острове феаков. Несмотря на усталость, он бросает диск значительно дальше, чем противники.

Действительно ли в гомеровское время к метанию диска относились с таким презрением? Или нам все-таки следует с большей осторожностью подойти к свидетельству поэта? Что побуждает его несправедливо считать метание диска и верховую езду наиболее низменными видами спорта и, мало того, делать их смешными?

Рассказы о метании диска и о луке Одиссея входят в сокровищницу древних мифов. Аполлон случайно убивает Гиацинта, неточно метнув диск. Предмет, который Сизиф, дед Одиссея, вкатывает на гору в подземном царстве, тоже не обломок скалы, а диск. Круглые диски и маленькие круглые пластины в огромных количествах всегда применяли при отправлении догреческих культов. Может быть, Гомер знал об этом и именно поэтому не хотел упоминать о них. То, что метание диска существовало издревле, выдает миф о Гиацинте. Это догреческое имя, несомненно, принадлежало какому-нибудь богу. Возможно, с метанием диска был связан какой-

либо оракул, как это нередко бывает с умирающим и воскресающим богом растительности. Обычно Гомер не отличается узостью взглядов, но в некоторых вопросах его вполне можно назвать своенравным упрямым.

Если бы мы могли всегда и во всем доверять поэту, то по описаниям состязаний на погребальных играх Патрокла получили бы некоторые сведения о гомеровском времени, учитывая последовательность видов спорта и сравнительную ценность выставленных Ахиллом наград.

Самой почетной считалась победа в соревнованиях колесниц: это доказывают изобилие призов и их цена. Первым призом была объявлена пригодная к любой работе, умелая рабыня, причем это не просто обыкновенная пленница, которая, как в дальнейшем мы узнаем у Гомера, оценивалась всего в четыре быка. (Если исходить из этого сообщения, то какая-нибудь плененная, непривычная к работе царица — а такие упоминаются совсем нередко — ценилась ниже, чем ее служанки.) Кроме умелой рабыни победитель получал еще большой котел.

Второй наградой была кобыла, жеребая мулом. Это тоже большая ценность. Остальные призы — таз для умывания, золотые таланты и новый кубок — были, судя по месту, которое они занимали, просто поощрительными наградами меньшей стоимости.

Второй вид спорта — кулачный бой — дает победителю ценного мула, а побежденному — поощрительный приз в виде кубка. Этими двумя видами соревнований — бегом колесниц и кулачным боем (не входившими в пятиборье, как борьба и бег, названные Гомером) — в более поздние времена тоже начинались игры.

Победитель в борьбе получает большой сосуд, оцененный в двенадцать быков, а побежденный — рабыню, стоимость которой равняется четырем быкам. В состязаниях по бегу награждается только победитель — серебряной финикийской чашей, причем подробно сообщается, как она переходила из рук в руки, что, по-видимому, должно подчеркнуть и повысить ее ценность. Можно сказать, что эти два вида спорта пользовались, во всяком случае у Гомера, определенным почетом. Бой с оружием мы едва ли можем назвать спортивным соревнованием, ибо он несколько не отличался от обычной

битвы. Наградой служило оружие павшего в битве царя ликийцев Сарпедона. Описание боя с оружием у Гомера — это лирическое отступление, наводящее слушателя на воспоминание об известном споре Аякса и Одиссея из-за оружия Ахилла. После этого следуют три последних состязания, явно неравноценных первым четырем. Это — уже упомянутое метание диска, стрельба из лука, наградой за которую были только топоры и секиры, и, наконец, метание копья. За победу в последнем состязании назначены копье и чаша, оцененная только в одного быка, то есть в четыре раза меньше, чем награда проигравшему соревнование в беге. Остальные соревнования, входящие в пятиборье у Гомера, вообще не упоминаются.

Почему же все-таки Гомер считал метание диска, стрельбу из лука и метание копья второстепенными видами спорта? Первые два соревнования — мы не будем решать, насколько это справедливо, — Гомер мог отнести к негреческим, но не метание копья. Старейший поэт просто считал его несовременным. Дело в том, что он знал уже элегии Тиртея. А у него спартанские гоплиты пользуются в бою пиками, а не метательными копьями, так как только такой прием имел тактический смысл в плотном строю фаланги. В «Илиаде» Гомер отказался от описаний метания копья и вместо этого ввел картины схватки в сомкнутом строю. Остается нерешенным вопрос, прав ли Гомер, распространяя свои взгляды на военное дело также и на спортивные соревнования.

Во всяком случае, его описания могут служить свидетельством спортивных интересов греков и являются хорошей иллюстрацией Олимпийских игр, даже если поэт, как это с ним нередко случается, дает волю фантазии. Нельзя также забывать, что он не рассматривал свои поэмы как исторический источник для последующих поколений. Гомер не стеснялся повсюду выражать свои симпатии и антипатии и, вероятно, делал это чаще всего в тех случаях, когда они расходились с господствующей точкой зрения.

Ванны и косметика. Герои Гомера не только охотно купаются в море, но и принимают теплые ванны, вода для которых нагревается в котлах на очаге. В странах умеренного климата это понятно, но и на юге

едва ли можно встретить дворец, в котором не было бы ванной рядом со спальней. После ванны тело умащивали оливковым маслом.

Термин «ванна» догреческого происхождения. Мы знаем, что ванны встречались еще на юге Месопотамии в Уре, в хеттском Самале и на южном берегу озера Урмия. Все они были одинаковой формы. С одной стороны — закругленные, чтобы удобно облакачиваться, а с противоположной — плоские для упора ног. Во II тысячелетии до н. э. их делали из глины, а в гомеровское время чаще всего из бронзы. По бокам укреплялись одна или две прочные ручки, чтобы опрокинуть ванну и вылить из нее воду. Распространенный в романтическом XIX веке обычай хоронить умерших в античных ваннах существовал уже и тогда. Иногда в них зарывали клады (как, например, в Зивийе на озере Урмия).

В I тысячелетии до н. э. постепенно выходит из моды всякого рода косметика, которая некогда широко употреблялась. Причем увлечение косметикой не только было вызвано кокетством, но и имело культовое значение. Человек стремился стать подобным богу, что обещало ему защиту от подстерегающих в мире опасностей. Глаза, например, подкрашивали зеленым растертым малахитом. Отсюда возникло представление об «отвращающем беду глазе», а потом и о «злом глазе». В Греции часто орнаментировали края чаш рисунками с изображением больших глаз, ибо считали, что это предохраняет от опасностей, яда или чрезмерного опьянения. Подкрашивать губы было не принято.

Амброзией называли, по-видимому, не только пищу богов, но и благовония. Конечно, ими пользуются только боги. Но даже боги в уходе за телом не склонны к изнеженности; их любовь к украшениям лишена утонченности. Гера, например, хочет быть красивой, чтобы понравиться Зевсу и соблазнить его, но при этом не особенно злоупотребляет косметикой.

С тела, будящего страсть, сначала амбросией смыла
Всю приставшую грязь и потом амбросическим кожу
Маслом блестящим натерла, приятного запаха полным;
Стоило хоть немного встряхнуть его в зевсовом доме,
И аромат от него достигал до земли и до неба.
Кожу прекрасную им умастивши, себе расчесала
Волосы и запледала их руками в блестящие косы,

И с головы их бессмертной своей красиво спустила.
Платьем оделась нетленным, какое Паллада-Афина
Выткала ей, изукрасила множеством дивных узоров.
Ризу златыми застежками выше груди застегнула,
Поясом с сотней висящих кистей опоясала стан свой.
Серьги трехглазые, с тутовой ягодой сходные, вдела
В мочки ушей. И великою прелестью вся засветилась.

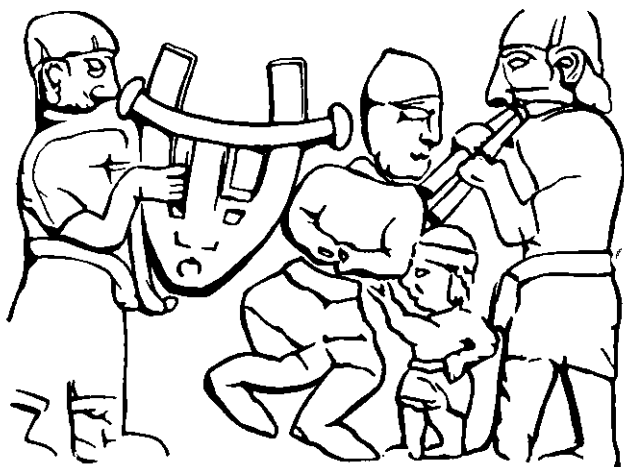
(Илиада, XIV, 171 сл.)

Богиня, не стыдясь, смывает грязь с кожи. Она не постеснялась бы, если бы хотела, усилить румянец, оттенить белизну кожи, подчеркнуть блеск глаз, но, по-видимому, это просто не было принято. Рассказ Гомера был в духе того времени, грубого и не склонного к украшательству.

МУЗЫКА

Подчеркивая некоторое однообразие в описании занятий феаков — они были либо мореходами, либо пиратами, — мы уже задавали себе вопрос, не приписал ли Гомер потустороннему миру формы современной ему жизни. Деление жителей на корабельщиков и кузнецов, проживающих на берегу в городах, очень хорошо подходило к условиям жизни в Тарсе. Кроме своего опыта в мореплавании феаки похваляются еще и умением петь и танцевать, в котором, как им кажется, превосходят другие народы. Чтобы доказать свои способности, они приводят слепого певца Демодока, который обычно поет за пиршественным столом героические песни. Теперь он должен сопровождать своим пением и игрой на форминге танцы юношей. Демодок поет не о героях; скорей его песню можно назвать веселой шуткой. Это рассказ о том, как перемазанный копотью кузнец Гефест поймал невидимой сетью свою неверную супругу Афродиту вместе с ее любовником Аресом и потом созвал весь Олимп, чтобы показать их всем. Нас несколько не удивляет, что чтение героических песен не сопровождалось танцами: как можно, вообще, танцевать под чтение стихов, даже если его сопровождают аккорды форминга? Представить себе декламацию в качестве танцевальной музыки не так-то просто! Следует, однако, учесть, что ритм обеспечивался последовательным чередованием наполовину певшихся, наполовину произносившихся слов. Этот ритм отнюдь не практикуемое в школах скандирование, безусловно не украшающее литературные произведения. Если уж скандировать, то нужно по крайней мере делать это нараспев, не искажая смысл варварским разрезанием фраз на отдельные ритмические куски. Греки не отделили гекзаметр от его музыкального сопровождения. А от Гомера мы узнаем и о связи его с танцем.

Пение и танцы не входили в искусство рапсодов, ско-

Музыка и танцы

рее они относились к быту, в котором музыка занимала немало места.

В наши дни, когда непрерывно звучит, а вернее сказать, гремит радио, мы совершенно забыли о том немаловажном обстоятельстве, что музыка некогда была приурочена к определенным событиям жизни. Концерт, например, уже означает определенное отчуждение музыки от праздника. На наши концерты приходят, чтобы слушать музыку ради музыки, а на праздниках все реже и реже звучат у нас музыка и пение. В античное время музыка не только обязательно сопровождала любой праздник, но по каждому поводу исполнялся строго определенный ее вид. Семейный праздник, пир, свадьба или погребение, праздник урожая или сбора винограда различались не только содержанием самого торжества, но также мелодиями и инструментами, на которых они исполнялись:

Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасно плетеных корзинах.
В круге их отрок прекрасный на нежно звучащей форминге
Сладко бряцал, напевая красивую звучную песню
Голосом нежным; они же вокруг него пляшучи стройно,
С пеньем и с криком и с топотом ног хороводом несутся.

(Илиада, XVIII, 566 сл.)

Форминга представляла собой инструмент с выпуклым резонатором в нижней части, от которого кверху отходят как бы два плеча, стянутых поперечинами. Между резонатором и поперечинами натянуты струны. Такую формингу наряду с другими струнными инструментами мы видим на рельефе из Каратеpe с изображением пира, где под звуки форминги пляшут женщина и ребенок. Сбоку еще один музыкант играет на двойной флейте. Весьма вероятно, что греки заимствовали формингу у хеттов. Во II тысячелетии до н. э., когда хетты были одной из великих держав, мы часто встречаем самые различные музыкальные инструменты (в том числе и формингу) при изображении народных увеселений. Греки из большого набора инструментов, который представили им хетты, предпочли всем струнным именно формингу. Что побудило их к этому, сказать трудно.

Греки отнюдь не скрывали, что, подобно многому другому, они заимствовали формингу из Киликии, но, по своему обыкновению, облекли этот факт в красивую легенду. Жуликоватый маленький бог Гермес, будучи еще младенцем, увидел черепаху и придумал, как сделать из ее панциря формингу. Позднее он продал свое открытие старшему брату Аполлону, разгневавшемуся на Гермеса за то, что тот украл у него священных коров. Но ведь этот озорной мальчишка олицетворял хеттское божество, и, стало быть, Аполлон получил формингу из Киликии. О том, что греки познакомились с формингой именно в Тарсе, мы узнаем по печатям, которые встречаются там и на острове Родос чаще всего. На одной из печатей мы видим ту же сцену, что и на цокольном камне из Каратеpe, только играющий на форминге музыкант и танцующая женщина представлены здесь очень упрощенно, довольно скупыми линиями. Этот маленький рисунок повторяет содержание рельефа на ортостатах хеттского дворца в Каратеpe. Маловероятно, что рельефы скопированы с рисунков, так как по упрощенному до геометрических фигур изображению на печати нельзя было воспроизвести вполне реалистический рисунок, который мы видим на рельефе. Мы знаем, что купцы из родосского Линда основали в Киликии, к западу от Тарса, город Солю; поэтому вполне можно допустить, что существовали прямые связи между этими центрами. Прототип рисунка вряд ли про-

исходит из Каратеpe. Довольно провинциальное искусство этого центра обычно пользовалось темами, возникновение которых надо искать в крупных городах — Ада-не или Тарсе. Нет никакого сомнения, что именно там возник много раз воспроизводившийся рельеф с изображением сидящего и играющего на форминге музыканта и танцовщицы. Длинную рубаху музыканта на всех печатях неизменно окаймляет бахрома, являющаяся характерным признаком одежды, распространенной в конце VIII в. до н. э. в хеттских государствах. На одной из тарсских печатей мы видим наряду с формингой двойную флейту. Видимо, на ней и исполняли основную мелодию, а на форминге только аккомпанировали.

Гомер упоминает о флейте и свирели только в рассказе о лагере троянцев. Предубеждение против этих инструментов укоренилось у греков, что ясно проступает в рассказе о «музыкальном» соревновании Марсия и Аполлона. Третейский судья, Мидас, который по мнению греков, принял несправедливое решение, был наказан за это ослиными ушами. Мидас — это хорошо нам известный фригиец Мита из земли мусков, который воздвиг богине Кибеле (у хеттов ее называли Куапа) знаменитый храм в Пессинунте. В мифе о том, как избретательница флейты Афина отшвырнула ее от себя, содержится доля истины. Дело в том, что в культе Кибелы флейта бесспорно играет двусмысленную, возбуждающую роль. Девственная Афина, вероятно, отбросила флейту не столько потому, что та искажала черты ее лица (суетность вовсе не была свойственна архаическим богиням), сколько потому, что испытывала отвращение к оргиастическому воздействию этого инструмента.

Приам после смерти Гектора ругает бранными словами оставшихся в живых развращенных, как он полагает, сыновей:

Эти луны, плясуны, герои в делах хороводных,
Воры, расхитчики коз молодых и ягнят народных.

(Илиада, XXIV, 263 сл.)

Маловероятно, чтобы царские сыновья обманывали и воровали. При этом интересно, что речь идет не об овцах и козах, а о ягнятах и молодых козах. По-видимому,

обман царевичей связан с каким-то оргиастическим культом, подобным оргиям в честь Диониса, когда молодых животных раздирали живьем на части.

В конце VIII в. до н. э. Мита перенес свою деятельность в Киликию, где он совершал рискованные захваты городов, которые затем ассирийские полководцы отвоевывали и возвращали киликийским владельцам. Мита взял в плен, как мы уже рассказывали, послов урартского царя Русы и вмешивался в дела далеко отстоящего от его родины Кархемыша. Его сложная политика не только говорит о твердом характере Миты, но и дает нам представление о том, что он, несмотря на явные связи с ионийскими городами, рвался также к Восточному Средиземноморью в Киликию. А там в это время находился центр мировых событий. Поэтому нет ничего удивительного, что в столице Миты — Гордии были найдены такие же табальские бронзовые сосуды, как в Урарту и в этрусских гробницах Южной Италии.

К сожалению, мы до сих пор ничего не знаем о музыкальных инструментах урартов. Известно лишь, что там наряду с военным богом Халди был еще и «юноша Халди», которому — и только ему — приносили в жертву ягнят. По-видимому, это то же божество, что и хеттский юный бог. Однако происхождение оргиастического элемента в культе этого бога из Урарту и заимствование его Фригией пока еще не доказано.

РЕЛИГИЯ

Для интересующего нас времени характерно удивительное смешение как тех народов, которые почитали племенные божества, так и тех, которые чтили божества природы. Последние едины у всех народов, хотя по предпочтению, которое отдается тому или иному боже-ству, можно судить об экономических условиях древнейшей эпохи. В основном почитали три божества: астрального (семитического Эля) бога-отца, затем божество грозы (семитического Ваала), который тоже был связан с небом, но только не с созвездиями, а с облаками, и, наконец, богиню-мать с сыном (которого подчас воспринимали как бога грозы). Племенные божества иногда происходили из природных или, во всяком случае, рядились в их одежды. Например, согласно некоторым верованиям, Ягве возлежит на облаках, а Зевса называют «тучегонителем» или «метателем молний». Бывают, однако, и такие случаи, когда племенной бог не имеет никакого отношения к природным явлениям (Ашшур или урартский Халди). С течением времени племенные боги все больше теряют свои конкретные образы и начинают притязать на внеплеменное всеобщее значение. Начиная с Ашшура цари используют это в своих чисто политических целях. У ассирийцев такие претензии носят еще завуалированный, скорее «теоретический» характер, ибо свои грабительские войны они никак не могли выдавать за религиозные.

Во время военных действий участие племенного божества символизировалось тем, что впереди войска несли условное изображение бога, чаще всего в виде штандарта. Впоследствии подобный символический смысл, который придавали богу, стал распространяться повсеместно. У израильтян такой переход завершился сравнительно рано: об этом свидетельствует замена неудобного для переноса ковчега легкой повозкой для

штанدارтов. Причем израильтяне в этом отношении были не одиноки. Ассирия хотя и несколько позже, но не менее решительно перешла к почитанию штандартов и символов. Появление изображения божества, стреляющего из лука на фоне крылатого солнца, было лишь поздним компромиссом. Возможно, здесь сыграли известную роль обычаи арамеев. Бросается, например, в глаза, что Ахаз, выехавший навстречу Тиглат-Паласару в Дамаск, приказывает построить к своему возвращению алтарь по типу дамасского: «И увидел жертвенник, который в Дамаске, и послал царь Ахаз к Урии священнику изображение жертвенника и чертеж всего устройства его» (4-я Кн. царств, 16, 10). Алтари повсюду выглядели одинаково. Почему же перестройку алтаря следует считать признаком покорности Тиглат-Паласару, а не отнести ее к склонности к арамеям? Особенно тогда, когда Дамаск был завоеван, а его жители рассеяны. Ахаз в угоду Ашшуру совершает и другие радикальные перестройки, но в его деятельности нет и следов идолопоклонства. В Библии не упомянута статуя бога и говорится о перестройках, предпринимаемых жрецами храма. Может быть, они и были связаны с переходом к условному изображению бога на штандартах? В арамейском городе Самал-Яуди мы встречаем бога-покровителя государства Раккав-Эля, то есть «бога повозки штандартов», а одного из царей там зовут Баррекув, то есть «сын повозки штандартов». Получается, что это важное божество не нуждалось даже в собственном имени. Быть может, Ахаз хотел выдать алтарь за штандарт высшего безымянного бога, утотив таким образом ассирийцам, которые могли подразумевать под «вышним и безымянным» богом Ашшура, не ущемляя при этом религиозных чувств израильтян.

Куда бы ни пришли ассирийцы, всюду они воздвигали стелы с изображением царя-завоевателя, но нигде мы не встретим изображения их бога, ибо Ашшура представляет царь-победитель, а победа обеспечивается тем, что впереди войска несут штандарт с изображением крылатого солнца.

Еще дальше по пути символики пошли урарты. Они сохраняют у себя богов солнца и грозы, а также множество второстепенных, но на первом месте всегда ос-

тавляют государственного бога Халди, символом которого служит просто копьё. Первоначально впереди войска у них ехала повозка со штандартами.

В Ардини культ государственного божества был вообще лишен конкретного образа. Когда Саргон занял этот город — ассирийцы называли его Муссасир, — он перечислил все до одной статуи царей, указав точно их вес и материал, из которого они были сделаны, но не статуи богов. В надписи сказано, что Саргон выставил за дверь бога Халди и богиню Багбарту. Нетрудно заметить, что писец (с присущей ассирийцам педантичностью) избежал упоминания их статуй. Вероятно, статуй Халди и Багбарту не существовало, а урарты поклонялись лишь символам этих богов. Багбарту — иранское имя, а иранским культам вообще не свойственны изображения богов; форма поклонения Халди, по-видимому, того же происхождения. Скорее всего штандарт, как символ бога, на Переднем Востоке имеет индоевропейское происхождение. Первыми заменили широко распространенные статуи богов на символические изображения их на штандартах индоевропейские касситы. Четырехсотлетнее господство касситов не могло не оставить следа в культуре покоренных народов.

Неприятие натуралистического изображения богов вообще свойственно индоевропейцам. Ведь и хетты перешли некогда в Анатолию через Кавказские горы, имея вместо изображений богов только штандарты. Гораздо трудней решить вопрос, где именно они отказались от них. Скорее всего в Северной Сирии, где хетты, несомненно, побывали, судя хотя бы по появлению у них иероглифического письма. Причины отказа хеттов от штандартов весьма любопытны, так как следовавшие за ними касситы устояли от этого подражания культуре местного населения. Ассирийцы хотя и поддались влиянию вавилонян, заимствовав у них культ бога письменности Набу, обучавшего людей наукам и искусствам, но своего племенного Ашшура почитали в виде штандарта, следуя примеру также не признававших изображений богов бедуинов. Символы родовых и племенных богов таили в себе опасность отдаления государственного культа от народных верований. Чем более чуждым и недоступным был бог-покровитель государства, чем более сложный ритуал отдалял его от всех непосвященных и непричаст-

ных к культу, тем охотнее обращались верующие к старым божествам природы, воплощенным в идолах и амулетах. Святилища богов у источника или в роще побуждали к тому, чтобы сделать бога зримым, воплотив свое представление о нем в деревянных или каменных статуях, пусть даже весьма примитивно сделанных. К божеству государства или племени не обратишься со своими личными нуждами, которые для отдельного человека важнее государственных. Ведь его не потрогаешь, не потрясешь и не заставишь выполнить свою просьбу.

Отпадение Израиля от культа Ягве и его часто порицаемое идолопоклонство объяснялись не угодлицизмом перед чужими богами, а естественной потребностью людей помочь самим себе. Конечно, запрашивая оракула и прибегая к амулетам, верующие стремились одновременно при помощи магии повлиять на божество. Государственный культ обычно шел вперед и служил примером, но всякого рода гадания были широко распространены в народе. Так как обращались к оракулам чаще всего в связи с печальными и горестными событиями (ибо только беды и страсти побуждают человека прибегать к потусторонним силам), то и случилось так, что божества государства представляли светлые «горные выси», а народные божества — подземное царство. Причем появлялись они обычно ночью на перекрестках дорог или близ глубоких расщелин. Характерный пример таких верований мы снова находим в Урарту. Официальный государственный культ сопровождался там (конечно, втайне) поклонением рыбообразным фигуркам, очевидно изображавшим бога. Восходят они к натуралистическим изображениям богов, характерным для Передней Азии. В Урарту их использовали, очевидно, в колдовских целях.

Так же обстояло дело и у греков. Древних божеств природы, олимпийцев (в богов государства последние превратились только в Риме), они считали выдумкой Гомера и Гесиода. На самом деле это было, конечно, не так, хотя поэты сыграли свою роль в отдалении от народных верований древних божеств природы, культ которых скрывался в образах олимпийцев. Характерно, что, когда Гомер забывает упомянуть или нарочно замалчивает какой-нибудь миф, он всегда оказывается связанным с народными верованиями, с культом Де-

метры или Диониса. И не потому, что Дионис был иноземным, фракийским богом, а скорее вследствие того, что поэты, во всяком случае Гомер, не сумели сделать его, подобно другим богам природы, чуждым народу, лишив черт таинственности и необъяснимости и сделав подчеркнуто натуралистичным. Народ в религии выше всего ставит непознаваемое и всегда предпочитает тайну тому, что может быть объяснено просто. Трудно сказать, когда возникла эта враждебная народным верованиям тенденция, но у Гомера она, во всяком случае, совершенно очевидна. Поэт испытывает отвращение ко всему сверхъестественному. Гомера можно было бы назвать материалистом, если бы не его глубокий пессимизм. Он не способствовал развитию религии и, постоянно оставляя открытыми возникающие вопросы, не мог удовлетворить религиозные потребности греков. Стремление выделить племенного бога Зевса у Гомера намечается, но он быстро сводит его на нет комическим описанием всего семейства богов.

Гесиод в этом смысле гораздо ближе к народу. Его «Труды и дни», при всей их чрезмерной назидательности, образец книги, переполненной суевериями. Вместе с тем книге присуще религиозное чувство близости к богам и к природе. Гомеровские же поэмы, автор которых все время движется по узкой тропке отточенной иронии, никогда не могли стать народной книгой для простых людей, а предназначались скорее для просвещенных афинян — образованных скептиков. Набожные современники и позднейшие обыватели считали Гомера клеветником и богохульником, и нельзя сказать, что они были не правы.

Хотя Гомер и не был философом, он все же проложил дорогу греческой мысли. Ведь именно Гомер исключил воспетую им олимпийскую семью богов из числа тех сил, которые могут помочь человеку в нужде. Хотя впоследствии греческие представления о достоинстве человека пошли совсем не по тому пути, который наметил Гомер, он все-таки толкал греков на размышления о взаимоотношениях человека с природой, а не с божеством. Правда, эта мысль вызвала и ответную реакцию. Лишь очень немногие из людей могли отвечать сами за себя и не признавать потусторонних сил. Они искали совета и помощи у высших сил, а так как государствен-

ная религия не обеспечивала им ее, то охотно обращались к неистовству оргий, думая таким образом приблизиться к божеству.

Оргиастические культы¹ были необходимым дополнением к той удобной и спокойной религии, которая считает истинным и важным только то, что человек может понять и осмыслить без особого напряжения. Во II тысячелетии до н. э. оргий не было. Они появились во Фригии, в Малой Азии, и начали оттуда свое победное шествие. В Греции культ Диониса был облагорожен трагедией, а культ Деметры углублен мистериями. В этом проявился далеко не всегда склонный к уравнищенности греческий дух, создав то, на что другие народы оказались не способны. Адонис, Аттис, Кибела вошли в моду и в Греции, но отношение к ним сложилось ироническое. Значение этих культов на Переднем Востоке было несравненно большим; служение им становилось содержанием жизни. В них люди находили спасение от множества каменных и бронзовых изваяний, которые противники натуралистических изображений богов называли «творением рук человеческих».

Синаххериб спрашивает жителей Иерусалима: «Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя ассирийского?» (Кн. пророка Исайи, 36, 18). Езекия отвечает уклончиво: «Правда, о Господи! Цари ассирийские опустошили все страны и земли их и побросали богов их в огонь; но это были не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень, потому и истребили их» (Кн. пророка Исайи, 37, 18 сл.). Наивно было, конечно, думать, что народы отождествляли идолов с самими богами, а не воспринимали их как символы божественного присутствия; но именно в силу своей доступности и простоты аргумент Езекии мог понравиться. Он был выгоден жрецам, и ему отдали предпочтение. Это аргумент самой эпохи с ее сознательным сведением всего многообразия вещей в круг понятий, легко воспринимаемых

¹ Оргиастические культы — тайные религиозные обряды, справлявшиеся в честь некоторых богов — Диониса-Вакха, Деметры, фригийской (маллоазийской) Кибелы — Великой богини-матери богов и людей. Кроме мистерий, где изображались отдельные моменты религиозных сказаний, в оргиастические культы входили ночные шествия с факелами, священными плясками, доводившими участников до иступления. — *Прим. ред.*

человеческим разумом. Неизбежно возникающая при этом пустота заполняется суевериями, которые коренятся в стремлении человека иметь обо всем какие-то конкретные, доступные его пониманию представления. Лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе. Удобная и разумная поверхностность, делающая окружающий нас мир легко познаваемым, стала гибельной для попыток религиозного самоуглубления. Именно в таких условиях могли возникнуть произведения, подобные «Трудам и дням» Гесиода или «Повести об Ахикаре». Высокоразвитому уму Гомера не оставалось ничего другого, кроме изысканной иронии. Но ни здравый смысл, ни остроумие не могут служить питательной средой для развития религии.

ЛИТЕРАТУРА

Сборники изречений. Рассматриваемый нами период был малоблагоприятен не только для создания новой религии, но и для возникновения литературы нравственного и духовного содержания. Конечно, мы располагаем эпическими поэмами Гомера и Гесиода и произведениями лириков: мужественными и воинственными — Тиртея, горькими и ироничными — Архилоха, включающими в себя все оттенки: от бурного жизнеутверждения до мрачного неприятия жизни. Однако все эти произведения остаются в плену земных представлений. Абстрактные, умозрительные взгляды, свойственные VI в. до н. э., казались очень далекими человеку VII столетия. Из письменных памятников этого периода до нас не дошло от других (кроме греческого) народов ни одного целиком сохранившегося литературного произведения, но было бы удивительно, если бы охватившее весь мир стремление к широкому освещению проблем и неукротимая любознательность, интерес к свойствам вещей и человеческим поступкам — если бы все это не привело к появлению в Передней Азии богатой литературы. И действительно, кое-что мы о ней знаем.

Со времени Ашшурбанипала ассирийцы начали старательно собирать и переписывать вавилонские литературные памятники предшествующих тысячелетий, но, несмотря на эту библиографическую деятельность, от них не осталось никакого собственного литературного наследства. Для раннеассирийского эпоса характерны скорее индоевропейские касситские черты, нежели местные ассирийские, которые нам хорошо известны по анналам того времени. Единственное, что мы можем в известной степени назвать «литературой», — это летопись Саргона с описанием его похода в Урарту — образец напыщенной патетики, совершенно оторванный от действительности именно потому, что претендовал на литературные красоты. В летописи не встретишь ни сколько-нибудь стоящих описаний природы (хотя о ней говорится немало), ни живых эпизодов войны. Эта удиви-

тельно небрежно сделанная работа человека, гордящегося своей образованностью и вкусом, ясно показывает, что ассирийцы не были способны к поэзии. Все, что так поражает в изобразительном искусстве ассирийцев (точность и наблюдательность в изображении повседневности; умение показать радости и горести будничной жизни), полностью отсутствует в их литературе. Но разве можно ожидать от автора морально приемлемой концепции, если вспомнить о той алчности и насилиях, которые творили ассирийцы?

Ашшурбанипал учредил библиотеку и приказал собирать памятники древней и новой литературы, но он не был ни первым, ни единственным на этом пути. Можно предположить, что на целое поколение раньше нечто подобное совершил Езекия. Этот царь, по-видимому, не только был одним из самых выдающихся правителей Иудеи, но и во многом превосходил всех своих современников. Он решился выступить против Ассирии и возглавил коалицию, созданную, однако, не без применения насильственных мер. Кроме того, Езекия заключил соглашения с Египтом и Вавилонией. Именно ему выдали упрямившегося правителя Экрона Пади, который не хотел помогать образовавшемуся против ассирийцев союзу. И он оказался единственным, кому удалось выйти из этой авантюры невредимым. Поистине вызывает удивление, что Синаххериб в последнюю минуту отказался от захвата и разрушения Иерусалима, удовлетворившись тем, что взял в качестве выкупа храмовые сокровища, которые и так бесспорно достались бы ему. Ловкий трюк, который сумел осуществить Езекия, вызвал удивление современников событий. Об этом рассказывается в любопытной повести «Осада Иерусалима», на которой нам еще придется впоследствии остановиться. Хотя может показаться, что территория государства Езекии была жестоко урезана в пользу верных ассирийских вассалов, но через некоторое время эти земли снова попали под его власть.

Именно Езекия приказал собрать «4-ю книгу притчей Соломоновых». Это, однако, совсем не значит, что помещенные в ней рассказы тогда действительно считались принадлежащими Соломону. Нам известен царский писец, арамеец Себна, несомненно игравший важную роль в государстве и принимавший участие в пере-

говорах во время осады Иерусалима. Вероятно, ему-то и принадлежат арамейские выражения в «Притчах», а также удивительный, совсем не свойственный израильтянам юмор. Вероятно, много возникших в канцелярии Езекии (или, во всяком случае, переписанных там) светских произведений пропало исключительно потому, что их невозможно было включить в канонические тексты. Немногое уцелевшее из этих рассказов настолько отрывочно и подвергалось столь многочисленным исправлениям, что лишь, с помощью сохранившихся у других народов откликов можно восстановить их общие контуры.

В это время была составлена не только 4-я книга «Притчей». Значительная часть третьей относится к тому же периоду, ибо мы встречаем в этих двух произведениях дословные совпадения. Такие же совпадения есть и с «Повестью об Ахикаре», которая в арамейской версии имела хождение у элефантинских иудеев еще в V в. до н. э. и дошла в отрывках на папирусе до нашего времени. Вполне возможно, что часть «Книги притчей Соломоновых» была еврейским переводом с арамейской версии «Повести об Ахикаре».

В «Книге притчей Соломоновых» (23, 13—14) мы читаем: «Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгой, он не умрет; ты накажешь его розгой и спасешь душу его от преисподней». В арамейской версии «Повести об Ахикаре» это изречение дано в следующей редакции: «Не оставляй сына твоего без розги, если ты не можешь его уберечь ото зла. Если я тебя бью, мой сын, ты от этого не умрешь, а если я предоставляю тебя твоему собственному разуму, ты не останешься жив».

«Повесть об Ахикаре» можно отнести только к VII в. до н. э., так как в ней упоминаются Синаххериб и Асархаддон, и в то же время ее использует Гесиод. Оттуда он брал не только отдельные изречения. В «Трудах и днях» все обрамление рассказа заимствовано из «Повести об Ахикаре». Так как арамейский папирус сохранился с большими пробелами, мы вынуждены обратиться к арабской версии, к сказке «О мудром Хаикаре», значительно превосходящей по объему первоначальную редакцию. По этой версии, Хаикар был везирем Синаххериба, царя Ассирии и Ниневии, превосходящим всех современников умом и богатством. Хотя Хаикар

имел шестьдесят жен, он оставался бездетным и усыновил своего племянника, обучив его всем наукам. Поучения Хаикара и стали ядром рассказа, который составляет как бы обрамление всей повести. Цель его (до того как он чрезмерно разросся в арабском и в других вариантах) состояла первоначально только в том, чтобы сделать для читателя интересным этот свод пресных наставлений.

Если их сравнить с более древними египетскими сборниками поучений, использованными в первой части «Книги притчей Соломоновых» и встречающимися также в других источниках, то сразу бросится в глаза отклонение от подчеркнуто гуманистических и приближение к сугубо утилитарным установкам, превращающим сборник в своего рода кодекс полезных советов. Ведь и гесиодовские «Труды и дни» наполнены нестерпимо скучными и, с нашей точки зрения, пошловатыми банальностями. В этом отношении они перекликаются со средней частью «Книги притчей Соломоновых». Правда, можно возразить, что некоторые общие места, как, например, предостережения против шикарно одетой и беспутной женщины, призывы к прилежанию и умеренности в разговорах могут встретиться совершенно независимо друг от друга в любое время и в любом месте. Очень поучительно, например, такое житейское правило: «Не радуйся многочисленности детей твоих и не огорчайся, если у тебя их нет». Само по себе малопонятное, оно находит неожиданное объяснение у Гесиода:

Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством¹.

Пренебрежительное отношение к числу детей настолько чуждо всему Востоку, что невольно возникает вопрос, как попало это изречение в сборник. Показательно, что в «Книге притчей Соломоновых» его нет. Ибо нет большего горя для израильтянина, чем малочисленность потомства.

Вдумчивый наблюдатель обнаружил бы в этих сборниках поучений и другие особенности, которые были бы более уместны при дворе хеттских царей, чем в Сирии.

¹ Эллинские поэты, с. 141 сл.

Но решающее значение имеют здесь черты эпохи, и именно они нас прежде всего интересуют.

Сколь обывательски добродетельны и вместе с тем меркантильны советы Ахикара, встречающиеся также в «Книге притчей Соломоновых» и у Гесиода! И там и тут порицаются леность, ведущая к бедности, неумеренность в еде и в питье и восхваляется сдержанность, которая продиктована врожденным чувством такта и сердечной добротой. Здесь все насыщено прозаическим утилитаризмом, целью которого является не воспитание чувств, а укрепление благосостояния.

А х и к а р:

Приобрати лучше могучего быка и сильного осла, а не раба, который помышляет о бегстве, и не вороватую рабыню.

Г е с и о д:

Быков же

Девятилетних себе покупай ты вполне возмужалых:
Сила таких не мала, и всего они лучше в работе...
Сорокалетний за ними да следует крепкий работник,
Съевший к обеду четыре куска восьмидольного хлеба...
Мой бы совет,— батраком раздобудься бездомным, да бабой,
Но чтоб была без ребят! С сосунком неудобна прислуга.

С о л о м о н:

Соверши дела твои вне дома, окончи их на поле твоём,
а потом устрояй и дом твой.

Г е с и о д:

В первую очередь — дом и вол работающий для пашни,
Женщина, чтобы волов подгонять: не жена — покупная!²

Всем этим поучениям недостает глубины. Но она возмещается наглядностью и жизненной правдивостью; особенно подкупает психологизм, который так поражает у Гомера, но, к сожалению, его не часто замечают.

С о л о м о н:

Проходил мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного: и вот все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивой, и каменная ограда его обрушилась. И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел и получил урок: «немного поспишь, немного подремлешь, немного сложив руки полежишь,— и придет как проходной бедность твоя, и нужда твоя — как человек вооруженный»³.

² Там же.

³ Там же.

Это не просто совет. Это потребность понять душу человека слабого и безвольного. Не все в нем изображено только в черных или только в белых тонах. Много из того, что мы считаем злодеянием, здесь представлено как слабость или безумие.

Вернемся снова к рассказу об Хаикаре. Племянник Надан ведет себя плохо, и Хаикар делает своим наследником его младшего брата, Набу Задана. Желая отомстить, Надан от имени Хаикара пишет два письма: одно — персидскому царю, а другое — фараону с приглашением прийти в указанный день в долину Орлов, обещая передать им там без боя власть над Ассирией. Затем от имени Синаххериба он пишет поддельное письмо Хаикару, в котором царь приказывает везирию прийти в долину Орлов и совершить там ложную атаку на царские войска. Ничего не подозревающий Хаикар выполняет приказ, что вместе с письмами, написанными от его имени враждующим с Ассирией царем, делает его измену очевидной. Маловероятным кажется, что премудрый Хаикар не предусматривал возможности такого обмана, но случись это, не было бы и никакой повести. Хаикара бросают в темницу, но палач, который был ему многим обязан, спасает героя от смерти. Он прячется, пока поразившие государство беды не доказывают, что осуждение Хаикара было ошибкой. Только тогда герой объявляется: царь радуется, видя его живым, и Хаикар разрешает все вставшие перед Ассирией трудности. Эта часть повести оформлена по типу рассказа «Об умной крестьянской дочери» или «Загадок Турандот» и не связана с первоначальным сюжетом. Фараон требует от Хаикара, чтобы он построил дворец в воздухе, между небом и землей. Хаикар довольно своеобразно «справился» с этой задачей. В рассказе ощущаются отголоски легенды о «висячих садах Семирамиды».

Имена действующих лиц, хорошо сохранившиеся в арамейском папирусе, — чисто ассирийские. Порядок правления Синаххериба и Асархаддона перепутан, так что невозможно решить, какой, собственно, царь имеется в виду. Однако несомненно, что «Повесть об Ахикаре» относится к литературному жанру, возникшему еще в древнехеттскую эпоху, и восходит непосредственно к «Завещанию Хаттусиля». Там также злого племянника заменяют другим наследником и ему преподают уроки

мудрости. Последнее произведение в литературном отношении стоит выше «Повести об Ахикаре», но мудрые поучения ограничены в нем одной целью — воспитанием царевича. «Завещание Хаттусиля» — не единственный пример в хеттской литературе, когда сборник поучений облекается в форму рассказа, чтобы сделать его более интересным для читателя. Возможно, у нас отсутствует ряд промежуточных звеньев. «Завещание Хаттусиля» примыкало, вероятно, непосредственно к «Повести об Ахикаре» и могло бы объяснить чуждые востоку мотивы, встречающиеся в этом произведении.

Но одно представляется несомненным: если говорить об источниках Гесиода, речь должна идти в первую очередь о «Повести об Ахикаре», расширенной и использованной также в «Книге Товита». Дурной племянник превратился в злого брата Перса, который должен выслушивать не только правила поведения в жизни, но и подробный календарь сельскохозяйственных работ. Этот календарь не столько служит моральному усовершенствованию Перса, сколько нужен для того, чтобы подчеркнуть приписанную ему поэтом небывалую лень, которая и привела Перса к полному незнанию сельского хозяйства. Гесиод только потому и мог изобразить своего брата так расплывчато, что предполагал знание читателем «Повести об Ахикаре»: образ брата обрисован лишь настолько, чтобы читатель представлял себе всю глупость и злобу слушателя Гесиода.

Благодаря Гесиоду «Повесть об Ахикаре» может быть датирована первой половиной VII в. до н. э., то есть примерно тем временем, к которому относятся описываемые события. Синаххериб — как это ни странно — всюду выведен как достойный и справедливый царь. Своей резиденцией он выбрал Ниневию, впервые сделанную им столицей государства.

Как же обстоит дело с «Осадой Иерусалима», рассказом о событии, которое действительно произошло в 701 г., когда в Ассирии правил Синаххериб, а в Иудее — Езекия? Этот рассказ любили не менее, чем собрание притч, объединенное рамкой повести о царском писце и хранителе печати Ахикаре, сделавшемся в «Книге Товита» двоюродным братом главного героя. Входил ли этот рассказ в сборник, созданный по повелению Езекии? Вероятно, входил, потому что упомянутая «Книга Тови-

та» цитирует «Осаду Иерусалима» и сообщает факты, не связанные с историей Товита, но взятые из рассказа об осаде. Можно сделать вывод, что рассказ об осаде имел самое широкое распространение и, возможно, имелся в библиотеке Езекии: составитель «Книги Товита» брал материал из него так же, как и из «Повести об Ахикаре».

Чума во время осады. В Ветхом завете мы встречаем этот рассказ в трех местах с большими словными совпадениями: подробнее всего в «4-й Книге царств» (18, 9—20; 19), потом краткий пересказ во 2-ой книге Паралипоменон» (32-я глава) и, наконец, в «Книге пророка Исаяи», где этот деятельный, всегда предостерегающий от опрометчивых поступков пророк оказался не совсем удачно введенным в рассказ об осаде. Если бы последний был просто записью имевших место событий, вопрос решался бы проще; но то, чем мы располагаем, никак нельзя назвать историческим произведением, несмотря на многочисленные упоминания исторических лиц.

Когда Синаххериб в 701 г. подошел к Иерусалиму, Езекия выплатил ему большую дань, ибо был напуган появлением командовавшего войсками Туртана и его военачальников Рабсака и Рабсариса. Сам Синаххериб задержался из-за осады крепости Лахис и должен был появиться с главными ассирийскими силами несколько позже. Но едва начавшаяся осада Иерусалима была прекращена. Библия рассказывает об этом иначе: «И послал царь ассирийский из Лахиса в Иерусалим к царю Езекии Рабсака с большим войском, и он остановился у водопровода верхнего пруда на дороге поля белильничьего» (Кн. пророка Исаяи, 36, 2).

Бесспорно, что с такой точностью мог писать только человек, хорошо знакомый с местной топографией и ассирийскими военными порядками.

«И вышел к нему Елиаким, сын Хелкиин, начальник дворца, и Севна писец, и Иоах, сын Асафов, дееписатель. И сказал им Рабсак: „Скажите Езекии: так говорит царь великий, царь Ассирийский: что это за упование [неверное.— *Ред.*], на которое ты уповаешь? Я думаю, что это одни пустые слова, а для войны нужны совет и сила; итак на кого ты уповаешь, что отложился от меня? Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту

трость надломленную, которая, если кто обопрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее! Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него. А если скажешь мне: „на Господа, Бога нашего, мы уповаем...“ „Итак, вступи в союз с господином моим, царем Ассирийским: я дам тебе две тысячи коней; можешь ли достать себе всадников на них? (Я бьюсь об заклад, ты не сможешь этого сделать!) И как ты хочешь заставить отступить вождя, одного из малейших рабов господина моего? Надеюсь на Египет, ради колесниц и коней?..“ И сказали Елиаким и Севна и Иоах Рабсак: говори рабам твоим по-арамейски, потому что мы понимаем, а не говори с нами по-иудейски, вслух народа, который на стене. И сказал Рабсак: разве *только* к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать слова сии? Нет, *также* и к людям, которые сидят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами [от голода и жажды].

И встал Рабсак, и возгласил громким голосом по-иудейски, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского! Так говорит царь: Пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может спасти вас... примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя. Доколе я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников. *Итак* да не обольщает вас Езекия, говоря: „Господь спасет нас“. Спасли ли боги [других] народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского? Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима? Спасли ли они Самарию от руки моей? Который из всех богов земель сих спас землю свою от руки моей? Так неужели спасает Господь Иерусалим от руки моей? Но они молчали и не отвечали ему ни слова» (Кн. пророка Исайи, 36, 3—20).

Только поэт сумеет так рассказать! Пророки тоже были поэтами, но они пользуются традиционными речевыми формулами и обычно лишены юмора. Однако всякий, кто вчитается в текст, не может не заметить комизма повествования. Рассказчик и сам вряд ли верит, что жители Иерусалима сразу же после начала осады вынуждены были поедать собственные экскременты. Это

скорее традиционный оборот, широко принятый в текстах ассирийских надписей. И вообще весь ход рассуждений носит ярко выраженный ассирийский характер. Правда, поведение послов и их отеческие увещания отнюдь не соответствуют военным обычаям ассирийцев. У них бы те же аргументы звучали значительно грубее. Но эти изменения поэт сделал намеренно. Трудно себе представить более забавную картину, чем вид сидящих на стене жителей Иерусалима, которые внимают речам ассирийцев. Кстати, речи эти производят на них значительно более глубокое впечатление, чем на представителей Езекии. Рабсак, чтобы быстрее достигнуть своей цели, говорит по-еврейски, а не на принятом дипломатическом языке того времени — арамейском; он громко выкрикивает свое обращение, чтобы все его слышали. Все это не имеет никакого отношения к истории. Подобные демократические (хотя и несколько демагогические) приемы и во сне не снились ассирийцам. Да и вряд ли три высших должностных лица Ассирии лично отправились бы к стенам Иерусалима, чтобы уговорить сдать защитников незначительной крепости второстепенного государства. Это — чистый вымысел. Наивно выглядит и лишнее всякого смысла обещание оставить на некоторое время жителей Иерусалима у их колодцев и садов, а потом, если они будут хорошо себя вести, переселить в места, не уступающие их родным. Слушатели решительно не понимают смысла этих щедрых посулов. Они молчат. Кто-то позднее, видимо, внес в текст поправку: «по приказу царя». Но как мог царь предвидеть такой ход событий? Нужно иметь в виду, что при создании канонического текста всегда возможно появление таких противоречивых вставок. Так, дополнительные стихи 21—28 главы «4-й Книги царств» носят явно ассирийский характер, но из-за утраты больших кусков текста мы не можем теперь предположить, где они первоначально были помещены.

Синаххериб говорит: «Со множеством колесниц моих я взошел на высоту гор, на ребра Ливана, и срубил рослые кедры его, отличные кипарисы его, и пришел на самое крайнее пристанище его, в рощу сада его; и откапывал я и пил воду чужую, и осушу ступнями ног моих все реки Египетские» (4-я Кн. царств, 19, 23—24).

Аналогичные описания, только менее поэтические, мы

находим в ассирийских анналах. Однако ассирийскому писцу вряд ли пришло бы в голову великолепное сравнение Египта с тростью надломленной, которая не только не служит опорой, но становится опасной для держащего ее. В анналах любого из ассирийских писцов Синаххериб даже в шутку не стал бы предлагать своему противнику пари. Судя по всему, поэт прекрасно знал обстановку как в Израиле, так и в Ассирии. Он вполне мог принадлежать к писцовой школе Себны, названного здесь по имени, хотя в других случаях говорится просто об «ученых Езекии». О той роли, которую играл Себна, можно судить хотя бы по тому, что он назван в числе представителей, направленных для переговоров с тремя ассирийцами. Все, что создал поэт, носило чисто светский характер и никак не увязывалось с жизнеописанием пророка Исайи. Введение пророка в рассказ только создает путаницу. Так, например, Синаххериб пишет еще одно письмо, в котором царь несколько иными словами повторяет то, что уже было сказано. Какова цель этого последнего письма, для чего оно нужно? Да только для того, чтобы ввести в текст пророка.

Весьма загадочно окончание всей истории. Здесь, по видимому, вступают в противоречие два отрывка. Один из них гласит: «Вот, Я пошлю в него дух, и он услышит весть, и возвратится в землю свою, и Я поражу его мечом в земле его...» (4-я Кн. царств, 19, 7). И другой: «Пошел Ангел Господен, и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые. И отправился, и пошел, и возвратился Сеннахирим [Синаххериб], царь Ассирийский, и жил в Ниневии. И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую» (4-я Кн. царств, 19, 35—37).

Это выглядит противоречиво, но эти противоречия объясняются пробелами в изложении. Синаххериб стоял с войсками перед Лакесом или Ливной. В Иерусалиме разразилась чума, а затем перекинулась в лагерь ассирийцев. Узнав об этом, Синаххериб отказался от дальнейшей осады и ушел в Чиневию, где и был убит через 50 дней. На самом деле он прожил еще 20 лет, но признание этого факта нарушило бы ход повествования. Число 50 взято из «Книги Товита». Серьезная путаница

возникла из-за того, что составители заимствовали кусок текста из рассказа «Книги Товита» и механически переставили его в конец «4-й Книги царств», введя словами: «В те дни заболел Езекия смертельно» (20, 1). «Те дни» — это дни осады. Следовательно, сначала чума разразилась в Иерусалиме, и заболел сам царь. Из города она перекинулась в лагерь Туртана. Это и была та весть, которая дошла до Синаххериба, а Езекии в это время приснился сон, в котором ему возвещалось отступление врагов. Рассказ об этом сне дошел до нас, хотя его и нет в Ветхом завете: Езекия, когда был болен, поспорил с богом: «Какая мне польза от этого, если я болен; я ведь не увижу отступления врага. Откуда взять мне уверенность, что исполнится пророчество об отступлении Синаххериба?» В Ветхом завете Езекия просит у бога знамение: «какое знамение, что Господь исцелит меня...» (4-я Кн. царств, 20, 8).

Таким знамением было его быстрое выздоровление, символически представленное движением тени солнечных часов. Исайя спрашивает царя: «Вперед ли пройти тени на десять ступеней?» Езекия отвечает: «Легко тени продвинутся вперед на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней» (4-я Кн. царств, 20; 9, 10). Рассказчик, который ввел в этом месте вместо священнослужителя пророка, хотел, по-видимому, придать ему особый вес. В романе VII в. таких чудес мы не встретим. Тень любых солнечных часов сначала идет вниз, затем снова подымается, то есть по отношению к верхней линии, ограничивающей часы, идет как бы назад. Поэтому ответ Езекии можно понимать только так: «Как только тень солнечных часов вернется на десять делений назад, ты начнешь выздоравливать и через три дня встанешь». Это неожиданно быстрое исцеление и окажется знамением того, что вместе с чумой будет изгнан и Синаххериб.

То, что Езекия действительно болел чумой, подтверждается методом, с помощью которого он лечился: ему накладывали пластырь из смокв. Удивительно только, что ангел господень, который обычно орудует мечом, здесь, подобно настоящему ассирийцу, посылает, по-видимому, со стены свои стрелы во вражеское войско. По представлениям ассирийцев, меч не оружие для нападения; но ведь на это можно возразить, что и о лу-

ках не было речи. Где-то все-таки о них должна была идти речь, иначе вся история стала бы непонятной.

У Геродота мы находим лишь вторую половину этой истории, которая поможет восстановить целое:

«После Анисиса царствовал жрец Гефеста по имени Сетос. Этот царь безрассудно пренебрегал кастой египетских воинов, как будто вовсе не нуждаясь в них... После этого пошел войной на Египет с сильным войском Санахариб, царь арабов и ассирийцев. И вот египетские воины отказались выступить в поход. А царь-жрец, доведенный до отчаяния, вступил в святилище и стал с рыданиями горько жаловаться на свою тяжкую участь перед кумиром божества. Когда царь так рыдал, напал на него сон и во сне предстал ему бог и, ободряя его, сказал: „Пусть царь, ничего не боясь, идет на арабское войско; он, бог, сам пришлет ему помощь“. Ободренный этим сновиденьем, царь взял с собой египтян, готовых следовать за ним, и разбил стан в Пелусии (там ведь находятся „ворота“ Египта). Впрочем, никто из воинов не пошел с царем, но только мелкие торговцы, ремесленники и разный сброд с рынка. Когда они прибыли в Пелусий, то ночью на вражеский стан напали стаи полевых мышей и изгрызли их колчаны, луки и рукоятки щитов, так что на следующий день врагам пришлось безоружными бежать, и множество врагов пало» (Геродот, II, 141).

Это чрезвычайно запутанная история, и нужно большое терпение, чтобы в ней разобраться. Санахариб — это, конечно, Синаххериб, который не имел ничего общего с арабами. Маловероятно, чтобы он дважды за короткий промежуток времени убегал от чумы; следовательно, это та же самая изложенная нами история, ошибочно перенесенная в Египет. Египетский рассказчик не понял смысла сна о мышах и передает его содержание как действительный факт. В древности была известна связь между чумой и крысами, которые ее переносили. Когда филистимляне похитили Ковчег Завета и на них напала чума, они отослали израильтянам их святыню, приложив к ней пять золотых мышей и пять золотых чумных бубонов. Египтяне не выдумали историю с изгрызенными тетивами луков. Но только этот сон приснился не царю-жрецу, а Езекии, которому жрец (позднее Исайя) правильно истолковал сон о мышах, пожравших луки.

Жрец, молящийся в храме, наводит нас на правильный след. Среди вереницы сменяющих друг друга фараонов не было царя-жреца. За такого фараона могли посчитать только Шабаку или Тахарку, которого Ветхий завет считает современником Синаххериба. Так как египтяне не различали «л» и «р», Иерусалим легко мог превратиться в Пелусий. В этом плане особенно интересен бунт воинов. Он дает основание предполагать, что люди, сидевшие на стене и слушавшие ассирийцев, были солдатами гарнизона и что после этого разразился мятеж, во время которого лишь горожане — здесь мелкие торговцы, ремесленники и рыночный сброд — помогали царю. Ведь должна же была дать какие-нибудь результаты миссия ассирийцев!

Во всяком случае, мы можем понять, откуда появились и стреляющее из лука божество, и мыши. Никто не может лучше подтвердить рассказ о взятии Иерусалима, чем наш постоянный и авторитетный свидетель — Гомер. Он не только хорошо знал эту историю, но и широко использовал ее. Хрис и поражающий стрелами Аполлон, подобно ангелу господню, принесший (в I песне «Илиады») чуму и страшное опустошение в войска осаждающих, совершенно исчезают в ходе дальнейшего повествования. О них больше не упоминается, хотя причиненные ими бедствия изображены достаточно четко. Возможно, Ахилл и Агамемнон еще раньше поссорились при дележе захваченных девушек, и не чума была тому причиной. Ведь в «Илиаде» не говорится о ее влиянии на дальнейший ход осады Трои: последствия чумы никак не отразились на состоянии войска, хотя о жертвах ее в «Илиаде» сказано:

Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.
(Илиада, 1,52)

Такую непоследовательность не мог допустить даже в некоторых случаях довольно небрежный Гомер. Можно предположить, что стреловержца Аполлона и вызывающего о помощи жреца — больше в этой роли жрецы у него не встречаются — Гомер ввел в последний момент и тем нарушил исходное начало своей поэмы. Ведь «Илиада» композиционно распадается на отдельные части, вводимые одинаковыми стихами, что резко отличается от деления на песни, принятого в эпоху эллинизма.

А как раз в начале поэмы эти традиционные стихи отсутствуют. Так не поступает ни один поэт, во всяком случае когда он начинает поэму. Поэтому не вызывает сомнений, что бог-стреловержец и его жрец были введены позже.

Теперь нам становится также ясно, что в египетской версии против ассирийцев воюет не какой-нибудь известный египетский фараон, а загадочный жрец Сетос (имя заимствовано у египетского бога Сета). Геродот не только приписывает ему царскую власть, но говорит даже, что Сетосу была воздвигнута такая статуя: он держит в руке мышь, и надпись гласит: «Взирайте на меня и имейте страх божий». Сколь удивительные судьбы имеют литературные произведения!

Однако вернемся к Гомеру. Сказание о чуме произвело на него такое впечатление, что ради него он оскальпировал собственную поэму. Поэты часто бывают нерасчетливы, и что касается понятия художественности, то они всегда придерживаются другого мнения, чем читатели.

Наше предположение особенно хорошо подкрепляет прозвище Аполлона. Только в обращении жреца Хриса, просящего у бога напустить чуму на ахейский лагерь, Аполлон назван Сминтеем, что означает «мышинный бог». Святилища Сминтея («сминтий»), исполняющие функцию убежища для больных, мы встречаем впоследствии по всей Троаде. Бог чумы («мышинный бог») не был бы сам по себе удивителен, если бы в I песне «Илиады» его деятельность не оказалась безрезультатной. Гомер в его лице ввел, оказывается, не только бога-стреловержца, но и «мышинного», хотя в весьма завуалированной форме. Но именно этот прием и типичен для Гомера. О случайности здесь и речи быть не может. Нигде более Аполлон не назван у Гомера Сминтеем. Уж так ему понравился стреляющий из лука бог чумы, что он решил использовать этот мотив во что бы то ни стало! Но Аполлон так и не смог заставить ахейцев отступить. Гомер использовал этот мотив только для того, чтобы объяснить отсутствующую в мифе причину спора между Агамемноном и Ахиллесом. Конечно, он, пытаясь дать это объяснение (в котором дележ пленниц играл не последнюю роль) в первоначальной редакции, но о чуме тогда и не упоминал.

Синаххериб умер в 681 г. до н. э. Так как его смерть в храме Нисроха (измененное имя Нинурты), бесспорно, была историческим фактом и в «Книге Товита» мы находим дополнительные сведения об этом, хотя и с неверными подробностями, рассматриваемое нами произведение не могло возникнуть ранее 681 г. Другую возможность датировки дает нам упоминание в нем египтянина Тахарки (хотя во время осады Иерусалима — в 701 г. до н. э. — оно является анахронизмом), который упоминается только с 686 г. Гомер сразу же познакомился с рассказом «Книги Товита». Это показывает, как скоро распространялись сведения — скорее по морю, чем по суше — не только об исторических событиях, но прежде всего об их отражении в литературных памятниках.

По сравнению с «Повестью об Ахикаре», которая вдохновила Гесиода, наш рассказ, бесспорно, обладает большей прелестью. Он полон юмора и не менее правдив. Даже по тому немногому, что дошло до нас, можно судить, насколько он понравился Гомеру. В этом рассказе при изложении переговоров между представителями ассирийцев и иудеев проявлен бесспорный здравый смысл. Автор прекрасно понимает, например, сомнительность приводимых доводов. В «Повести об Ахикаре» и у Гесиода высказывания здравомыслящего обывателя совпадают с мнением автора; в нашем же произведении они предстают как предполагаемый образ мыслей жителей Иерусалима, а автор воздерживается от выражения своего мнения. Как жаль, что ничего не сохранилось от этого спора между жителями и воинами, суть которого так и осталась нам неясной!

Судьба Езекии сложилась не очень удачно. Об этом можно судить из другого отрывка, действие которого происходит после выздоровления царя, но, возможно, еще во время осады. Езекия показывает все свои сокровища — которые на самом деле он отдал Синаххерибу — посланникам вавилонского царя Меродах-Баладана, одного из самых стойких противников ассирийского владыки. Кто-то обратил внимание Езекии, что он поступает легкомысленно и может за это поплатиться: вид сокровищ разожжет алчность вавилонян, Меродах-Баладан легко превратится из союзника во врага, заберет себе не только сокровища, но и красивых мальчиков,

которых Езекия, вероятно желая похвастаться, тоже показал ему. Езекия, однако, не дал запугать себя. Может быть, так и произойдет, думает он про себя, но быстро этого не случится и он, во всяком случае, до этого не доживет. Здесь замечательно продемонстрирована позиция довольно ловкого правителя. Этот любопытный эпизод восприняли затем как осуществившееся пророчество. Не потому ли он целиком вошел в «Книгу пророка Исаии»?

Раздражительный пророк. Как же обстоит дело с рассказом об Ионе, первую часть которого мы уже рассматривали? Она чужда остальным книгам пророков, да и всему Ветхому завету, и поэтому ее относили к более позднему времени. Однако языковые особенности, да и чуждая израильтянам — во всяком случае, в VII—VI вв. до н. э. — морская тематика указывают на ее финикийское происхождение. Несмотря на приведенные соображения, считалось все же, что это маленькое произведение направлено против стремления к отделению евреев, вернувшихся из вавилонского плена, и что в нем проповедуется право бога Ягве стать единым божеством для всех народов. Но сама книга Ионы не содержит никаких проповедей. Автор не утверждает, а лишь предполагает, что верховный бог должен стать единым для всех, да и подобный вопрос вовсе не стоит в центре повествования. Более того, веротерпимость и робость команды корабля не вытекают из их представлений о едином милосердном боге, а присущи им от природы. Не мог же автор предполагать, что пестрая, случайно набранная команда в конце концов превратится в верующих приверженцев Ягве, которые при этом не станут ни лучше, ни гуманнее. Они не будут даже усерднее почитать бога, ибо в отличие от впавшего в уныние порока они были с самого начала такими, какие есть. В качестве проповеди единоначалия Ягве рассказ скорее мог свидетельствовать только о некомпетентности автора и не достиг бы цели. Но эта проповедь здесь и не имела места.

Поведение Ионы напоминает действия ленивца, так часто встречающегося в поэме Гесиода или в «Книге притчей Соломоновых»: «Еще немного поспать, еще немного подремать, еще немного поваляться в постели». Но Иона не просто ленив, он болезненно уязвим, короче

говоря, это блестяще схваченный тип психопата. Характер его был таким вялым, что Иона проспал всю бурю и лишь единожды восстал ото сна, причем, так же как в Ниневии, напрасно. Гнев его, раздражительность и, как следствие, душевная усталость также не знают границ. Его желание быть брошенным в воду возникло не от внутреннего сознания вины, а в результате душевной слабости. Пусть бросят в воду, ему все безразлично. Жизнь для него не имеет цены, и он не боится погибнуть. Ему даже в голову не приходит мысль молиться о спасении, как это делают другие. Он хочет умереть, но Ягве рассудил, согласно легенде, иначе и спас Иону, заставив кита его проглотить. Это не поучительный рассказ, даже не притча, так как подобные удивительные случаи бывают в жизни не часто, и мало кто может в них поверить. Иону проглотила рыба, извергла его живым, то есть он не утонул, как ожидал, и вновь получил приказ идти в Ниневию и угрожать ей гибелью. На этот раз он повиновался, хотя, мы смело можем добавить, вздыхая и сокрушенно покачивая головой. «А Ниневия была у Бога великим городом, на три дня пешего хода. И, проходя по городу, сколько за день можно пройти, Иона возвещал и говорил:

— Еще сорок дней — и Ниневия будет разрушена»⁴.

Указанные размеры города не следует брать под сомнение. Если учесть сады, усталость унылого путника, различные помехи, встречавшиеся на пути, то вялому, слабовольному пророку действительно мог понадобиться целый день, чтобы добраться от окраины до центра. Автор стремится ощутимо показать это неторопливое продвижение Ионы. Но тут снова происходит нечто неожиданное, подобное эпизоду с рыбой. Жители проявляют готовность к раскаянию. И не только они, но и сам царь, который «встал с престола, снял с себя свое одеяние, надел на себя рубище и сел на золу»⁵.

В действительности не было никакого раскаявшегося ассирийского царя. Этого не мог не знать автор. Но так как он не хотел, чтобы его считали склонным к фантазии, то добавил к своему повествованию еще более несуразные вещи. «Пусть ни люди, ни скот, ни крупный, ни

⁴ Поэзия и проза Древнего Востока, с. 556.

⁵ Там же.

мелкий, не принимают пищи,— восклицает раскаявшийся царь,— не ходят на пастбище и не пьют воды. И рублищем пусть будут покрыты люди и скот, и пусть из всех сил взывают к Богу, и пусть отвернется каждый от своего дурного пути и от зла, которое творит своими руками»⁶.

Мы не должны подозревать поэта, даже древнего, в том, что он вещи, которые нам представляются нелепыми и забавными, воспринимает как-то иначе. Животные в рубищах, постыющиеся и сознающие свою вину, взяты не из сказки. Это просто плод привычного настроения рассказчика. «И Бог увидел по делам их, что они отвернулись от своего злого пути, и ему стало жаль учинять им бедствие, о котором он говорил, и он не учинил им его»⁷.

Поэт знает, что раскаяние закоренелого грешника так же трудно себе представить, как животное, сидящее в рубище на золе. Но все это ему понадобилось, чтобы показать, как отнесется к происходящему человек с характером Ионы. Он сознает, что вся история в высшей степени неправдоподобна. Ну и что! Вы ведь не попадаетесь на этот крючок? А что нужно было Ягве в Ниневии? Как же так? Разве не общеизвестно, что он всездесущ, добр и милосерден ко всем народам! Иеремия, не совсем удачно сравнивая Ягве с гончаром, говорит о нем так: «Вот, что глина в руке горшечника, то вы — в моей руке, дом Израилев. Иногда я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который я это изрек, отвернется от своих злых дел, я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему».

Народ и царство! Любой народ, а не только народ Израиля. Но этот народ должен быть назван по имени и его следует поместить в дальнюю страну, чтобы читатель мог поверить в истинность происшедшего чуда.

Теперь вернемся к нашему рассказу. Иона рассердился, что расправа над Ниневией не состоялась. Правда, он говорит, что предвидел это и именно поэтому бежал в Тарс, чтобы не тратить сил попусту.

⁶ Там же, с. 556.

⁷ Там же.

Этот маленький самообман стоит в одном ряду с рассказом о раскаивающихся животных. Нам не нужно принимать его за чистую монету, так же как и всю историю с раскаянием в Ниневии. Как истинный истерик, рассерженный тем, что усилия его оказались напрасными и бог смягчился, Иона предпочитает умереть. Но господь оказался милостивым и по отношению к нему, сказав только: «Что же ты так огорчен?»

Ионе не хотелось возвращаться домой. Сразу же отправиться вторично в такое утомительное путешествие было для него слишком трудно. Он строит перед городом хижину, чтобы там в полном одиночестве предаться своему гневу. Было довольно жарко. И тут бог решил образумить Иону, дав ему хороший урок. Он устроил так, что выросла тыква, листья которой бросали тень перед хижинкой Ионы. Это Ионе понравилось, но радость его оказалась непродолжительной. Бог столь же быстро, как и произрастил, уничтожил тыкву, напустив на нее червя, а затем наслал на Иону жгучий восточный ветер. Иона так расстроился, что снова, уже в третий раз, решил умереть. Здесь разворачивается премилая небольшая дискуссия между богом и пророком о справедливом и несправедливом гневе:

Иона: «Лучше умереть мне, чем жить».

Бог: «Сильно ты огорчен из-за этой тыквы?»

Иона: «Я прямо-таки до смерти огорчен».

Бог: «Тебе жаль тыквы, над которой ты не трудился, которой ты не растил, которая за ночь родилась и за ночь погибла. Так как же мне-то не пожалеть Ниневии, такого великого города, где больше 120 тысяч жителей, которые не умеют отличить правды от кривды, и где столько скота?»⁸

Этим история заканчивается. А какова мораль? Ее, собственно, нет. Разве можно что-нибудь возражать против последних слов бога.

Этот капризный тон, подобный тому, каким Иона разговаривал с богом, нам хорошо известен. Вспомним, как Фетида у Гомера⁹, обиженная за своего сына, хочет вызвать гнев Зевса против ахейцев. Она прекрасно знает, что располагает достаточными средствами, чтобы

⁸ Там же, с. 557.

⁹ Фетида — в греческой мифологии одна из неренд (морских нимф), мать героя Ахилла. — *Прим. ред.*

воздействовать на Зевса, но предпочитает играть роль обиженной, чтобы верней добиться своей цели:

Скажи, чтобы ясно
Я увидела, как мало мне чести меж всеми богами.

Можно ли верить в ее искренность? Может быть, она действительно считает, что не пользуется никаким влиянием? Не следует, однако, думать, что любой поэт, живший ранее XIX в., обязательно примитивен или даже скудоумен. Меньше всего это можно сказать о Гомере. К сожалению, складывается впечатление, что исследователи зачастую понимают слишком буквально изысканные психологические приемы Гомера, имеющие целью отвлечь внимание читателя. Ведь и для автора рассказа об Ионе развитие действия не имеет значения. Он рисует занятный характер раздражительного человека, который безмерно преувеличивает свои страдания и теряет всякое чувство меры из-за малейшей обиды. Такая манера изображения характеров встречается и у Гомера. Как пример можно привести спор между Ахиллом и Агамемноном. У них, в сущности, не было серьезной причины для такой размолвки, однако оба доходят до несправедливости, бессмысленных преувеличений и нелепых взаимных оскорблений. Почему Гомер их изображает таким образом? Чтобы дать нам поучительный пример или чтобы вызвать у слушателя неприязнь? Но к кому?

Так же обстояло дело и в «Рассказе об Ионе». У Гомера речь идет о вспыльчивых и несдержанных воинах, а в лице Ионы автор вывел слабохарактерного обывателя, готового по всякому поводу расстаться с жизнью. Но так ли он далек от Ахилла, который, проливая слезы на морском берегу, не может дожидаться часа, чтобы излить свое горе капризного мальчишки на груди у матери?

Смешные черты недалекого обывателя у героев Гомера встречаются нередко: обычно он наделяет ими богов. Но какая эпоха проявляла интерес к мелким слабостям безобидных посредственностей? Эта проблема кажется нам основной для легенды об Ионе. Кто думал о том, что при гибели города пострадают не только жители — женщины и дети, — но также и населявшие его животные? В эпосе II тысячелетия до н. э., да и много

позже, никогда не встречалось ничего подобного. В тех случаях, когда эллинистическая литература хотела быть гуманной, она поднималась до известной одухотворенности, но истинная доброта в ней отсутствует. Мы встречаем эти качества разве что в «Трудах и днях» Гесиода с его простодушным нагромождением весьма слабо аргументированных жизненных правил.

Историю Ионы можно поставить в один ряд только с Гесиодом, «Повестью об Ахикаре» и с «Осадой Иерусалима». Распространение гуманного человеческого начала на повседневную жизнь пробудило потребность в доброте и прощении, в понимании маленьких слабостей и заблуждений. Ничто не могло лучше показать пробуждение этих новых черт, чем «Рассказ об Ионе», столь чуждый духу всего Ветхого завета. Он мог возникнуть только в то время, когда разыгрались описываемые события, то есть прежде, чем достигшая вершины своего могущества Ниневия была разрушена. После гибели города в 612 г. любой читатель с полным основанием мог, конечно, возразить: «А ведь бог города не пощадил».

Читатель не поверит рассказу, если он противоречит общеизвестным фактам. Основные события должны совпадать с действительностью. Кто стал бы в настоящее время читать, скажем, роман о мировой войне, в котором рассказывалось бы о победе Германии? В легенде об Ионе Ниневия представлена раскаивающимся городом. Это не соответствует фактам, но преувеличенные нелепости позволяют легко отличить истину от вымысла. Разве разумный человек примет всерьез лживые обещания послов Синаххериба? И мы не станем ломать себе голову, стараясь объяснить забавные бессмыслицы истории Ионы. Их нагромождение не может ввести в заблуждение даже самого легковверного читателя. И разве можно удержаться от улыбки, читая о наивной хитрости бога, посадившего и снова уничтожившего тенистое растение у хижины Ионы? Какое другое время могло бы вообще приписать Ягве подобную хитрость? В этом, по-видимому, и заключается суть вопроса. Кто мог рассказать такую бесславную историю о пророке, действительно жившем и ничем не опорооченном? Не все времена отличаются одинаковой терпимостью, и далеко не во все эпохи проявлялся интерес к таким далеко не героиче-

ческим происшествием, отнюдь не представлявшим пример образцового поведения.

Кто бы всерьез стал сердиться на такого бездеятельного и легкоранимого человека, как Иона? Можно ли сердиться на пророка, не оправдавшего своего призвания, поведение которого нельзя объяснить только скромностью или страхом перед ответственностью? История об Ионе написана не для того, чтобы показать, как бог ведет по избранному им пути самого строптивого человека. В ней не сказано, что Иона исправился, что он вообще признал свои ошибки. Это испортило бы весь рассказ. После эпизода с растением бог не ставит ему новых испытаний и не указывает новых путей.

Но, может быть, перед нами действительно полемическое произведение, как об этом все чаще и чаще пишут в нашей литературе? Может быть, это памфлет, направленный против сепаратистских устремлений евреев в эту позднюю эпоху? У того, кто мог усмотреть в «Книге Ионы» такую направленность, пожалуй, чересчур богатое воображение! Этот рассказ с таким же успехом можно назвать памфлетом, как «Илиаду» — стихотворным пособием по обучению героизму (впрочем, сам Гомер, возможно, и не отказался бы от такого определения). Почему рассказ об Ионе не мог быть просто литературным произведением, до того как его включили в канон? Для такого предположения он дает не меньше оснований, чем поэма Гомера. А ведь у нас нет никаких сомнений в ее характере. Так что же такое история об Ионе? Поэма, подобная «Одиссее»? Весьма возможно. Ведь Иона хотя и намного бездеятельней, но столь же стоек, как Одиссей, поведение которого хотя и не гуманно, но по-человечески понятно.

Гомер. Гуманизм в разные времена понимали по-разному. Греческий гуманизм включает понятие калокагатии¹⁰ в применении к человеку. Прекрасное должно быть этически совершенным. Совмещение в едином понятии красоты и этического совершенства можно было бы расценивать как шаг назад в понимании этики, но Гомер так не считал. Его не очень трогала даже красота Елены, но зато он наделил ее чувством большого чело-

¹⁰ Калокагатия — благородство, совершенство (от древнегреч. «калос кай агатос» — прекрасный и достойный).

веческого достоинства. Какой поэт отважился бы на это? Именно Елена упрекает богиню Афродиту за предосудительное поведение. Это напоминает предостережения Гесиода, автора «Повести об Ахикаре» и автора «Книги притчей Соломоновых», против распутных, разряженных женщин. Но у Гомера отсутствует брюзгливый обывательский характер, присущий этим произведениям. Отрицательно относится, например, Гомер к малоазийской оргиастической богине Кибеле, которую он не без основания называет фригийской. Он считает ее отвратительной и неестественной, так как ему органически противны всякие крайности.

Гомеру импонирует не безмерная, сама по себе даже неправдоподобная храбрость, а прежде всего достойное поведение. Вести себя достойно, быть кротким и добрым — это для него главное. «О, если б они могли понять, что дух мой не заносчив и не таит в себе вражды», — говорит Менелай. В этих словах, как и в других местах поэмы, содержится плохо скрытый упрек богам в том, что они ведут себя часто менее достойно, чем люди.

История Ионы и рассказ об осаде Иерусалима по духу ближе к Гомеру, чем «Повесть об Ахикаре». Прежде всего это относится к жизненному правдоподобию, совсем не испорченному пафосом и заранее придуманной схемой.

Для автора рассказа не так важны сами факты выпышки чумы и отступления Синаххериба, как диалог между смущенными иудейскими придворными и ассирийскими военачальниками с их снисходительной иронией. Мы видим художника, который не пишет только белой или только черной краской, но умеет показать всю сложность жизненной ситуации.

Гомер тоже не ставит своей целью прославлять сверхчеловеческий героизм:

Если бы, мой дорогой, из войны этой целыми выйдя,
Мы с тобою бессмертны навек и бесстаростны стали,
Я бы и сам не сражался в передних рядах и не стал бы
В битву тебя посылать, мужам приносящую славу.
Нынче опасности смерти стоят перед нами повсюду.
Их избежать иль от них ускользнуть никому невозможно.
Ну, так вперед! Иль мы кому славу доставим, иль нам он!

(Илиада, XII, 322 сл.)

Бывает ли ирония более горькая, чем в этой концовке: «Иль мы кому славу доставим, иль нам он!» Можно ли более явно снизить тон хвастливого героизма?

Гомер не был ни сочинителем сказок, ни даже автором приключенческого романа: его интересовало только истинное и вероятное. Если отказаться от предвзятого отношения к Гомеру, возникшего еще в детстве под влиянием пересказов приключений гомеровских героев (нет ничего более общепринятого в наше время, чем фальсификация Гомера), то, читая «Одиссею», мы должны будем признать эту книгу правдивым описанием современной поэту жизни, лишенной всякого сказочного ореола.

Гомер не совсем отказывается от сказки. Он берет из нее мифологический материал. Ведь дружески принимающий Одиссея свинопас Евмей, собственно говоря, царский сын, и если вдуматься, то видно, что он происходит из потусторонней страны, обладающей всеми возможными сказочными атрибутами. На это так же мало обращают внимания, как и на эпизод с рыбой, проглотившей Иону. Можно ли сказать, что Гомер сознательно затушевывает сказочные черты? Вероятно, да, ибо он не делает ни малейшей попытки вернуть «божественного» свинопаса в его царство, как это принято в сказках. В дальнейшем в жизни Евмея нет ничего сказочного или авантюрного.

Финикийскую рабыню купцы увозят из родного края. Они обещают взять ее с собой, если она оплатит проезд. Для этого рабыня похищает царского сына (Евмея) и несколько золотых сосудов. В пути она умирает, и мальчик лишается своей единственной защиты. Его продают, что, по-видимому, не входило в планы похитительницы. Была ли она привязана к ребенку и собиралась вырастить его, как собственного сына? Гомер излагает весь этот эпизод деловито и трезво; это позволяет не только многое узнать о жизни купцов, но и выявить социальную позицию самого поэта. Принимает ли он сторону рабыни? Вполне возможно. У него явно не вызывают симпатии богатые женщины, с удивлением рассматривавшие привезенные купцами товары и жадно ощупывавшие их. Евмей в разговоре с Одиссеем ведет себя осторожно. На замечание последнего о том, что на Итаке все идет как будто неплохо, вообще не откли-

кается. Гомер никогда не кладет краски слишком густо. Мы сплошь и рядом сталкиваемся с утверждением, что гомеровский эпос абсолютно точно отражает «микенский феодализм», как будто Гомер черпал весь материал для своих поэм из этой эпохи. Если это и так, то важно ведь не только то, откуда поэт взял материал, но и как он его использовал.

Может быть, читатель, сочтет обидным для Гомера, что его поставили в один ряд с авторами «Повести об Ахикаре» и «Книги притчей Соломоновых». Но нельзя же представить себе гомеровское время в бидермайеровском стиле¹¹. Истоки бидермайеровщины коренятся значительно глубже. Отсутствие у ассирийцев интереса к человеку, к доброте и милосердию и в то же время склонность к изучению природы, к технике, к наблюдению за животными — одним словом, к окружающему, а не внутреннему миру человека не позволяют нам считать людей того времени лучше и мягкосердечнее человека другой эпохи.

Для нас важна характеристика воззрений того времени. Но в так называемый героический век никогда не придавали особого значения жизни народа, семьи, детей и животных. Все детали исчезают в монументальном или геометрическом изображении мира. Главное для нас — показать, как мало склонен был Гомер к героизации, как плохо понимают его те, кто мужество его героев, их стойкость и слабость считает выражением отношений к ним поэта. Восхваление героизма ради героизма абсолютно чуждо Гомеру. Он хочет изображать не героев, а человека и его судьбу со всеми ее превратностями. Его мировоззрение пессимистично и смячено лишь бесконечной любовью к жизни во всех ее проявлениях.

Когда служанка при виде убитых женихов готова разразиться ликованием, Одиссей останавливает ее:

«Сдержись, не кричи от восторга!

Не подобает к убитым мужам подходить с похвалой».
(Одиссея, XXII, 412 сл.)

Даже если женихи заслужили свою участь, даже если необходимо было положить конец их безудержной

¹¹ Для бидермайеровского стиля характерна идеализация повседневной жизни «маленького человека», обывателя. — *Прим. пер.*

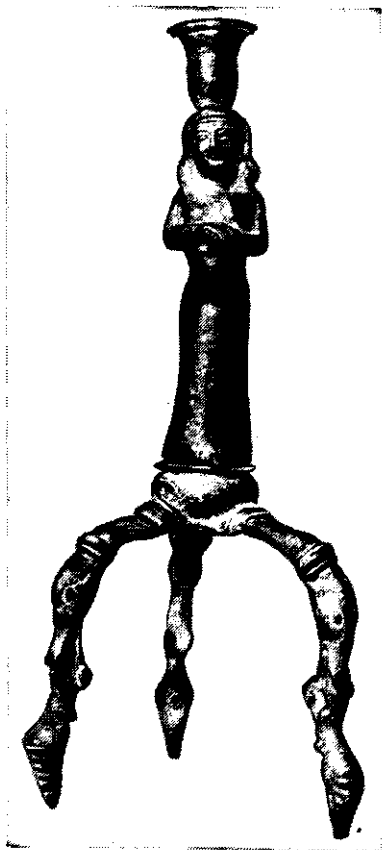
наглости, все же их поведение, их короткая жизнь и их смерть оказались результатом стечения обстоятельств. Человек не властен — так считал Гомер — над жизнью другого человека.

Легенда, которую сложили о Гомере и Гесиоде, рассказывает о состязании между поэтами, причем пальму первенства присудили певцу крестьянской жизни. Царь Панедес заявил, что победа принадлежит тому, кто призывает к мирному труду и обработке полей, а не тому, кто воспевает войны и сражения. Возможно, эта оценка исходила от читателей «Повести об Ахикаре» и «Притчей Соломоновых». Этот случай можно считать первым, когда был неверно оценен гомеровский эпос. С тех пор эта оценка многократно повторялась и до сих пор не исправлена. Те, кто считает Гомера певцом войны, опираются на чисто внешнюю сюжетную основу его поэм и не желают вникнуть в его мировоззрение. И разве что-нибудь изменилось с тех пор в оценке Гомера?

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Круглая пластика. С начала I тысячелетия до н. э. искусство приобрело ярко выраженный интернациональный характер. Стало нелегко различать стиль и манеру художественного исполнения отдельных народов. Поэтому искусства народов Переднего Востока произвольно объединяли под рубриками: финикийское, сирийско-хеттское и арамейское. Это невольно породило представление о том, что именно они создавали произведения, обладающие национальным своеобразием, или по крайней мере повлияли на их создание. Однако не национальное своеобразие привело к выделению этих групп: общие их черты следует рассматривать как элементы стиля барокко (конечно, в переносном смысле).

Ведущая тенденция этого периода — утрата интереса к телесной сущности человека. В это время не было круглой скульптуры в полном смысле этого слова. А если она и встречалась, то мы видим грубое, выполненное в общих чертах изображение, где творческая индивидуальность автора проявляется только в наружной отделке, в обилии внешних деталей. Появление этой черты совпало с распространением политического влияния арамейцев, поэтому ее и считали признаком арамейского искусства. Маловероятно, чтобы семитские бедуины, даже перешедшие к оседлому образу жизни, в состоянии были создать какое-либо особое направление в искусстве. Любой период барокко трудно связать с распространением круглой скульптуры. Стремление ввести в пластику художественные средства, характерные для живописи, неизбежно приводит к распаду скульптуры на отдельные элементы. Наблюдаемый в этот период отказ от круглой скульптуры нужно рассматривать поэтому всего лишь как элемент стиля. К сожалению, нам мало известно о живописи рассматриваемого периода. Вряд ли можно предположить, что вновь открываемые фрес-

Урартский светильник с женской фигуркой

ки — в них и раньше не было недостатка — дадут нам что-нибудь неожиданное. Живопись, выходящая за рамки простых орнаментов, отразила бы черты скульптуры, во всяком случае, ярче, чем выражающие этот стиль рельефы, о чем мы можем судить хотя бы по дошедшим до нас живописным фрагментам из крепости Саргона.

Отсутствие круглой скульптуры и интереса к ней приводит к тому, что изображение человеческой фигуры не может быть выделено из того комплекса, в котором она располагается. Изображение человека остается лишь прикладной деталью, использованной в новых, непривычно крупных масштабах. Это как бы изделие мебельной мастерской, необычайно увеличенное, но не ставшее от этого монументальным. В Тель-Халафе, например, мы находим в основании колонн вместо

львов человеческие фигуры, ничем не отличающиеся от фигурок, поддерживающих ручки кресел и светильники. Как там, так и здесь фигурки стоят на основании, напоминающем венки из листьев, и на голове у них тоже венки. Его всегда воспроизводили при реконструкции фигур Тель-Халафа, которые входили составной частью в еще более сложный комплекс, поддерживая одну из его деталей. Руки фигур расположены не свободно, а подчинены той же задаче — поддержке архитектурных

деталей. Даже самые маленькие из найденных статуэток воспринимаются как функциональная деталь целого. Этим и объясняется отсутствие свободы в положении рук.

Таким образом, неуклюжесть огромных раскопанных фигур, часть которых изваяна в натуральную величину, объясняется отнюдь не просчетом мастера: эти изображения просто не были скульптурами. Круглой скульптуры тогда вообще не существовало. Просто мелкие детали мебели увеличивали до огромных размеров. При этом — нравится нам это или нет — но к строительству здания, улицы или даже целого города подходили так, как будто бы изготавливали стол, стул или кресло. Так как повысить впечатление от отдельных украшений мастера того времени не могли, они просто увеличивали их количество. Однако это не было какой-либо характерной чертой арамейского или ассирийского искусства: обилие украшений возникло в тот период, когда господство этих народов достигло своего апогея.

Рельефы. Ассирийские цари, куда бы они ни приходили, заставляли устанавливать в завоеванных странах свои скульптурные изображения. Это всегда были стелы. К сожалению, до нас не дошли фигуры богов: сделанные из драгоценных металлов, они представляли лакомую добычу для расхитителей. Это были, по-видимому, застывшие, колоннообразные, лишённые динамики изображения. Примером может служить фигура Синахериба на огромном рельефе в Бавиане, несколько гротескно изображающем явление богов. Хотя, строго говоря, это рельеф; он представляется нам механическим соединением ряда культовых статуй. Здесь боги стоят на животных, точнее, на пластинах, установленных на опинах животных. Боги и животные композиционно не связаны. Впечатление такое, что фигуры являются проекцией на плоскость скалы бесконечной вереницы грубо выделанных хрисоэлефантинных¹ статуй богов. Но таким способом невозможно изготовить рельеф. На-

¹ Хрисоэлефантинный — сделанный из золота и слоновой кости (от древнегреч. «хрисос» — золото и «элефантион» — слоновая кость). Хрисоэлефантинная техника при изготовлении статуй богов была широко распространена в древнем мире. В этой технике были выполнены знаменитые скульптуры Фидия — Зевс Олимпийский и Афина Парфенос. — *Прим. ред.*

стоящих рельефов в эту эпоху не было, и это опять-таки связано с отсутствием круглой скульптуры. Фигуры, о которых идет речь, не имеют отношения к ортостатам дворцов Синаххериба, в которых нашел свое выражение стиль того времени.

Ортостаты ассирийцы заимствовали у хеттов, у которых они стояли на открытом воздухе, и перенесли в свои дворцы. Это все равно что взять сборник народных легенд, украсить его драгоценностями и превратить в молитвенник для личного употребления. Мы позволили себе такое сравнение, потому что для обоих случаев характерно приукрашивание.

На Переднем Востоке у привратных башен проходила вся общественная жизнь. Здесь находился рынок и отправлялось правосудие. Чтобы предохранить от разрушения нижнюю часть ворот — она больше всего страдала от скопления людей, — на глубоко загнанные в землю каменные блоки устанавливали известняковые плиты, вдавливая их в стену. Эти плиты, или ортостаты (букв. «прямостоящие»), так и просились, чтобы их использовали как украшение. Они дошли до нас в большом количестве, и изображения на них дают богатейший материал о жизни того времени. Но из-за непрочности никому и в голову не приходило украшать ортостаты выдающимися произведениями искусства. К тому же стены были настолько длинны (взять хотя бы стены ворот, имевшие форму прямоугольника), что для их украшения следовало изрядно поработать, да и сюжетов на такую плоскость не всегда хватало. Поэтому обычно каждое следующее изображение повторяло ранее сделанное, что отнюдь не способствовало совершенству рельефов. Но не художников следует винить в плохом качестве этой местами ужасающе примитивной работы. Причина здесь в скаредности «отцов города», препоручавших массовое производство украшений людям, которые не были даже хорошими каменотесами и, по всей видимости, работали в темпе, несовместимом с подлинным искусством. В Тель-Халафе можно хорошо проследить, как снижалось качество работы по всему ряду изображений, особенно в его конце. Странно только, что археологи принимали гротескные носы и развернутые ступни — результат неряшливой работы — не только за признак принадлежности памятников к сирийско-

Заяц и олень, бык и собака с ортостатов из Тель-Халафа

хеттскому искусству, но и на этом основании даже относили эти фигуры к арменоидной расе. Разве придет кому-нибудь в голову мысль по детскому рисунку устанавливать признаки расы, к которой относился мальчик, выполнивший рисунок? Для того чтобы делать такой вывод, надо выбрать изображения, качество которых позволяет правильно судить о модели. Таковы, например, прекрасные рельефы Арараса в Кархемыше. Веселые изображения, украшавшие стены дворцовых и городских ворот, с точки зрения их художественной ценности можно сравнить лишь с гравюрами средневековых иллюстрированных библий.

Сцены на ортостатах не имеют между собой никакой внутренней связи. Все, что попадало в поле зрения мастера, наносилось на стену в той же произвольной последовательности: бытовые эпизоды соседствовали с культовыми; фигуры большого размера находились рядом с мелкими, продольные — рядом с поперечными. Потомки часто разрушали эти постройки, используя их как источник строительных материалов. Но бывало и

так, что, желая изобразить себя самих или что-нибудь по своему вкусу (не часто, но и такое случалось), мастера сбивали прежние рельефы и создавали новые, не обращая внимания на то, что из-под них проглядывали иногда львиные лапы или остатки прежних фигур. Если фрагмент не успевали завершить — в период войн происходила быстрая смена династий, — то плиты, казавшиеся слишком большими, сверху срезали, дальнейшая работа прекращалась и изображаемые фигуры оставались без головы. Правда, так поступали только хетты, не заботившиеся о качестве произведений искусства.

Ассирийцы, переняв моду на ортостаты, использовали их, однако, не для увеселения рыночной публики. У них рельефы исполнялись выдающимися художниками и служили лишь одной цели — прославить деяния царя и его приближенных как в области культа, так и на полях сражений. Ассирийские рельефы шли вдоль внутренних стен дворцов, изображая события, подобно анналам, в строгой последовательности и поясняя их текстом. Мы видим здесь то же отличие, с которым столкнулись при изложении исторических событий: жизнь ассирийских царей и смысл всей их деятельности предстают как цепь грабительских походов, которые они с той же холодной объективностью описывают в текстах и изображают на рельефах.

Тем не менее и у ассирийцев все сильнее проявляется склонность к жанровым сценам. Картины сражений сменяются изображениями лагерной жизни: наряду с царями мы видим здесь и простых солдат. Парень расстилает в палатке постель офицеру, повара готовят пищу, конюхи чистят лошадей, маркитантки развлекаются с солдатами, танцуя, играя на музыкальных инструментах и устраивая маскарады. Такие изображения, однако, встречаются нечасто. Там, где ужасы войны отходят на второй план, появляется интерес к технике форсирования рек или способам добывания огромных каменных глыб из каменоломен.

Между ассирийскими дворцовыми и народными хеттскими рельефами существует заметная качественная разница. Но если не смешивать черты стиля и качество памятников, то и те и другие рельефы имеют одну общую тенденцию. Они заменяют еще не развившуюся живопись, и поэтому именно здесь проявляются черты,

свойственные барокко. В ассирийских рельефах лучше всего заметен переход от монументального, неподвижного к более свободному и живому изображению. Для изображений Ашшурнасирипала характерен еще строго симметричный, парадный связанный с культовыми представлениями стиль; даже в сценах охоты, где дарование ассирийцев проявилось наиболее ярко, сохранялось что-то застывшее. Но уже для художников Саргона характерны более мягкие и свободные черты и новые, связанные с жизнью темы. Постепенно от Синаххериба до Ашшурбанипала, временем которого заканчивается ассирийское искусство, отдельные сцены становятся все насыщеннее, а фигуры все меньше. Благодаря этому раздвигаются рамки пространства, возникает связь между отдельными сценами, и художник приобретает свойственную живописцу способность одновременного видения всех деталей оживающего изображения. Конечно, ассирийцы так и не обрели настоящего чувства пространства. В этом их намного превосходили хетты. Даже в самых примитивных рельефах из Тель-Халафа, Самала или Каратепе больше воздуха и пространства, чем в наиболее удачных сценах охоты у ассирийцев. Если у хеттов бежит собака, то она действительно бежит на фоне узкого и длинного поля. Летящая птица по-настоящему летит, так как изображена парящей над пустым пространством по верхнему краю высокой плиты. Великолепные скачущие ассирийские кони в противоположность этому кажутся застывшими в воздухе, потому что фон выбран неудачно.

Откуда у хеттов это умение? Мы можем сказать лишь одно: им ничто не мешало и они могли болтать по собственному разумению обо всем, что им нравилось. Несмотря на грубо выполненный рисунок, который никогда не позволили бы себе создать ассирийцы, их рельефы кажутся более живыми. Достаточно сравнить не очень красивых, но удивительно достоверных музыкантов и танцоров хеттов с ассирийскими. Изображение кажется более живым не потому, что оно наивнее: в этом случае мы вправе были бы ожидать нечто застывшее, как, например, грубых истуканов богов в круглой скульптуре. Оно живее вопреки своей художественной беспомощности. Конечно, мальчик Тархумпиас, стоящий на коленях матери, слишком велик по сравнению с ней;

письменный прибор и птица могли бы быть лучше композиционно связаны с его рукой. Но кто из ассирийских художников смог бы внести в семейную сцену так много жизни? Ашшурбанипал тоже хотел запечатлеть сцену из своей семейной жизни. Мы видим царя, уютно возлежащего на ложе под сенью виноградника, а рядом с ним восседающую на троне царицу. Однако картина не производит цельного впечатления, а предстает как простое перечисление отдельных деталей. Даже вид подвешенной на дереве головы царя эламитов не вызывает страха, так как обилие бытовых подробностей делает картину холодной и бездушной. Именно эта насыщенность деталями не дает ощущения пространства, лишает изображение воздуха. Небрежно и весело разбросанные буквы, составляющие имя хеттского царевича, были бы немыслимы на ассирийском рельефе, но именно они в сочетании со столь же беспорядочно разбросанными предметами вдохнули жизнь в маленькое произведение искусства. Это не случайный успех наивного резчика, а результат беспрепятственного экспериментирования в той области, в которой живопись сумела впоследствии достигнуть столь значительных успехов. Мы можем просмотреть сотни рельефов на хеттских ортостатах, но не найдем ни одного, который показался бы нам застывшим и безжизненным.

Не имеет никакого значения, были ли художники, выполнившие эти картины, чистокровными хеттами. Мы можем проследить развитие их искусства последовательно, начиная со II тысячелетия до н. э. За этот период оно не претерпело существенных изменений, если не считать, что искусство художника опустилось до работы простого каменотеса. Ассирийцы называли жителей городов Сирии «хеттами», хотя за этим названием скрывались народы довольно пестрого этнического состава. Мало что изменится, если мы назовем их как-либо иначе. Общее название группы народов, сохранившееся в течение столетий, говорит о существовании каких-то постоянных черт, их объединяющих. Что мы выиграем, если заменим общеизвестное название новым? Ведь в то время не было никаких «сирийцев», не знаем мы ничего и о художественных особенностях арамейского искусства. Финикийцев никак нельзя отождествлять с хеттами. У них были свои, только им присущие черты.

Деятельные купцы стремились, конечно, работать на любой вкус и поэтому брали отовсюду все самое лучшее. К сожалению, простое соединение многих прекрасных вещей еще не настоящее искусство. Так, например, финикийцы объединили элементы хеттской и египетской культуры, внесли в нее свои характерные черты, своего рода чувственную жизнерадостность, которой не было ни у египтян, ни у хеттов. То, что получилось в результате такого смешения, было не лишено привлекательности и обращало на себя внимание. Правда, существуют финикийские стелы, но сильная сторона финикийцев проявилась прежде всего в прикладном искусстве.

Художественные промыслы. Потребность в развитии художественных промыслов в рассматриваемое время была очень велика, тем более что настоящая круглая скульптура, как мы уже отмечали, отсутствовала. Огромных храмов не строили, а украшали парадные залы или целые здания оружием воинов-победителей или захваченными трофеями. «Перс и Лидиянин и Ливиец находились в войске твоём и были у тебя ратниками,— говорит Иезекииль из Тира,— вешали на тебе щит и шлем; они придавали тебе величие» (Кн. пророка Иезекииля, 27, 10).

Это подтверждается и раскопками в Урарту. Совершенно естественно, что подобную выставку оружия часто принимали за арсеналы. Сам Саргон перечисляет огромное количество оружия в храме Мусасира. Если его скапливалось слишком много, то оружие отправляли на склады или переплавляли, изготавливая из него большие бронзовые фигуры, охранявшие вход, статуи царей или котлы. Ведь у богов нельзя было отнимать того, что им когда-либо принадлежало. По-видимому, и в других областях можно встретить статуи культового назначения из переплавленных бронзовых изделий.

Найденные в храмовых залах доспехи: щиты, шлемы или колчаны урартских царей — могут служить примером ремесленного производства, не обремененного художественной фантазией. Небрежностью своего исполнения они несколько напоминают хеттские изделия, но отличаются от них удивительным богатством орнаментации при отсутствии художественного вымысла. У хеттов никогда не было склонности к орнаментации. Вряд ли у них были распространены модные в то время узорные

ткани, о которых так много рассказывается в текстах и которые имитирует отделка статуй. На тканях, чеканке оружия и бронзовых обручах, скреплявших ванны, мы видим одинаковые узоры. Скорее всего они выполнены по одному образцу. Такие же узоры встречаются на фигурках из слоновой кости, бывших в то время неотъемлемыми частями кроватей и кресел. Вполне возможно, что узоры на тканях и фигурках из слоновой кости выполняли роль своего рода книги образцов, так как их легко можно было перевозить с места на место. Производство этих предметов носило серийный характер, что видно по изделиям из слоновой кости. Здесь, хотя и не очень отчетливо, можно выделить даже школы и мастерские.

У финикийцев наряду с посредственными товарами серийного производства встречались и образцы высокохудожественного ремесла. У урартов и ассирийцев мы постоянно встречаем одни и те же темы, постепенно превращавшиеся в орнаментальные мотивы. Древо жизни, оплодотворяемое гениями, и такое же с колено-преклоненными сернами и горными козами. Совершенно очевидно, что урарты никак не связывали эти украшения на оружии царей с мифическими представлениями; мало того, гениев иногда ошибочно принимали за женщин. Поэтому наши выводы об урартской религии нельзя основывать на изделиях художественного ремесла. Это же относится и к стоявшему на более высоком уровне финикийскому ремеслу.

Удивительно лишь то, что даже урартские золотые подвески, которые носили женщины царского рода, насколько не превосходили по качеству оружие царей. Мужчины носили пекторали бобовидной формы. Эта мода, судя по всему, не выходила за пределы Урарту. Поэтому пектораль из клада, зарытого в ванной в Зивийе, можно считать урартской. Украшения из Зивийи менее примитивны, чем медальоны женщин и пекторали из Тушпы; в их создании, по-видимому, принимал участие ремесленник, видевший не только финикийские, но и иранские изделия, что не удивительно, если учесть наличие многих иранских черт в религии урартов. Часть этих сокровищ ассирийского происхождения, другая, большая часть — урартского; прежде всего это украшения конской сбруи, которая на Востоке, в непосред-

Фрагмент золотой пекторали

венной близости с кочевыми народами, играла совершенно иную роль, чем в западных странах. Мотивы украшений конской сбруи, ее медальонов и блях совпадают с теми, которые можно наблюдать на шлемах и колчанах.

Мы уже говорили, что фигурки из слоновой кости нельзя рассматривать отдельно от предмета, частью которого они были. Для них нет никаких параллелей на пластинках из слоновой кости или из других материалов. Скорее их можно связать с древнесирийскими амулетами. Маленькая богиня с полосом² на голове — типично хеттская. Ее родина — хеттская Палестина. Мы находим ее изображение с теми же чертами не только у урартов, но и у греков. Именно эта богиня из слоновой кости предостерегает нас от попыток выделить греческое искусство и греческую литературу из общего потока развития мировой культуры. В Дельфах³ ее фигурки находим целыми комплектами. Если можно еще допустить, что в Урарту она импортировалась, то греки уж,

² Полос — небесный свод (древнегреч.). Так же назывался и головной убор круглой формы. — *Прим. пер.*

³ Дельфы — древнегреческое святилище, знаменитое своим оракулом и храмом бога Аполлона. — *Прим. ред.*

Человек-орел. Пластика из сло-
новой кости (Фрагмент мебели)

несомненно, производили ее сами, копируя с известного им образца. Во II тысячелетии до н. э. эта фигурка могла еще восприниматься как изображение богини, но, став предметом серийного производства, украшением мебели, она перестала быть божеством. Процесс ее превращения подобен тому, который превратил гениев, оплодотворяющих древо жизни, в простой орнамент. Фигурки богинь с полосом можно сравнить с китайскими изображениями на европейском фарфоре XVIII столетия.

Хеттского происхождения и человек с орлиной головой. Когда-то он поддерживал небо, а теперь его роль стала чисто утилитарной: он служит ручкой кресла. Этот пример должен предостеречь

нас от попыток видеть в деталях орнамента нечто большее. Мы понимаем, что причина снижения качества плоской пластики обуславливалась ее серийным производством. Изображение, перенесенное на другой материал, в свою очередь, служило образцом для следующей копии. Аналогичной была и судьба гравюр на меди в средневековом художественном ремесле.

Подобная же участь, а может быть еще более печальная, выпала на долю египетского сфинкса. Сфинкс встречается повсюду в самых удивительных вариантах. Еще более, чем сфинкс, был распространен в какой-то мере дополнявший его гриф⁴. У критян он еще имел

⁴ Гриф (грифон) — мифическое чудовище с туловищем льва, орлиными крыльями и орлиной или львиной головой. — *Прим. ред.*

символическое значение, греки подхватили этот символ, истолковав его по-своему, а ремесленники VII в. уже не видели в нем ничего символического. С изображениями грифа делали все что угодно, и он все безропотно переносил. Грифа создавали из любого материала, придавая ему черты самых невероятных существ. Встречаются изображения целых грифов, но иногда только их головы.

Часто эти фигуры представляют собой детали котлов. Для греков гриф не был мифическим существом, но они воплотили его образ в выдающееся произведение искусства, правда на столетие позже. Трудно было даже предположить, что такая яркая судьба была уготована бедняге грифу.

Подобно завитушкам и изогнутым лебединым шеям, характерным для претенциозного стиля начала нашего века, все эти мифические образы, утратив символическое значение, продолжали жить в виде украшений различных вещей. Самым лучшим, наиболее распространенным и по-своему оригинальным примером могут служить детали котлов — ушки с распластанными крыльями. Мы прекрасно представляем себе, каковы были котлы, полученные Одиссеем от феаков, и можем понять, почему он так заботливо пересчитывает их, возвратясь на Итаку. Ведь потеря хотя бы одного из этих великолепных изделий оказалась бы для него весьма огорчительной.

Котлы стояли на трех изогнутых ножках, которые в отличие от прямых ножек нашей металлической мебели неожиданно завершались львиными лапами, бычьими копытами и даже — что совершенно абсурдно — человеческими ногами в чулках. С точки зрения древних, все, что стоит, должно иметь ноги. Почему же им не бычь у котла? На этих ножках укреплен круглый, пузатый бронзовый сосуд обычной формы, вместительный и вызывающий представление об обильном его содержимом. Края украшают довольно большие и неуклюжие головы грифов или еще более грубые львиные головы на длинных выгнутых шеях. Головы грифов мы встречаем не только на котлах: это не соответствовало бы господствовавшему тогда духу практицизма. Они характерны также для конской упряжи на концах оглоблей, где обращены либо вперед, либо назад.

Фигура грифа со спинки кресла

Большие полые головы грифов заливались внутри варом или заполнялись любыми отходами. Встречаются и литые фигурки значительно меньших размеров, но мы не уверены, что они всегда были деталями котлов. Фигурки представляли собой человеческую голову с руками, точнее, крыльями вместо рук и хвостом. К спине у них иногда приделывали кольцо, за которое можно было держать сосуд. Обычно эти головки заглядывали в котел и отражались в его содержимом, когда он был заполнен до краев. Крылья делали их похожими на сирен.

Безусловно, в них нет ничего символического. Нередко они встречаются парами, одни имеют бороды, другие — ассирийские пышные прически, а третьи — длинные завитые локоны. По этим прическам трудно было отличить мужчин от женщин, так как по моде того времени их носили и те и другие.

Подобного рода котлы мы встречаем повсюду от Урарту до Италии, как у этрусков, так и у греков. Греки изготавливали их сами (как и фигурки из слоновой кости) по имевшимся образцам. Если задуматься над этими самыми удивительными из всех изделий, то прежде всего возникает вопрос: как могли люди начать делать такие с технической точки зрения нелепые вещи? К счастью, мы можем проследить историю их возникновения. Появились котлы во II тысячелетии до н. э.

Каппадокийские художники, которых мы с полным правом называем хеттами, давали волю своей фантазии, соблазняемые теми возможностями, которые им представляла мягкая и податливая глина. Они охотно отливали большие сосуды в виде головы быка. Как позднее к котлам приделывали ножки, чтобы они могли стоять, так в те времена считали, что сосуду нужен рот, через который могла бы выливаться жидкость. На глиняных ваннах бычьей головы казались еще практичней, чем на сосудах: им нужны были ручки, чтобы можно было поднять ванну с водой. Для этого на верхнем краю приделывали от двух до четырех бычьих голов. Здесь мы можем прервать наш рассказ, так и не исчерпав вопроса о всех тех ухищрениях, до которых дошел деятельный ум хеттов. Всякий раз, когда мы сталкиваемся с буйством фантазии и отсутствием практического подхода к материалу, можно не сомневаться, что мы имеем дело с хеттами. Большие глиняные сосуды, по краям которых находились быки, атакуемые львами, очень нравились урартам. Они обычно даже сохраняли обломки сосудов с такими скульптурными изображениями. Украшения на глиняных сосудах были прямыми предшественниками столь же свободно выполненным изображениям на бронзовых котлах.

Когда хотели сберечь дорогие бронзовые сосуды, их заменяли глиняными копиями, но бывало и наоборот: в металле воспроизводились глиняные заготовки такого рода украшений. Их, конечно, нельзя было отливать

вместе с сосудом: фигурки изготавливались отдельно, а затем их прикрепляли к сосуду шипами. Гомер очень точно описывает этот процесс:

Они [котлы] уже были закончены не было только
Ручек красивых.

Готовил Гефест их и гвозди ковал к ним.

(Илиада, XVIII, 378 сл.)

Головы быков, служившие ручками глиняных сосудов, оказались пригодными и для тяжелых бронзовых котлов. Шипы, снабженные для надежности сверху тремя лепестками, напоминали птицу с распластанными крыльями и хвостом. Меньше всего гармонировали они с бычьими головами. Естественно приходила мысль, почему бы не использовать здесь изображение человеческой головы. Правда, такую головку, особенно если ее крепить лицом наружу, не так удобно держать в руке, как голову быка. Но ведь ее можно повернуть и на спине прикрепить ушко с продетым в него кольцом. В такое кольцо можно вставить палку, чтобы легче было нести тяжелый сосуд. Так появились ушки с крыльями. Нам может показаться странным то или иное произведение древнего искусства, но прежде всего следует все же пытаться выяснить причины, которые привели к их возникновению. Прямолинейная схема развития не может нам в этом помочь. Новые направления в искусстве возникают именно в поворотные моменты, на стыках противоборствующих тенденций. Отражающиеся в содержимом котла головки, устремленные вверх фигурки, оживляющие его наружную стенку (на одном из котлов изображена группа охотников с собаками, заглядывающая внутрь), — все это производило очень живописное впечатление. В то время вряд ли кому пришла бы по вкусу простая гладкая ножка светильника. С карабкающимися же по ней или сидящими у ее основания животными подставка в виде человеческой фигуры создавала совершенно иную игру света и тени, впечатление постоянного движения и ощущение пространства.

Ту же причудливую игру света находим мы в поэмах Гомера, например в сверкании лысины прикинувшегося нищим Одиссея и бликах, отбрасываемых золотым светильником в руках Афины. Только при более

широком подходе к явлениям культуры можно установить общие закономерности ее развития. Живописность гомеровских описаний находит соответствие в изобразительном искусстве с его пестротой красок и мерцанием света. Котел с простыми, но прекрасными формами показался бы в VII в. до н. э. бедным и невыразительным. Но что бы сказал грек эпохи Перикла о ложе, на котором спали финикийские и урартские цари и, конечно же, ночевал Ахилл в своем походном жилище? Оно было сделано из дерева, слоновой кости и драгоценных металлов, украшено цветными камнями и раковинами. Глаза буквально разбегались от этого обилия украшений, и нельзя было охватить всю вещь в целом. Даже инкрустации из слоновой кости отличались от позднейших гемм: их подкрашивали красной и черной краской, покрывали местами позолотой, цветы и листочки на них изготавливались из крошечных кусочков стекла, а волосы — из золотых нитей. Не каждый мог позволить себе подобное украшение. Но любой предмет домашнего обихода поражал в те времена обилием украшений, тщательной отделкой деталей и пестротой красок. Чем богаче был оформлен предмет, тем больше ценился. На кресле Пенелопы мы находим даже имя его создателя Икмалия. Описывая это кресло, Гомер называет материалы, которые его украшали, — серебро и слоновую кость. Подбор, по нашим представлениям, ужасающий. Но наш вкус в этом отношении диаметрально противоположен представлениям классической Греции. Нам ближе резные украшения поздней готики или кубки XVII столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Классическая археология называет описываемое нами время периодом ориентализации и архаики. Это понятно, если подходить к нему с позиций эпохи Перикла. Но если рассматривать историю греков от ее истоков, едва ли можно найти более неудачную терминологию. «Архаичный» значит «древний», но Гомер был современен по отношению к своей эпохе и в этом отношении превзошел все последующие столетия. Архаический стиль также стремился быть современным, независимым, революционным. Он брызжет жизнью, для него характерна вечная молодость. Греки надолго отстали в своем развитии, и им приходилось наверстывать упущенное. Другие народы к этому времени уже испробовали и во многом израсходовали свои силы. Гомер хорошо это понимал.

Его Ахилла называют всегда «солнечным», как называют «солнечным» ребенка, беспечно разбрасывающего свои игрушки. И только боль, подобно набежавшему облачку, омрачает его постоянную веселость. Но никто больше самого Гомера не удивился бы такой характеристике Ахилла, единственного из его героев, поведение которого почти преступает границы допустимого. Можно ли назвать «солнечным» Ахилла, убивающего Ликаона? Его в этот момент нельзя даже назвать героем; он просто мстителен:

Что ты, глупец, мне про выкуп толкуешь? Ни слова об этом!
Прежде, когда еще день роковой не наступил Патрокла,
Миловать было троянцев порой мне приятней.
Многих живыми я в плен забирал и в продажу пускал их.
Нынче ж не будет, чтоб кто-нибудь спاسся от смерти, кого бы
В руки мои божество ни отдало пред городом вашим,
Будь это просто троянец, тем более — дети Приама.
Милый, умри же и ты! С чего тебе так огорчаться?
Жизни лишился Патрокл, — а ведь был тебя много он лучше!
Разве не видишь, как сам я и ростом велик, и прекрасен?

Знатного сын я отца, родился от бессмертной богини,—
Смерть однако с могучей судьбой и меня поджидают.
Утро настанет, иль вечер, иль полдень,— и в битве кровавой
Душу исторгнет и мне какой-нибудь воин троянский,
Или ударив копьём, иль стрелой с тетивы поразивши.

Затем Ахилл кричит, бросая труп юноши в реку:

«Там и лежи между рыб! Они у тебя беззаботно
Будут из раны вылизывать кровь. Не положит на ложе
Мать и тебя не оплачет. Скамандр, водовёртью богатый,
Тело твоё унесет в широкое лоно морское!
Рыба, играя в волнах, на поверхность чернеющей зыби,
Быстро всплывет, чтоб поест ликаонова белого жира.

(Илиада, XXI, 99—127)

О многом у Гомера можно спорить, но только не о том, что он и его герои солнечны, архаичны или даже наивны. Скорее они опасны, как и все было опасно в то время. Чувство страха было необходимым дополнением к патриархальной созерцательности. Гомера и его время можно сравнивать только с Шекспиром и его эпохой.

Старый болтун Полоний, снаряжая в путь своего сына, преподносит ему свод «плоских» жизненных правил, как будто позаимствовав его из «Повести об Ахикаре». Он умирает не слишком героической смертью, пронзенный шпагой Гамлета, уличившего его в подслушивании. Образ Гамлета с характерной для него раздвоенностью мог бы соблазнить Гомера. Собственно говоря, мы встречаем у него только такие характеры, возьмем ли Гектора, Агамемнона, Одиссея или Пенелопу. К сожалению, ученые и переводчики упростили их так же, как археологи и историки — «век архаики». Если же мы освободимся от искаженных представлений, то не найдем для этого века более подходящего и емкого имени, чем имя Гомера.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С первых же страниц книги Маргарет Римшнейдер читатель попадает в сложный и своеобразный мир, отстоящий от нас на несколько тысячелетий. Автор проводит его по областям и землям, история и культура которых редко освещается в научно-популярной литературе, являясь предметом специальных научных исследований. Поэтому особенно ценным представляется стремление М. Римшнейдер изложить достижения современной хеттологии и результаты своих собственных научных работ в виде интересно и увлекательно написанной популярной книги.

Следует отметить, что полемический характер, которым пронизан весь труд М. Римшнейдер, несмотря на, казалось бы, сугубую специфичность рассматриваемых ею вопросов, придает чрезвычайную живость всему повествованию и делает читателя непосредственным и заинтересованным участником рассматриваемых автором проблем. Взять хотя бы вопрос об Ассирии, этом хищническом государственном образовании, существовавшем главным образом за счет насилия — войн и грабежа покоренных стран, цари которого в своих пышных надписях похвалялись количеством содеянных ими злодеяний (обезглавленных, искалеченных, ослепленных врагов и стертых с лица земли городов и поселений). М. Римшнейдер в противовес существующим в германской науке взглядам милитаристской школы на Ассирию, как на образец прекрасно построенного государственного аппарата, или панвавилонистским теориям убедительно показывает куда более значительную роль хеттского государства в сложении общечеловеческой культуры, приводя чрезвычайно интересные данные, почерпнутые из истории хеттов, которые самым удивительным образом смыкаются со сведениями, содержащимися в поэмах Гомера.

М. Римшнейдер специально отмечает, что еще совсем недавно было общепринятым мнение о самобытности и независимости путей, по которым шло развитие греческой культуры, и что общей ошибкой, присущей исследователям гомеровской Греции, являлась недостаточная их осведомленность в отношении истории и культуры юго-восточных частей Малой Азии (Киликии, Фригии, Каппадокии и дру-

гих областей), входивших в состав Хеттской державы и после ее падения уцелевших в виде отдельных небольших княжеств и городов-государств. Именно здесь сохранилась хеттская традиция, характерные черты которой позволяют, как считает М. Римшнейдер, проследить культурно-этнические связи, существовавшие во всей ойкумене (обитаемом мире) и создававшие единое для того времени мироощущение. И нити эти вели с Востока в материковую Грецию. Таким образом, М. Римшнейдер полностью снимает тезис о самобытности и независимости «собственно греческой» культуры. Если раньше сведения, которые черпали историки эллинского мира из древневосточных источников, сводились к свидетельствам Библии, анналам ассирийских царей, вавилонским клинописным памятникам и египетским надписям и папирусам, то после расшифровки Бедржихом Грозным хеттской письменности из царского архива, найденного в Богаз-Кеое, выяснились широкие и давние связи Эгиды с Малой Азией, а через нее — и со всем Передним Востоком.

Обстоятельное изучение истории и памятников материальной культуры послехеттских государств на территории Киликии и Северной Сирии позволило автору проследить пути и способы, которыми мифологические и литературные сюжеты, предметы быта и культуры проникали на Запад. Надо сказать, что М. Римшнейдер достаточно критически подходит к имеющемуся в ее распоряжении материалу и в ряде случаев показывает, что из-за фрагментарности и известной случайности данных возможна различная их интерпретация, а следовательно, и построение весьма отличных друг от друга гипотез.

Автор использовал свои переводы текстов, двуязычных лувийско-финикийских надписей, обнаруженных в Каратепе в 1947 г., которые, однако, сильно расходятся с переводами И. В. Винникова, опубликованными в журнале «Вестник древней истории» за 1950 г. Следует отметить, что термин «хетты» толкуется М. Римшнейдер слишком расширительно, так как в него включаются все многочисленные народности малоазийских областей, так или иначе соприкасавшиеся с хеттским культурным ареалом, но говорившие на разных (лувийском, арамейском) языках. Для автора не подлежит сомнению то обстоятельство, что при всей сложности миграционных и культурных процессов, происходивших на территории Малой Азии в I тысячелетии до н. э., традиции хеттской культуры продолжали жить в орбите киликийско-сирийско-финикийских взаимоотношений. Если же вспомнить, что греческие колонии, расположенные по малоазийскому побережью Эгейского моря, доходили до самой Киликии, а торговые контакты между этими областями

были достаточно оживленными, то вполне закономерным представляется столь же широкое проникновение — вместе с различными товарами — восточных литературных сюжетов, мифологии, религиозных образов и философских воззрений.

И вот греческий поэт, живший в VIII—VII вв. до н. э., объединяет отдельные мифы, бродячие сюжеты, почерпнутые из различных сказаний, и создает единое целое, относя действие поэм к более древним временам, но на деле отображая окружающую его действительность. Так возникли «Илиада» и «Одиссея», отражающие великую эпоху приключений и открытий, созданные в период духовной свободы, центр которой находился у восточных берегов Средиземного моря. Об этом пишет М. Римшнейдер во Введении. Интересно, что автор почти не касается так называемого «гомеровского вопроса», которому все же следует уделить некоторое внимание, хотя бы для того, чтобы читатель смог оценить всю смелость автора книги в плане ее суждений о Гомере и его поэмах.

«Гомеровский вопрос» возник в конце XVIII в., когда исследователи задались целью выяснить происхождение обеих поэм, уяснить себе, были ли они результатом индивидуального или народного творчества, и затем определить разновременные сюжетные линии, которые лежали в основе поэм. Одни из ученых полагали, что поэмы представляли собой искусственное соединение отдельных и разновременно созданных песен. Другие признавали единство замысла и стиля, а противоречия объясняли позднейшими искажениями, попавшими в текст. Третьи искали «первоначальное ядро» каждой из поэм, на которое с течением времени при передаче из поколения в поколение наслаивались различные и зачастую противоречивые дополнения. Кроме того, хотя в античный период не возникало вопроса о реальном существовании гениального поэта — Гомера и многие греческие города оспаривали честь считаться родиной великого творца знаменитых поэм, длительное время многие ученые полагали, что Гомер — вымышленная фигура. В советской науке проблема происхождения эпоса также считается еще недостаточно выясненной, хотя такой крупный знаток античной литературы, как С. И. Радциг, склонен видеть в каждой поэме произведение одного автора, считая, что композиционное единство, лежащее в их основе, является убедительным тому аргументом.

По мнению М. Римшнейдер, «вплоть до эпохи эллинизма не было такого насмешливого, вольнодумного, с таким широким диапазоном интересов поэта, как Гомер» (стр. 4). Она тщательнейшим образом анализирует текст «Одиссеи» и находит ряд «отсылок» к совершенно реальным областям (например: Схерия на острове феаков — это Тарс; см. стр. 42). Как кажется, М. Римшнейдер чуть

ли не впервые в «гомероведении» пытается локализовать место действия некоторых песен «Одиссеи», помещая его в Киликии. Столь же интересен анализ ряда песен «Илиады», правда содержащий иногда совершенно «ошеломляющие выводы», как, например, «увлечение Гомера техникой» или упоминание прислужниц-роботов у Гефеста (стр. 80).

Склонность самой М. Римшнейдер к весьма категорическим и неожиданным суждениям проявляется на многих страницах ее книги [таково, например, утверждение, что «величайшие его злодеяния [Синаххериба] обусловлены только его технической одержимостью» (стр. 84), или высказывание о склонности этого же царя к спортивным достижениям (стр. 85)]. Конечно, принимая во внимание сложность вопросов, которые освещает на страницах своей книги М. Римшнейдер, не следует судить ее особенно строго за некоторые упрощения и модернизм, которые она себе разрешает. Это делается, несомненно, для того, чтобы заинтересовать малоискушенного читателя и заставить его задуматься над серьезными проблемами, лежащими в основе работы. Несмотря на научно-популярный характер книги, многие высказывания автора выглядят благодаря основательной аргументации как серьезные исследовательские выводы. Это в полной мере относится к анализу анналов ассирийских царей и сравнению их с соответствующими книгами Библии, разбору «Повести об Ахикаре» и сравнению ее с поэмами Гесиода и Гомера. Чрезвычайно интересна предложенная М. Римшнейдер новая датировка «Рассказа об Ионе» и остроумная характеристика этого произведения, совершенно по-новому освещающая его подлинный смысл.

Рисуя широкую картину жизни обитателей ойкумены «От Олимпии до Ниневии во времена Гомера», автор в удивительно живой и непосредственной манере беседует с читателями как на самые сложные, так и на самые простые и доходчивые темы — о походах и кровавых расправах, о торговых площадях, дальних плаваниях, о доме, утвари, мирной жизни, любви к близким и детям. Все это М. Римшнейдер вычитала из поэм Гомера, написанных, как она считает, в VII в. до н. э., в том веке, который, по ее словам, «может стать нам таким близким и понятным. И лишь филологи виноваты в том, что мы не носим книги нашего Гомера в кармане, как увлекательный роман, а взираем на них с почтением, как на памятник, не испытывая никакого желания перечитать этого поэта» (стр. ...). И хотя наши ученые не видят оснований для столь поздней датировки этих поэм, нельзя не поддаться соблазну совершенно по-новому взглянуть на Гомера (в котором мы привыкли видеть поэта, воспевающего силу и мужество), как на «певца доброты и жизнен-

ной стойкости», который «умеет показать сложность жизни, не ограничиваясь только белой и черной красками».

М. Римшнейдер сближает героев Гомера с героями Шекспира, полными противоречий, с глубоким внутренним миром. И, возможно, не случаен для нашего сложного времени вновь вспыхнувший у ряда писателей интерес к античной мифологии, в образах которой в наиболее законченной и совершенной форме воплотились основные философско-этические проблемы, занимавшие человека с того времени, как он стал мыслить. Каждый большой писатель находит свой собственный угол зрения, под которым древний миф начинает играть новыми гранями. И в «Загадке Прометея» Лайоша Мештерхази¹ содержится тот же призыв — читайте Гомера, он всегда бесконечно нов, потому что бесконечно многогранен. Книга М. Римшнейдер, сама по себе представляющая большой интерес, хороша еще и тем, что безусловно вызывает у прочитавших ее желание встретиться с Гомером и его героями.

А. Нейхардт

¹ «Иностранная литература», 1976, № 4—5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
История	5
Торговля и судоходство	31
Военное дело	47
Города и дворцы	64
Домашняя утварь, обстановка	75
Техника	79
Народ и семья	86
Спорт и физическая культура	93
Музыка	102
Религия	107
Литература	114
Изобразительное искусство	141
Заключение	158
Послесловие	160

Маргарет Римшнейдер

ОТ ОЛИМПИИ
ДО НИНЕВИИ
ВО ВРЕМЕНА ГОМЕРА

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»*

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *Н. А. Преснова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Л. М. Кольцина*

Сдано в набор 22/XI 1976 г.
Подписано к печати 5/III 1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 5,25
Усл. п. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,59. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 3995. Зак. № 829. Цена 54 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В ы ш л и :

Вольневич Я.

У аборигенов Океании, 12 л.

Маклин Э.

Капитан Кук, 7 л.

Воляновский Л.

Почта в Никогда-Никогда, 13 л.

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В ы й д у т:

Шишкин И. Б.

У стен великой Намазги, 10 л.

Обычаи и фольклор Мадагаскара, 16 л.

Бэшем А.

Чудо, которым была Индия, 36 л.